

ISSN 2500-3682

**СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ПОЗНАНИЕ
№ 12 2025 (ДЕКАБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

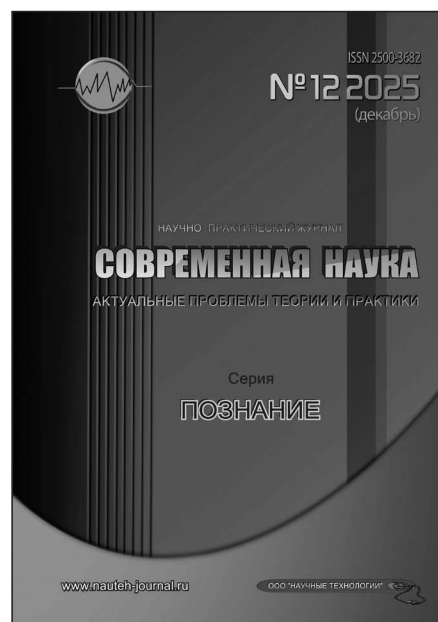
Подписано в печать 10.12.2025 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №12 (декабрь) 2025 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK - 5.3.x, 5.7.x, 5.10.x)

В НОМЕРЕ:

**КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филос.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филос.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филос.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филос.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филос.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филос.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филос.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филос.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филос.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филос.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филос.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

Культурология

- Заборовская В.А.** – Подлинность и достоверность как предметы внимания в теории реставрации
Zaborovskaya V. – Authenticity and accuracy as subjects of attention in the theory of restoration 5
- Землянский Д.И.** – Трансформация культурных кодов скорби от архаических ритуалов к современным практикам горевания
Zemlyansky D. – The transformation of cultural codes of grief from archaic rituals to modern grieving practices 10
- Избачков Ю.С.** – Молодые годы доктора Барченко
Izbachkov I. – The early years of doctor Barchenko 15
- Калинин В.В.** – Культурная эволюция военной символики на рубеже XX и XXI веков
Kalinin V. – Cultural evolution of military symbols at the turn of the XX and XXI centuries 20
- Потапчук В.В., Потапчук Е.Ю.** – Кошка матроска, пиратыч и другие: особенности современных российских маскотов
Potapchuk V., Potapchuk E. – The cat matroska, piratych and others: features of modern russian mascots 23
- Саратовский С.В.** – Феноменология дороги как культурного концепта русской цивилизации
Saratovskii S. – The phenomenology of the road as a cultural concept of russian civilization 30

Психология

- Архимандритова Ю.А.** – Влияние цифровизации экономики на психологические аспекты принятия финансовых решений
Arkhimandritova Iu. – Motivational and cognitive features of financial decision-making 34

- Бобылева Т.Г.** – Личностные ресурсы в совладании с трудными жизненными ситуациями
Bobyleva T. – Personal resources in coping with difficult life situations 40
- Бурикова И.** – Политико-психологический подход к основным мерам противодействия противнику в ходе когнитивной войны
Burikova I. – Political-psychological approach to countermeasures against adversarial cognitive influences in the context of political epidemics 45
- Гафарова О.Н.** – Структура процесса осознания на метакогнитивном уровне, как универсальная консультационная «матрица» для психотерапии
Gafarova O. – The structure of the awareness process at the metacognitive level, as a universal counseling "matrix" for psychotherapy 52
- Дохоян А.М., Маслова И.А.** – Жизненная стойкость как основа профессионализма будущего психолога
Dokhoyan A., Maslova I. – Vitality as the basis of the professionalism of the future psychologist. ... 59
- Карматская Г.Ю.** – Эффективность метода десенсибилизации и переработки движениями глаз (ДПДГ, EMDR) в терапии внутриличностного конфликта у женщин с функциональным бесплодием
Karmatskaya G. – The effectiveness of eye movement desensitization and reprocessing (EMDR) in the treatment of intrapersonal conflict in women with functional infertility 64
- Кузнецов А.Е.** – Особенности представлений о родительстве у подростков в условиях деструктивного и дисфункционального семейного взаимодействия
Kuznetsov A. – Peculiarities of adolescents' perceptions of parenting in the context of destructive and dysfunctional family interactions 70

Макарошкина Н.В. – Кросс-культурная парадигма: сравнительный анализ социокультурных моделей России и стран Юго-Восточной Азии

Makarochkina N. – Cross-cultural paradigm: a comparative analysis of sociocultural models in Russia and Southeast Asian (SEA) countries..... 76

Огуй В.О., Быков Е.В. – Влияние авторского метода виброакустического массажа поющими чашами на качество жизни, психоэмоциональное состояние и качество сна здоровых женщин молодого возраста
Oguy V., Bykov E. – Impact of the original method of vibroacoustic massage with singing bowls on the quality of life, psycho-emotional state and sleep quality of healthy young women 80

Философия

Васильева Е.Н. – Влияние христианства на право
Vasilyeva E. – The influence of christianity on the law 89

Иванова Е.В., Шубин Л.Б., Левченко Е.В., Филиппова О.В., Усов С.С. – Проблема истины в условиях постправды: философский анализ трансформации эпистемологии
Ivanova E., Shubin L., Levchenko E., Filippova O., Usov S. – The problem of truth in the post-truth era: a philosophical analysis of the transformation of epistemology 93

Калинин Д.Н. – Социокультурные факторы формирования этносоциальной идентичности в современной России: социально-философский анализ
Kalinin D. – Socio-cultural factors of the formation of ethnosocial identity in modern Russia: socio-philosophical analysis 99

Красников С.П. – Лингвистический поворот и проблема референции: от фреге до современных теорий значения

Krasnikov S. – The linguistic turn and the problem of reference: from frege to contemporary theories of meaning 105

Лян Чуньюй – Философско-культурологический анализ трансформации образовательной стратегии Китая в контексте глобального распространения искусственного интеллекта
Liang Chunyu – Philosophical and cultural analysis of the transformation of china's educational strategy in the context of the global distribution of artificial intelligence 108

Скопа В.А. – Идеиные воззрения русских философов XIX-начала XX века об институте семьи и брака

Skopa V. – Ideological views of Russian philosophers of the 19th and early 20th centuries on the institution of family and marriage 113

Информация

Наши авторы. Our Authors..... 117
Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 118

ПОДЛИННОСТЬ И ДОСТОВЕРНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТЫ ВНИМАНИЯ В ТЕОРИИ РЕСТАВРАЦИИ

Заборовская Виктория Александровна

Соискатель, Санкт-Петербургский
государственный университет
vikaz@yandex.ru

AUTHENTICITY AND ACCURACY AS SUBJECTS OF ATTENTION IN THE THEORY OF RESTORATION

V. Zaborovskaya

Summary: The article attempts to consider the problem of the relationship of the "authentic" site with the rest of the documentary cultural monument after restoration. When comparing the original site and the one restored by the restorer, discussions arise. To the restored sites, which replaced the lost ones, the question arises: how reliable are they? The reasons for the lack of elaboration of the emerging dilemma lie in the absence to date of a separate serious theoretical study devoted to a comprehensive analysis of the results of restoration practice.

Keywords: restoration, authenticity, authenticity, historicity, author's composition, preservation, historical and artistic significance of a documentary cultural monument.

Аннотация: В статье сделана попытка рассмотреть проблему отношений подлинного участка со всем остальным поновленным составом документального памятника культуры после реставрации. К восстановленным участкам, которые заменили утраченные, появляется вопрос: насколько они достоверны? Причины неразработанности возникающей дилеммы лежат в отсутствии на сегодняшний день отдельного серьезного теоретического исследования, посвященного комплексному анализу итогов реставрационной практики.

Ключевые слова: реставрация, подлинность, достоверность, историчность, авторский состав, сохранность, историческое и художественное значение документального памятника культуры.

Светлой памяти Ольги Анатольевны Громовай

Введение

Все, кто занимается или занимался сохранностью документальных памятников культуры: историки, хранители, реставраторы, искусствоведы, представители обществ охраны, специалисты различных научных областей (климатологи, биологи, физики, химики и др.), коллекционеры, любители старины знают о разрушительном воздействии времени на этот вид наследия.

Значимым и важным в оставленном потомками документальном достоянии, просматривается то, что оно является свидетелем прошлого и доказательством многих исторических фактов, реалий и процессов. Будучи старинными носителями редкой информации, такие документы (если они еще и в единственном экземпляре), транслирует особую ценность и сохранение их сегодня особенно актуально.

Множество квалифицированных специалистов с любознательным, изобретательным умом и «золотыми руками» решают в современных условиях новые теоретические и прикладные вопросы в области консервации, реставрации и хранения документального наследия. Часто проблемы обеспечения сохранности редких документальных подлинников не имеют единого решения, еще и подталкивают принимать его без промедления,

сокращать время, затраты: быстро и бережно вводить в процессы стабилизации и восстановления серьезные изменения и коррективы.

Под документальным памятником предлагают понимать «материальный объект с информацией, закрепленной созданным человеком способом, для передачи ее в пространстве и времени». [1] Это письменные, изобразительные, печатные документы, которые достойны охраны государства. К ним относят манускрипты, палимпсесты, инкунабулы, палеотипы, рисунки, письма, графику, карты, книги. Часто документы из прошлого имеют улучшенное оформление, особенную материальную основу, необычные переплеты. Они сопровождаются легендами, на них размещены уникальные пометы известных людей. Их сохранность, которая «предусматривает как ограничение пользования ими, так и обеспечение неотъемлемого права человека на доступ к информации - основное противоречие, которое решают сегодня учреждения культуры в своей работе». [2] Спасением и восстановлением редкого документального наследия занимаются реставрационно-консервационные службы. Основы научной деятельности, которых, были заложены в дореволюционный период в крупнейших библиотеках, музеях и архивах России.

Данная статья не добивается описания всей истории реставрационно-консервационной теории и практики, а также рассмотрения всех приемов сохранения доку-

ментального наследия. Она нацелена на актуализацию поисков новых решений в данной теме исследования и привлечения внимания молодых специалистов к новым возможным результатам.

К вопросу о подлинности

К настоящему времени в отрасли консервационно-реставрационных служб формируется особая ситуация, примечательная тем, что положение о сохранении подлинности наследия берет верх в подавляющем большинстве зарубежных и отечественных исследований истории реставрации. Нужно отметить то, что в международных и национальных нормативных положениях, регламентирующих консервационно-реставрационную практику, сохранение подлинности утверждается в качестве основной категории профессиональной этики. И главным в преобразованиях консервационно-реставрационной службы наблюдается то, что трепетное отношение к подлинности является приоритетной важностью и всегда повышает профессионализм реставраторов-практиков.

Отмеченные выше проявления реализуют важное положение «Венецианской хартии», (которая до сих пор является основным документом принципов реставрации), что «памятники прошлого должны быть переданы будущим поколениям во всем богатстве их подлинности».[3]

Известно, что материальная структура памятника культуры со временем изменяется, подлинность же остается неизменной до момента полного разрушения материи. Подлинность обеспечивает преемственность культуры - важнейшего стимула, влияющего на развитие миропонимания людей. Она считается единственной объективной мерой ценности редкого документа для его узнавания и исследования.

О изменениях, усовершенствованиях и преобразованиях в современном мире базисного понятия подлинность можно прочесть в исследованиях известных отечественных специалистов В.Г. Белозеровой, Ю.Г. Боброва, Н.О. Душкиной и др. В них отмечается, что наблюдается недостаточная «разработанность понятия «подлинность», и это приводит к ослаблению научных критериев, предъявляемых к памятникам культуры, и сопротивление к негативным тенденциям становится менее действенным». [4]

Несмотря на заметный опыт применения подходов трасологии в изучении уникального документального наследия, проблема подлинности нередко продолжает решаться методом «от противного»: авторское/не авторское, раннее/позднее, подлинное/не подлинное и т.д. Для того, чтобы понятие подлинности стало одновременно общенаучно достаточным и практически при-

емлемым, необходимо теоретически грамотно построить само это понятие и вывести из его философского обоснования все необходимые практические решения. Сила методологии «подлинности» состоит в комплексности подхода к памятнику, в системности рассмотрения творений, дающих надежду на их сохранение во всей присущей им роскоши. Все затронутые выше автором вопросы, составляют большую перспективу для дальнейших исследований.

Сильные попытки построения понятия подлинности были сделаны представителем московской школы реставрации В.Г. Белозеровой. Обращает на себя внимание ее заключение, что в полной мере воссоздать достоверно аутентичную авторскую эстетическую форму памятника вряд ли кому удастся. Поэтому выделяется ее предложение, что существует необходимость определения нормы в нарушении подлинности, которые не будут считаться в пределах реставрационной практики нарушением как таковым.

В современном реставрационном мире часто прodelываются смелые познавательные шаги, и профессиональная деятельность постоянно совершенствуется в преодолении сложных для решения проблем о допустимом пороге ошибок в определении объема подлинности памятника культуры. Феномен подлинности часто испытывает потребность в доказательстве своей истинности, в толковании и поддержании его существования. Для этого требуются старания многих теоретических умов.

Некоторые аспекты из истории реставрации документального наследия

Уникальные подлинники документов, размещенные для постоянного хранения, в своем большинстве имеют бумажную основу, которая постепенно разрушается даже в процессе бережного использования и внимательного хранения. Для их спасения хранители нередко обращаются к реставраторам.

В литературе этой области не удалось найти полного и подробного обзора существующих научных методов реставрации, есть только статьи о разных подходах к спасению ценных единиц хранения, описания наблюдений и частных решений, рекомендательные методические пособия.

Реставрация удлиняет срок жизни документов, улучшает их физическое состояние, дает способность противостоять внешним воздействиям. Реставрацию документального памятника существует необходимость рассматривать как способ сбережения, как форму физического воплощения части процесса культурного наследования, как способ восприятия исторического прошлого.

Считается, что сегодня реставрация объектов культурного наследия «относительно молодое направление научно-ориентированной практической деятельности людей и терминологическая система в сфере реставрации находится в состоянии становления». [5] Отсутствие четкой общепринятой терминологии затрудняет не только профессиональное общение, но и обмен опытом между специалистами различных школ реставрации. Это приводит в некоторых случаях к непониманию и ошибкам в процессе работы. Государственные стандарты, призванные унифицировать терминологию в области консервации и реставрации отстают от потребностей практики, их недостаточно для описания всего многообразия материалов, технологий и методов, используемых современными реставраторами.

Отсутствие необходимой терминологии и классификации материалов, используемых в реставрации, отмечается многими специалистами. Знаменитый «доктор книг» Ю.П. Нюкша писала, что в ГОСТ [6] невозможно включить всё необходимое, есть большая необходимость создания специального толкового словаря.

Научно-теоретические и прикладные направления реставрационной деятельности в нашей стране в литературе прописаны недостаточно. Для проявления этих причин рассмотрим небольшой экскурс в историю реставрации.

Ремонтировать и подновлять документы начали еще в эпоху Античности, но первыми исследователями реставрации и представителями двух крайностей (минимальное вмешательство против тщательного изучения и восстановления) считаются Джон Раскин (Великобритания) и Эжен Вилле-де-Дюк (Франция). Реставратор по сей день находится в поле появившейся тогда дилеммы. В России реставрационная активность в это время поднимается при императрице Елизавете Петровне, когда в Петербург приехали из Германии Георг Христофор Грот и Лукас Конрад Пфандцельт (Фанцельдт). «В 1842 году в России обратили внимание на разрушения книг с переплетами из кожи, а в 1858 году начали проводить исследования насущных проблем консервации». [7] В этот же период И.П. Сахаров (1807-1863) создает теоретическую концепцию реставрации. Особенно и быстрыми темпами наука о реставрации начинает развиваться с 1920-х годов, «в Москве появляются Центральные реставрационные мастерские под руководством И.Э. Грабаря, сделаны успешные попытки для появления фотоаналитической лаборатории». [8] К концу сороковых годов утверждаются основные правила сохранности наследия, но разрушительные последствия войны приводят к тому, что появилось множество восстановленных из руин памятников, которые превратились в симулякры.

По этой причине в 1964 году в Венеции появляется

знаменитая «Венецианская хартия», которая настаивает на четком разделении подлинности и достоверности восполнений.

Важно отметить создание в это время признанной теории «потенциального единства» Чезаре Бранди [9], в которой говорится о важности подлинного фрагмента памятника, о реставрации, как незаменимом инструменте для сохранения подлинности материи с утратами. [10]

В 1994 году в городе Нара (Япония) исследования подлинности реликвий были поддержаны «Нарским документом о подлинности». А Международной Конвенцией об охране Всемирного культурного и природного наследия был разработан «тест на подлинность». [11]

В настоящее время многие защитники подлинного наследия сильными обзорными работами стремятся обратить внимание людей на положения, где традиционные подходы часто не поддерживаются ни колумнистами, ни административными органами, которые предлагают обновить исторические памятники, не учитывая их уникальные особенности. Есть нерадостная информация о заявлениях пересмотреть или дополнить Венецианскую Хартию новыми главами, так как реставрационные вмешательства нередко проводятся без учета ее требований.

В России с момента образования науки о реставрации по сегодняшний день научно-техническая и прикладная области реставрационных процедур описаны недостаточно, отмечаются частые дискуссии между представителями двух противоположных направлений.

Одни исследователи поддерживают положения Венецианской хартии, иные работают в направлении полного восполнения утрат, заверяя, что такая реставрация надежнее для памятников культуры. Результатом споров является то, что в последнее время встречаются ошибки и различные точки зрения на цели реставрации. А подлинность памятника одни исследователи относят к «художественной ценности, другие, как Л.А. Лелеков, – считают подлинностью только его материальную неизменяемую субстанцию, отвергая какие-либо эстетические мотивы реставрации» [12].

Озадачивает то, что отечественные реставраторы очень редко используют результаты исследований зарубежных коллег и часто обращаются к наработанным ранее методам. Вся сложность такого сосуществования определена длительной закрытостью реставрационной отрасли и таким редким явлением, как терпеливый мастер с глубоким научным знанием, способный реализовать на практике сложные методики простыми приемами, не тревожа современным вмешательством уникальные следы прошлого.

Всем эмпирическим суждениям о реставрационном вмешательстве присуща подвижность, так как оно не догматично и не может быть строго нормированным, потому что каждый редкий документ особенный. Противоречия, заблуждения, условности профессиональной психологии привели к тому, что многие решения смещаются в сторону консервации и коротко формируются в следующем девизе: «Сохранение предпочтительнее обновления».

К вопросу о достоверности

Поставленная в данном исследовании задача проанализировать связь подлинных части или частей документа со всем остальным восстановленным реставратором составом, проявила много предметов для обсуждения, потому что каждый редкий документальный памятник культуры ждет индивидуального подхода и имеет особую историю. К восстановленным участкам, которые заменили утраченные, ставятся вопросы. Строятся картины отношения истории и современности: насколько восстановленное достоверно? Насколько реставрация вернула прошлое, возродило его? Хватило ли профессионального мастерства, чтобы провести все реставрационные мероприятия? Причины возникновения этой дилеммы лежат в отсутствии на сегодняшний день отдельного серьезного теоретического исследования, посвященного комплексному анализу итогов реставрационной практики.

Всегда существовали и существуют различные школы и подходы к реставрации редких документальных памятников культуры. Естественно, что всегда между профессионалами различных школ шли дискуссии - как сохранять документальное наследие. В последнее время положения о реставрации часто декларируются, однако в определенных конкретных случаях из любого правила всегда есть исключения. К таким исключениям относят, например, раскрашенные вручную красками, содержащими медь, гравированные карты XVI века.

Теоретические предложения для решения реставрационных задач часто усложнены для практического выполнения и далеки от реальной реставрационной практики. Реставрированный редкий документ всегда сопровождает вопрос о его подлинности. При рассмотрении документального подлинника, с которым поработал реставратор, можно поговорить о его достоверности. Подлинные участки могут граничить как с достоверно, так и с сомнительно восстановленными. Возникают антиномии, которые давно обсуждаются. Их невозможно решить логически, используя научно-техническую основу. Решение переносят в область морально – этического регулирования. Максимальное сохранение подлинных участков и достоверное восполнение утрат подлинника — это область профессиональной этики, в рамках кото-

рой должны быть понятно разработаны нравственные критерии вмешательств реставратора. Трудности, что связаны с большой ответственностью за реставрацию и сохранность редкого памятника культурного наследия, описаны в работах многих известных ученых, ими отмечается, что реставратор остается наедине с редким документом и грядущее этого документа находится в его руках. Он тактильно, как бы почти наощупь, начинает разбираться в тонкостях его создания, доходя до применения сложных инструментов. И хотя реставрация заявлена, как обратимый процесс, смогут ли последующие мастера вернуться в будущем к исходному состоянию документа, который был почти руиной. Наши потомки будут изучать и давать оценку качеству работ, проведенных реставраторами разных времен. [13] Из-за невозможности полностью восстановить авторский замысел, наблюдаются результаты вмешательств, к которым есть много вопросов, не поддерживающие друг друга документы и публикации. Успехи реставрации малоизвестны и это сказывается на качестве производимых работ на многих памятниках культуры. Такая особенность культуры сформировалась в результате изолированного существования отечественной науки и практики на протяжении почти всего двадцатого века. Распространение информации о высококачественных реставрациях и исполнителях помогает переходить из забвения в атаку.

Заключение

Итак, в настоящей работе, на основе анализа некоторых подходов реставрационной практики, сделана попытка ответить на вопрос насколько достоверны восстановленные участки на документальном памятнике культуры и как они граничат с подлинными. Любое, а тем более художественное восстановление утраченных участков редкого документа, называют «чрезвычайно ответственным этапом в реставрации» [14]. Пожалуй, этот момент остается наиболее актуальным при реализации многих методик на практике простыми техническими методами с наименьшим разрушительным результатом. Как и следовало ожидать, разрозненные теоретические исследования, (одни из которых успешные, другие менее удачны) не раскрывают полно ответы на эти и многие другие вопросы в реставрации. Для оценки современного состояния теории реставрации необходимо проанализировать весь комплекс проблем сохранения культурного наследия, рассмотреть имеющиеся кодексы профессиональной этики, сопутствующие документы, исследовать труды современных теоретиков реставрации. И узнать действительно ли, как пишут авторитетные ученые, что научный реставрационный процесс сегодня «изучен, нормирован и воспроизводим в своих результатах» [15].

Сегодня консервационные техники более безопасны для сохранности редких документов, нуждающихся в реставрации, чем в начале их появления. Но все ли нужно отдать консервации и в таком состоянии оставить потомкам? Сегодня заметно замалчиваются истории бытовых реставраций для частных коллекций, в которых находятся документы, являющиеся достоянием нашей страны. Кто и когда об этом расскажет? Сегодня нерадостно читать звенящие отчаянием статьи о реставрации Роуз Маколей «Удовольствие от руин», Екатерины Трегубовой «Большинство памятников имеют хозяев, которые рассматривают их, как недвижимость», Ирины Сандомирской «Past Discontinuous. Фрагменты реставрации», Сары Уолден «Реставрация живописи. Спасение или уничтожение» и др. Почему же в них часто рассма-

тривают реставрацию как «искусство нецелостности и фрагментарности, связанное с насилием и присвоением прошлого»? [16] Оптимальное хранение и часто недоступность редкого ценного подлинника предлагают ознакомиться с ним с цифровых копий. Это уменьшает его значимость. Какие бы небыли копии, предельный смысл и качество впечатления дает только подлинник. И если человека он заинтересовал, он не успокоится пока не увидит его. Такие места восхищения, где происходит встреча с чудом из прошлого, остаются с человеком навсегда. Данная работа сформирована под светлой памятью о А.А. Лелекове, который давно предлагал отойти от прежних устоев и попытаться по-другому взглянуть на реставрационную отрасль в поисках новых решений сложившихся проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмидт С.О. Памятники письменности в культуре познания истории России. Т 2; Кн. 1: От Карамзина до «арабства» Окуджавы. — Москва: Языки славянских культур, 2009. — 576 с.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 N149-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступил в силу с 01.11.2024)
3. Международная Хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская Хартия) 1964 г. Фонд правовой и нормативно-технической документации «Консорциум Кодекс» (дата обращения: 25.10.2025).
4. Душкина Н.О. Современные принципы реставрации. Конечный результат реставрации. Тезисы докладов. — Москва: Понятие "подлинности" в наследии и его современная интерпретация. 1995.-34с.
5. Шлыкова Т.В. «Бытовая» и «коммерческая» реставрация: к вопросу о правомерности терминов Вестник СПбГИК № 3 (48) 2001.-76с.
6. ГОСТ 7.48—2002. СИБИБД. Консервация документов. Основные термины и определения. — М.: ИПК Изд-во стандартов, 2002. — 8 с.
7. Бобров Ю.Г. Теория реставрации памятников искусства: закономерности и противоречия СПб, Издательство: «Эдсмит», 2004г.
8. Алешин А.Б. Реставрация станковой масляной живописи в России: развитие принципов и методов. Ленинград, 1989.-60с
9. Чезаре Бранди Теория реставрации и другие работы по темам охраны. консервации и реставрации Флоренция, Издательство Nardini (Firenze), 2011г.
10. Brandi C. Restoration and Conservation: General Problems. Encyclopedia of World Art. Vol. 12. New York-Toronto- London: McGraw-Hill Book Company, 1966.
11. Чернышева Е.К. Научные и методологические проблемы реставрации// Материалы научно-практической конференции «Реставрация в храме-памятнике». 6-7 декабря 2006г. № 2, СПб: 2020,- С.34
12. Бобров Ю.Г. Теория реставрации памятников искусства: закономерности и противоречия СПб, Издательство: «Эдсмит», 2004г.
13. Бондарь В.А. Современные концептуальные подходы к изучению понятия «документ» - Новосибирск: Гуманитарные науки в Сибири. 2024. -56 с.
14. Реставрация произведений графики: Методические рекомендации Сост. Л.Л. Метлицкая, Е.А. Костикова, М.: ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря, 1995г.-С.83
15. Гурьева К.А. Институализация и правовой статус реставрационной деятельности. Материалы международной научно-практической конференции «Реставрация и консервация музейных предметов», СПб. - 2020. - С.57
17. Митрошенков К.А. Почему реставрация всегда связана с насилием и присвоением прошлого. Gorky.Media. (Дата обращения 10.01.2025г).

© Заборовская Виктория Александровна (vikaz@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ СКОРБИ ОТ АРХАИЧЕСКИХ РИТУАЛОВ К СОВРЕМЕННЫМ ПРАКТИКАМ ГОРЕВАНИЯ

Землянский Дмитрий Игоревич

Аспирант, ФГБОУ ВО "Саратовский национальный
исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского"
Bello_dmitriy@mail.ru

THE TRANSFORMATION OF CULTURAL CODES OF GRIEF FROM ARCHAIC RITUALS TO MODERN GRIEVING PRACTICES

D. Zemlyansky

Summary: The article is devoted to the analysis of the transformation of cultural codes of grief as a universal socio-cultural phenomenon historically associated with funeral practices and performing key functions of social integration, psychological protection and cultural continuity. Based on the material of poetic works from various historical eras, the evolution from collective ritualized forms of expression of loss to individualized psychologized practices is traced, reflecting fundamental changes in social organization and ideological paradigms and the movement from the sacred to the profane, from the cosmocentric to the anthropocentric model, and ultimately to the postmodern simulation of grief as a purely linguistic construct in a globalized information society.

Keywords: cultural codes, grief, transformation of rituals, funeral practices, social integration, psychologization of grief, secularization, poetic discourse, collective experience, individualization, postmodern simulation.

Аннотация: Статья посвящена анализу трансформации культурных кодов скорби как универсального социокультурного феномена, исторически связанного с погребальными практиками и выполняющего ключевые функции социальной интеграции, психологической защиты и культурной преемственности. На материале поэтических произведений различных исторических эпох прослеживается эволюция от коллективных ритуализированных форм выражения утраты к индивидуализированным психологизированным практикам, что отражает фундаментальные изменения в социальной организации и мировоззренческих парадигмах и движение от сакрального к профанному, от космоцентрической к антропоцентрической модели, и в конечном счете к постмодернистской симуляции скорби как чисто языкового конструкта в условиях глобализованного информационного общества.

Ключевые слова: культурные коды, скорбь, трансформация ритуалов, погребальные практики, социальная интеграция, психологизация горя, секуляризация, поэтический дискурс, коллективное переживание, индивидуализация, постмодернистская симуляция.

Скорбь как универсальный культурный феномен представляет социокультурный конструкт, выполняющий ключевые функции в поддержании социальной стабильности, культурной преемственности и психологической адаптации к утрате. При этом исторически являясь преимущественно феноменом погребальных практик, где архаические ритуалы смерти, основанные на строгой регламентации поведения, одежды, речи и временных параметров траура, обеспечивали не только прощание с умершим, но и социальную интеграцию сообщества, психологическую защиту через структурирование переживаний, культурную преемственность через передачу традиционных представлений о смерти, а также магико-религиозное обеспечение благополучного перехода умершего в иной мир. Все это в совокупности способствовало управлению социальными аффектами и поддержанию общей системы смыслов в период кризиса, вызванного смертью члена сообщества. При этом культурно-историческое значение скорби заключается в ее способности отражать фундаментальные изменения в социальной организации и мировоззренческих парадигмах, где трансформация культурных кодов скорби от

коллективных ритуализированных форм к индивидуализированным психологизированным практикам свидетельствует о более глубоких процессах модернизации, секуляризации и цифровизации современных обществ. Так, целью настоящей статьи является анализ трансформации культурных кодов скорби от архаических ритуалов к современным практикам горевания.

А.К. Байбурин в своих исследованиях ритуала в традиционной культуре подчеркивает, что прагматические ориентации культуры и функции ритуала тесно связаны с контролем над неизменностью общей парадигмы смыслов, по которой живет данное общество [Байбурин, 1990:25]. Ритуал играет ключевую роль в ранних состояниях культуры, помогая управлять социальными аффектами и поддерживать общую систему смыслов. В контексте практик скорби это скорее означает, что архаические ритуалы смерти выполняли больше функцию социальной интеграции и поддержания культурной идентичности сообщества.

Э. Хаас в своем антропологическом и психоанализе

тическом исследовании ритуалов прощания отмечает структурное родство погребальных ритуалов в различных культурах, выстраивая общую для них структуру: кризис, переживаемый обществом в связи с чьей-либо смертью, требует ритуального разрешения [Хаас, 2000:1]. Данный подход позволяет рассматривать трансформацию культурных кодов скорби как эволюцию способов разрешения социального кризиса, вызванного смертью члена сообщества.

Ю.М. Лотман рассматривает культурные коды как системы знаков, регулирующие социальное поведение и коммуникацию. Анализ семиотики понятий «стыд» и «страх» в механизме культуры, а также различных моделей коммуникации способствует пониманию типологии культурных кодов и их трансформации [Лотман, 1992:664]. Следовательно, изменение культурных кодов отражает более глубокие изменения в социальной организации и мировоззренческих парадигмах. Например, исследования А. Ван Геннепа и Р. Гертца, основанные на этнографическом материале традиционных обществ Африки и Юго-Восточной Азии, демонстрируют, что похороны представляют отражение обряда «перехода» с трехступенчатой структурой [Ван Геннеп, 1909:7]. Смерть рассматривается как социальная и биологическая трансформация, требующая ритуального оформления. Первая стадия – отделение умершего от мира живых, вторая – переходное состояние (лиминальность), третья – включение в мир предков. Структура характерна для большинства архаических культур и отражает коллективный характер переживания утраты.

Исследования в области балто-славянской духовной культуры показывают глубокие индоевропейские корни скорбной терминологии, которая обнаруживает специфическую языковую форму некоторых узловых точек ритуала [Топоров, 1990:15]. Архаические ритуалы основывались на строгой регламентации поведения, одежды, речи и временных параметров траура, что обеспечивало социальную стабильность в период кризиса. В архаических обществах погребальные ритуалы выполняли несколько ключевых функций:

1. социальную интеграцию (поддержание единства сообщества),
2. психологическую защиту (структурирование переживаний скорби),
3. культурную преемственность (передача традиционных представлений о смерти),
4. магико-религиозную (обеспечение благополучного перехода умершего в иной мир).

Современные подходы к смерти демонстрируют совершенно иное понимание, нежели трагическая или религиозная парадигмы [Катарсис, 2007:45]. Вторжение рационального момента в процессы, которые по природе своей иррациональны, приводит к тому, что архаиче-

ские слои психики уступают место «научным» подходам. Медикализация смерти и умирания существенно изменила культурные коды скорби, сместив акцент с духовных аспектов на биологические и психологические.

Трансформацию культурных кодов скорби наиболее успешно можно проследить на примере поэзии разных периодов.

В античной поэзии, представленной трагедиями Софокла, скорбь осмысливается как коллективное переживание, интегрированное в космический порядок и подчиненное воле богов. В трагедии «Антигона» хор выражает не только личную скорбь героини, но и коллективную реакцию полиса на нарушение божественных законов:

«В мире много сил великих,
Но сильнее человека
Нет в природе ничего.
Мчится он, непобедимый,
По волнам седого моря,
Сквозь ревущий ураган.
Плугом взрывает он борозды
Вместе с работницей-лошадью,
Вечно терзая Праматери,
Неутомимо рождающей,
Лоно богини Земли»
[Софокл, 2024:56].

Здесь смерть и скорбь по погибшим братьям представлены как часть всеобщего космического порядка, где человеческое страдание подчинено высшей необходимости. Архаический код скорби характеризуется его коллективным характером, ритуальной оформленностью и интеграцией в религиозно-мифологическую картину мира, где индивидуальное переживание утраты растворяется в общем хоре трагического катарсиса.

Средневековая поэзия демонстрирует существенную трансформацию культурных кодов скорби под влиянием христианской религии. В лирике трубадуров, корни которой уходят в средневековую латинскую литургическую поэзию [Библиотека текстов Средневековья, 2023], скорбь находит утешение в религиозных представлениях о загробной жизни. Сонет 327 Франческо Петрарки представляет яркий пример средневекового культурного кода скорби, где индивидуальное переживание утраты осмысливается в рамках христианской эсхатологической парадигмы. Поэт обращается к умершей возлюбленной Лауре: «Дыханье лавра, свежесть, аромат // Моих усталых дней отдохновенье, // Их отняла в единое мгновенье // Губительница всех земных отрад» [Петрарка, 2021:89]. Здесь скорбь выражена через метафору природного увядания и космического затмения, что характерно для средневекового мировоззрения, где земная жизнь рассматривается как временное пристанище, а смерть как переход к вечному бытию. Петрарка соз-

дает сложную символическую систему, где Лаура одновременно предстает и как конкретная земная женщина, и как воплощение божественной благодати, чья смерть становится актом освобождения от «цепей сна земного».

Средневековый код скорби у Петрарки характеризуется его глубокой теоцентричностью и эсхатологической направленностью. Поэт пишет: «Красавица, ты цепи сна земного Разорвала, проснувшись в кущах рая, Ты обрела в Творце своем покой» [Петрарка, 2021:89]. В этих строках смерть осмысливается не как конечное уничтожение, а как пробуждение к подлинной жизни в Боге, что полностью соответствует христианской доктрине спасения. Скорбь поэта, таким образом, приобретает двойственный характер: с одной стороны, это искреннее человеческое страдание от утраты, с другой – радость за обретение возлюбленной вечного блаженства. Парадокс и отражает фундаментальную особенность средневекового сознания, где земные переживания всегда соотношены с трансцендентными реальностями.

Петрарковская скорбь существенно отличается от античного понимания утраты, представленного в трагедиях Софокла. Если в «Антигоне» хор выражает коллективное переживание смерти как части космического порядка: «Много в мире дивных сил, но сильнее человека нет. Он идет за бурей в море, под ветрами юга, он землю, вечную богиню, неустанно ворокает плугом» [Софокл, 2024:56], то у Петрарки скорбь становится глубоко личным, интимным переживанием, хотя и остающимся в рамках религиозной парадигмы.

Эпоха Возрождения и барокко приносит радикальную секуляризацию культурных кодов скорби, что с предельной ясностью выражено в 66-м сонете Уильяма Шекспира: «Я кличу смерть, не в силах видеть мир, Где благородный голоден и наг, А гнусные нагуливают жир, Где честь и вера стали тлен и прах» [Шекспир, 2022:123]. Здесь скорбь приобретает ярко выраженный социально-критический характер – поэт скорбит не о личной утрате, как Петрарка, а о моральном распаде общества, где попораны фундаментальные ценности. Шекспир продолжает: «Где разум омерзительным зовут, Где девственность насилуют, смеясь, Где праведность влекут в неправый суд, Где гордость опрокидывают в грязь» [Шекспир, 2022:123].

Шекспировская скорбь достигает своей кульминации в финальных строках сонета, где поэт раскрывает парадоксальную природу своего отчаяния: «Накликав смерть, ушел бы в мир иной, Да в этом – не прожить тебе одной» [Шекспир, 2022:123]. Финальный поворот демонстрирует фундаментальное отличие шекспировского кода скорби от петрарковского: если Петрарка находит утешение в вере и надежде на встречу в раю, то Шекспир сталкивается с экзистенциальной дилеммой, где даже

смерть не может стать решением из-за ответственности перед любимым человеком. Эта светская, гуманистическая перспектива знаменует важный этап в секуляризации культурных кодов скорби.

Романтическая поэзия XIX века доводит индивидуализацию культурных кодов скорби до логического завершения, что особенно ярко проявляется в творчестве Джорджа Гордона Байрона. В поэме «Паломничество Чайльд-Гарольда» скорбь приобретает характер мирового страдания и метафизического отчаяния:

«Но где мой путешественник...
Иль сгинул он, и стих мой ждёт финала?
Путь завершён, и путника не стало,
И дум его, а если всё ж он был,
И это сердце билось и страдало, –
Так пусть исчезнет, будто и не жил...»
[Байрон, 2021:265-268].

Романтический код скорби характеризуется его эгоцентричностью, эстетизацией страдания и бунтом против любых форм социальной и метафизической детерминации. Скорбь становится способом самоутверждения личности в мире, лишенном трансцендентных гарантий, и приобретает ценность сама по себе как выражение глубины и интенсивности переживания.

Символистская поэзия рубежа XIX-XX веков, представленная творчеством Александра Блока, демонстрирует дальнейшую трансформацию культурных кодов скорби в условиях кризиса позитивистского мировоззрения. В стихотворении «Незнакомка» скорбь приобретает характер мистического откровения и эсхатологического предчувствия: «И каждый вечер, в час назначенный, иль это только снится мне, девичий стан, шелками схваченный, в туманном движется окне» [Блок, 2021:143]. Блоковская скорбь уже не является ни религиозным переживанием, ни романтическим бунтом, а становится способом постижения трансцендентных реальностей, скрытых за покровом повседневности. Символистский код скорби характеризуется метафизической насыщенностью, энигматичностью и стремлением к преодолению границ между земным и потусторонним, что отражает поиск новых форм духовности в условиях секуляризованного мира.

Модернистская поэзия первой половины XX века, представленная творчеством Т.С. Элиота, доводит кризис традиционных культурных кодов скорби до крайних форм. В поэме «Бесплодная земля» скорбь становится универсальным состоянием современной цивилизации, лишенной духовных оснований: «Апрель – жесточайший месяц, выращивающий сирень из мертвой земли, смешивающий память и желание, возбуждающий тупые корни весенним дождем» [Элиот, 2022:75]. Элиотовская скорбь уже не имеет ни индивидуального, ни коллектив-

ного измерения, а становится выражением тотального отчуждения и духовной пустоты современного человека. Модернистский код скорби характеризуется его фрагментарностью, интертекстуальностью и отказом от каких-либо утешительных иллюзий, что отражает радикальный разрыв с традиционными формами культурной преемственности.

В стихотворении «Натюрморт» И. Бродского конца XX века скорбь становится чисто языковым феноменом, лишенным какого-либо трансцендентного или экзистенциального содержания: «Вещи и тени. Вещи и тени сливаются. Сливаются вещи и тени. Исчезает грань между вещью и тенью. Вещь становится тенью тени. Тень становится вещью» [Бродский, 2021:156]. Бродский доводит скорбь до состояния абсолютной имманентности, где она становится исключительно вопросом языковой организации и культурной памяти. Постмодернистский код скорби характеризуется его игровым характером, иронической дистанцией и отказом от каких-либо метафизических претензий, что и отражает общую тенденцию современной культуры к демифологизации и деконструкции традиционных ценностных систем.

Современная цифровая поэзия Линор Горалик демонстрирует радикальную трансформацию культурных кодов скорби, где утрата переживается как симулякр, лишенный аутентичного экзистенциального содержания – в строке «Горько глотку горьким горюшком днём и ночью набивать» [Линор Горалик, 2018] скорбь становится чисто языковым конструктом, механическим повторением клишированных формул, что отражает общую тенденцию современной культуры к опосредованию эмоционального опыта цифровыми технологиями и утрате непосредственности переживания в условиях

глобализированного информационного общества.

Таким образом, трансформация культурных кодов скорби демонстрирует фундаментальный сдвиг от коллективных, ритуализированных форм выражения утраты к индивидуализированным, психологизированным и в конечном счете симулятивным способам переживания, что отражает более глубокие изменения в социальной организации, мировоззренческих парадигмах и технологических основаниях человеческого существования. Происходит опосредованное движение от сакрального к профанному, от коллективного к индивидуальному, от ритуально-структурированного к спонтанно-экспрессивному, где скорбь постепенно утрачивает социально-интегрирующую функцию и превращается в частное, психологическое переживание, а в современную эпоху в чисто языковой конструкт, лишенный аутентичного экзистенциального содержания.

Прослеженная эволюция свидетельствует о радикальной трансформации самих оснований культурного опыта: от космоцентрической модели, где смерть и скорбь интегрированы в универсальный порядок, через теоцентрическую парадигму, где утрата осмысливается в эсхатологической перспективе, к антропоцентрической и постмодернистской моделям, где скорбь становится либо способом самовыражения личности, либо чисто семиотическим феноменом. Следовательно, современное общество, утратив традиционные ритуальные формы переживания утраты, столкнулось с кризисом способов осмысления смерти и выражения скорби, что породило новые формы культурной патологии и потребовало поиска альтернативных стратегий работы с утратой в условиях глобализированного информационного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев М.Л. Средневековая европейская драма [Электронный ресурс]. – URL: https://biblio.imli.ru/images/abook/zarublitra/Andreev_ML_Srednevekovaya_evropejskaya_drama_1989.pdf (дата обращения: 20.11.2025).
2. Архаическое и современное тело жертвоприношения: трансформация аффектов [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhaicheskoe-i-sovremennoe-telo-zhertvoprinosheniya-transformatsiya-affektov> (дата обращения: 20.11.2025).
3. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. – СПб.: Наука, 1990. – 240 с.
4. Байрон Дж.Г. Паломничество Чайльд-Гарольда / Пер. с англ. В. Левица. – М.: Эксмо, 2021. – 320 с.
5. Библиотека текстов Средневековья [Электронный ресурс] // Восточная литература. – URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XIII/Zizneop_Trubadur/pril1.phtml (дата обращения: 20.11.2025).
6. Блок А.А. Стихотворения. Полное собрание в одном томе. – М.: АСТ, 2023. – 768 с.
7. Бродский И.А. Сочинения в 7 томах. Том 1: Стихотворения 1962-1989. – СПб.: Пушкинский дом, 2021. – 624 с.
8. Ван Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. – М.: Восточная литература, 1999. – 198 с.
9. Гертц Р. Смерть и правая рука. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 256 с.
10. Горалик Л.А., 2018 [Электронный ресурс] // Культура.РФ. – URL: <https://www.culture.ru/literature/poems/tag-o-smerti> (дата обращения: 20.11.2025).
11. Катарсис. Метаморфозы трагического сознания. – М.: ИМЛИ РАН, 2007. – 480 с.
12. Лотман Ю.М. Семиясфера. Культура и взрыв. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
13. Петрарка Ф. Книга песен / Пер. В. Микушевича. – СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. – 488 с.

14. Психология горя [Электронный ресурс] // Психологический портал. – URL: <https://psy.su/feed/12255/> (дата обращения: 20.11.2025).
15. Сапёлкин А.А. Средневековье и его символы в европейской литературе XIX века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/srednevekovie-i-ego-simvoly-v-evropeyskoy-literature-hih-veka> (дата обращения: 20.11.2025).
16. Софокл Пьесы – М.: АСТ, 2024. – 640 с.
17. Топоров В.Н. Исследования в области балто-славянской духовной культуры. – М.: Наука, 1990. – 320 с.
18. Уорнер Э., Адоньева С. Помним, любим, скорбим: погребальные и мемориальные практики в современной России. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. – 368 с.
19. Хаас Э. Ритуалы прощания: антропологические и психоаналитические аспекты работы с чувством утраты // Московский психотерапевтический журнал. – 2000. – №1. – С. 1-15.
20. Шекспир У. Сонеты / Пер. А. Чернова. – СПб.: Дом Галича, 2022. – 154 с.
21. Элиот Т.С. Бесплодная земля / Пер. с англ. А. Сергеева. – М.: Текст, 2022. – 128 с.

© Землянский Дмитрий Игоревич (Bello_dmitriy@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОЛОДЫЕ ГОДЫ ДОКТОРА БАРЧЕНКО

THE EARLY YEARS OF DOCTOR BARCHENKO

I. Izbachkov

Summary: The figure of Alexander Vasilyevich Barchenko is surrounded by legend. As the leader of the occult society The United Labor Brotherhood, he, through his followers, attempted to influence the formation of Soviet state policy in the 1920s and 1930s. Believing that the events of his youth largely played a decisive role in future decision-making, this article attempts to understand, through an analysis of Barchenko's biography and literary work, how his way of thinking ultimately influenced the activities of one of the most famous occult societies in Soviet Russia.

Keywords: Alexander Barchenko, secret societies, The United Labor Brotherhood, Rosicrucians, Blavatsky, Doctor Cherny, N-rays.

Избачков Юрий Сергеевич

соискатель, Российский
научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д.С. Лихачёва
strax5@list.ru

Аннотация: Личность Александра Васильевича Барченко до сих пор окружена легендами. Как лидер оккультного общества «Единое Трудовое Братство» он через своих адептов пытался оказывать влияние на формирование политики советского государства в 1920–1930 годах. Полагая, что события, имевшие место в молодости, оказывают во многом определяющую роль в принятии решений в дальнейшем, в статье предпринята попытка через анализ биографии и литературного творчества Барченко разобраться, как его образ мышления в итоге повлиял на деятельность одного из самых известных оккультных обществ Советской России.

Ключевые слова: Александр Барченко, тайные общества, «Единое Трудовое Братство», розенкрейцеры, Блаватская, «Доктор Чёрный», N-лучи.

В отношении тайных обществ советских эзотериков 1920–1930 годов можно отметить определяющее значение лидера в формировании культуры того или иного общества. Интеллектуалы А.А. Мейер («Воскресение») и В.В. Белюстин (розенкрейцеры-орионийцы), ментор Г.О. Мебёс и тиран М.А. Нестерова (мартинисты), подражатель Б.В. Астромов-Кириченко (ложе «Астеря»), индивидуалист А.А. Карелин (анархисты-мистики), поэт Б.М. Зубакин («Lux Astralis») дали своим обществам не только идеи и ценностные установки, но и образ поведения адепта на собраниях и в быту. Выяснив отношение лидера к различным аспектам окружающего мира (отношениям с родителями, пространством, обществом, властью) можно составить представление о тайном обществе в целом.

Существенной трудностью на этом пути является отсутствие достоверных источников о деятельности лидеров и рядовых членов тайных обществ советских оккультистов. Сведения об их деятельности в Советской России отрывочны или искажены. Письма и воспоминания участников часто излишне восторженны и приукрашивают действительность, а материалы уголовных дел, которые вело в отношении них ОГПУ–НКВД, часто сфальсифицированы.

Один из путей решения проблемы понимания истинных мотивов и установок советских оккультистов – обратиться к их жизни до революции, следуя предположению, что многие личностные черты, заложенные в молодые годы, сохраняются в зрелом возрасте.

Среди всех лидеров советских тайных обществ эзоте-

рической направленности отдельного внимания достоин А.В. Барченко («Единое Трудовое Братство»). В отношении него имеется относительно много неискаженных дореволюционных источников.

Задача состоит в том, чтобы посредством анализа прежде всего его литературного творчества, биографических сведений, а также документов об участии в революционной борьбе и о военной службе, выявить его личностные черты и проследить как они позже проявились в деятельности «Единого Трудового Братства».

«Доктор Барченко», или «Распутин большевистского двора», как его окрестили в НКВД, – Александр Васильевич Барченко (1881–1938) может называться доктором весьма условно. Законченного медицинского образования у него не было, а диссертацию по теме «Введение в методику экспериментальных воздействий объемного энергополя» он защитить не успел в связи с арестом в 1937 году [1, Л. 6, 174–174об]. Сохранились воспоминания современников, что Барченко, будучи заведующим лабораторией во Всесоюзном Институте Экспериментальной Медицины занимался врачебной практикой [2, Л. 7–7об]. Хотя, судя по описанию его методики, которое приводит в своих записях Э.М. Кондияйн, одна из самых близких его сторонниц, процедура сводилась к лечению внушением в разных вариациях [3, С. 196–198; 4, С. 329–331].

Легендированию биографии Барченко способствует, с одной стороны, желание широкой публики иметь некую таинственную фигуру, выступающую связующим звеном между высшей властью и могущественными тай-

ными силами, и готовность некоторых исследователей этот спрос удовлетворить.

Барченко родился в Ельце в 1881 году в семье частного поверенного (в последующем – нотариуса Елецкого Окружного Суда) [5, Л. 2–2об]. Отношения с родителями были непростыми. Это отчетливо видно из романа «Доктор Чёрный» [6, С. 39–240] (его главного произведения, за которое он в 1912 году получил гонорар 500 рублей [7, Л. 2]), повести «Океан-кормилец» (1917) [8] и рассказа «Водолазы» (1914) [9, С. 132–169], на героев которых Барченко проецирует свои личные переживания. Герои его произведений (часто с именем Василий – так звали его брата) будучи старшими из многих детей попадают в ситуацию, когда родители не могут оказывать им помощь, так как должны заботиться о младших детях.

С другой стороны, для героев произведений Барченко характерно стремление вырваться из родительского дома, стремление увидеть мир. Спасенный поморами гимназист Василий («Океан-кормилец») вместо летних каникул в купеческом доме родителей выбирает работу в рыболовецкой артели на Белом море среди простых мужиков и поселенцев.

Барченко-писатель в 1910-е годы очень тонко чувствовал настроения своей аудитории: петербургской молодежи и студенчества. Язык произведений Барченко часто сравнивают с приключенческой литературой тех лет, обширно печатавшейся в журналах (Т. Майн Рид, Дж. Лондон, Луи Буссенар). Здесь отчетливо проявилась черта, характерная в будущем для Барченко-эзотерика: его стремление к поискам тайных знаний как способ вырваться из окружавшей его действительности. Следуя примеру западных авторов, Барченко увлекательно рассказывал истории, порой очевидно придуманные, но при этом он тонко чувствовал прафеномен (И. Гёте, О. Шпенглер) русской души – воли от власти, стремление уйти за горизонт. В какой-то мере Барченко следовал характерному для русской литературы посылу духовного поиска, космизма [10, С. 231]. Герои его произведений не стремятся подчинить себе природу (воля к власти, фаустовский тип), не стремятся раствориться в ней, надев маску тысячи лиц (аватар, азиатский тип), они хотят попасть в неведомое. Это бесцельное стремление характерно для экспедиций Барченко в советские годы, прежде всего для несостоявшейся экспедиции в Афганистан и Тибет (1924) на поиски подземной страны Агарты.

Барченко закончил 2-ю классическую гимназию в Санкт-Петербурге, после чего поступил в Военно-Медицинскую Академию (1900). В 1901 года принял участие в студенческих волнениях, был арестован полицией [1, Л. 9об], после чего перевелся в Казанский университет, а потом в Юрьевский (Дерптский), откуда был вынужден уйти из-за финансовых трудностей.

Страх преследования и ареста Барченко воплотил в переживаниях студента Василия Белова (романы «Доктор Чёрный» и «Из мрака»), опознанного полицией как невольного активного участника антиправительственной демонстрации, из-за чего он вынужден скрываться от властей и, в итоге, бежать на границу вместе с финскими моряками-контрабандистами. Барченко очень живо передал состояние человека, преследуемого властями, беспомощности перед репрессивной системой. Это оказалось очень удачным попаданием в душу довоенных читателей, но также наложило отпечаток на характер самого Барченко. В отношениях с властью он не выступал антагонистом, шел на компромиссы. Он адаптировал свое мистическое учение к коммунистической риторике первых лет советской власти, поставив на первый план построение коммунистического общества с помощью знаний древней науки, которые хранятся в Шамболе.

А.И. Андреев отмечает пробел в биографии Барченко после оставления университета [3, С. 29]. Это был критический период жизни, который также тесно связан с восприятием властей и отношениями с родителями.

Весной 1905 года Барченко поступает охотником (добровольцем) в 93-й пехотный Иркутский полк, расквартированный в Пскове. К этому времени Барченко женился и имел ребенка. Но уже в мае 1905 года он был уволен командиром полка за революционную пропаганду среди солдат [11]. Это его не остановило, в итоге он был арестован и передан жандармам. Только вмешательство отца, который внес за него огромную по тем временам сумму залога 8000 рублей [12, Л. 3–4], а в дальнейшем добился перевода дела из Пскова и прекращения дела, вероятно, мотивировав соответствующим образом чиновников полиции. Анализ имеющихся материалов дела показывает, что если в отношении подстрекательства к убийству офицеров доказательств было явно недостаточно, то за распространение преступных изданий он вполне мог получить год тюремного заключения. В дальнейшем, вплоть до ареста в 1937 году Барченко не упоминал факт своего преследования за революционную деятельность. То, как ему удалось избежать наказания, не было предметом гордости.

Здесь следует отметить ключевую черту характера Барченко – легкую возбудимость под влиянием какой-либо идеи и очень длительный и сложный процесс принятия своих ошибок. Даже после таких усилий отца, он в последующем продолжал возлагать вину на родителей, не оказавших ему помощь в оплате обучения, что в итоге привело к аресту.

Стоит также отметить, Барченко позволил революционным идеям увлечь себя в ущерб интересам семьи. Это говорит о личностном акценте Барченко на себе. И это соответствует учению «Единого Трудового Братства», где

в центре стоит совершенствование индивида, а не группы в целом.

Псковское дело оставило глубокий след в сознании Барченко, настолько, что уже став известным писателем он отомстил сослуживцам по 93-му пехотному Иркутскому полку покалечив одного из них в рассказе «Вавилонская башня. Из жизни русских эмигрантов в С. Америке» [9, С. 27–48]. Тихая литературная месть характерна для Барченко-писателя.

В дальнейшем Барченко в революционном движении участия не принимал, что типично для представителей интеллигенции в царской России. Если конкретного человека не затягивало в жернова системы, уход в оккультизм был частым решением [13].

Легкая возбудимость под влиянием внешних воздействий позже проявилась во время Первой Мировой войны. Попав под влияние патриотической пропаганды, осенью 1914 года Барченко пошел в армию добровольцем. В 19-й пехотной Запасной бригаде он в октябре сдал формальный экзамен на первичный офицерский чин прапорщика [14, Л. 20–21, 69, 94–97]. 19-я бригада была не боевой, а учебной частью, где новобранцев готовили в течение четырех-шести недель. Разумеется, за такой короткий срок подготовить солдата невозможно. Однако новопроизведенные офицеры под руководством старых кадровых офицеров с энтузиазмом пытались обучать пополнение.

Обстоятельства сложились таким образом, что подготовленного мобилизационного резерва России хватило на первые пять месяцев маневренного этапа войны. Барченко отправился в действующую армию в середине января 1915 года. Попав на фронт и увидев реальную картину войны Барченко испытал сокрушительное разочарование, настолько сильное, что защитные механизмы его психики не справились. Он бежал из своей части, был задержан Петроградской комендатурой и помещен в Николаевский военный госпиталь [15, Л. 338], врачи которого признали его негодным к военной службе вследствие психического заболевания – сифилитической деменции [16, Л. 3–4]. Скорее всего, врачи ошиблись с диагнозом, так как Барченко после этого прожил еще 23 года, что для данного заболевания нетипично.

После увольнения с военной службы в декабре 1915 года Барченко вернулся к писательской деятельности, при этом почти не писал о войне. Несколько его рассказов («Спаситель», «За далеких братьев») нельзя признать удачными. Однако неудачная военная служба отразилась в Правилах жизни членов «Единого трудового братства»: «При встрече с воином, не кичись белизной своих рук» [цитируется по 4, С. 97].

Представляют интерес представления Барченко о пространстве. Еще до войны он много писал о путешествиях в далекие страны, авиации, морских приключениях и катастрофах. Яркие описания жизни на море и природы экзотических стран, знание флотской терминологии, дали основание его адептам утверждать, что в период 1905–1911 годов Барченко активно путешествовал, в том числе побывал в США, Канаде и Индии. Однако подтверждения этому отсутствуют, включая какие-либо фотографии или заявления самого Барченко.

Барченко детально и красочно описывает природу и социум Индии («Доктор Чёрный», «Из мрака»), не допуская ошибок, характерных для многих авторов (например, таких как долгий тропический закат или сезон дождей). Но подражая другим авторам и акцентируясь на типичных ляпах, он упускает более мелкие детали, которые показывают, что он никогда не был в Индии (левостороннее движение, самоназвание местных племен, описание элементов одежды, характерное искажение английских названий животных, ошибки в названиях оружия), а также ни словом не упоминает повседневные бытовые проблемы (надоедливые насекомые, опасность паразитов, постоянная проблема чистой воды), что говорит о том, что он старательно изучал эту страну по чужим книгам. И понятно по чьим: в конце 1900-х годов Барченко попал под влияние теософской литературы.

Любопытная деталь. В романе «Доктор Чёрный» около десяти раз упоминаются местные индийские племена, причем больше половины упоминаний приходится на племена тода и курумба. Это небольшие племена в Нилгири (Голубые горы), происхождение которых в то время вызывало много дискуссий [17, 18]. Но почему из всей многонациональной Индии Барченко обратил внимание в основном эти малочисленные племена становится понятным если учесть, что о них написала много удивительного Е.П. Блаватская [19] (выдумки Блаватской в последующем разоблачила советский ученый-индолог Л.В. Шапошникова [20, С. 303–308]).

В литературе не редкость, когда увлекательные романы и очерки о дальних странах пишут люди, никогда там не бывавшие. Применительно к Барченко можно судить о наличии у него с одной стороны развитой фантазии, а с другой его восприимчивости постороннему авторитетному мнению.

В 1910–1914 годах Барченко занимался литературной деятельностью, работая журналистом в издательстве П.П. Сойкина. Он хорошо понимал интересы читающей публики. В произведениях Барченко можно часто встретить криминальные сюжеты, рассказы о морских катастрофах («Береговые пираты», «На Каспии», «На льдине», «Мертвый мститель», «В осеннюю бурю» [9], «Доктор Чёрный»), истории о быстром обогащении

(«Золото», «Из мрака»), но также проблематику серости жизни обывателей и социального тупика для молодежи («Ненасущное», «Водолазы»). Он активно эксплуатировал интерес публики к достижениям современной науки (очерки «Душа природы» [21], «Передача мыслей на расстоянии» [22]).

Несомненно, журналистская деятельность наложила влияние на его дальнейшую жизнь. Она научила его быть интересным людям – очень полезный навык для лидера эзотерического общества. Однако он и сам легко попадал под влияние. В его морских рассказах несколько упоминается отставной капитан Петр Янсен (Ясень) («Экстренным рейсом», «В осеннюю бурю», «В "Мокром приходе"»). Вероятно, именно он помогал Барченко с морской тематикой. То, как старательно выписан образ Янсена, говорит о многом. Барченко вырос в состоятельной семье. Сформированный в детстве образ отца-защитника, которого он так и не простил, заместился образом морского капитана (морская стихия – основной источник опасности в произведениях Барченко). В дальнейшем потребность в защитнике привела к появлению группы петроградских чекистов (Владимиров, Шварц, Рикс, Отто), опекавших Барченко, а затем к дружбе с одним из руководителей ОГПУ Г.И. Бокиным. В результате это вылилось в самую сложную среди всех тайных обществ организационную структуру «Единого Трудового Братства»: два разных лидера, каждый из которых покрывал потребности друг друга. Бокий хотел опекать, но иметь наставника, Барченко требовался защитник, но также он нуждался в слушателях.

В романе «Из мрака», рассказах «Золото», «Береговые пираты» и «Мертвый мститель», «На Каспии» отчетливо проявляется приверженность Барченко идее воздаяния. При этом в большинстве случаев неблагоприятное поведение характерно для людей, наделенных властью и деньгами, расплата для них наступает независимо от действий людей, это месть неведомых сил, которая настигает человека. Тут проявляется равнодушное восприятие Барченко власти. Он не был сторонником царской власти, и это же отношение в дальнейшем перенес на советскую власть. Идеология «Единого Трудового Братства» тоже пропитана идеями непротивления власти. Плыть по течению – идея, которая в дальнейшем разовьется в главный жизненный принцип Барченко-эзотерика.

При этом Барченко придерживался линейного, а не циклического представления о течении времени. С од-

ной стороны, он пытался черпать мудрость из восточных учений, но для прогрессивного развития общества. В целом его следует отнести больше к теософам, нежели к розенкрейцерам, несмотря на использование символики последних.

В заключение стоит отметить, что одержимость Барченко поисками остатков древней цивилизации является закономерным развитием его представлений о мире. Его образ мышления был подготовлен к восприятию идей Сент-Ива о существовании далекой Гималайской подземной цивилизации.

Психологические черты, такие как бессознательный страх властей (стремление изолироваться от власти), отсутствие нужды в детстве (с денежными затруднениями Барченко столкнулся только в годы студенчества) и, как следствие, отсутствие темы денег в его творчестве как средства насущного обмена, наличие влиятельного защитника в лице Г.И. Бокия определили замкнутый характер деятельности и отсутствие в идеологии «Единого Трудового Братства» миссионерской идеи. Они не нуждались в эксплуатации своих адептов как, например, ленинградские парамасоны (Г.О. Мёбес, Б.В. Астромов-Кириченко), и принимали лишь тех, кто приходил к ним сам.

Эти же психологические черты и внешние обстоятельства определили предельный аскетизм в жизни Барченко и коммуны проживавших вместе с ним его самых близких (ядра «Единого Трудового Братства»: двух жен, семьи Кандиайн, Ю.Б. Струтинской и Л.Н. Шишеловой-Марковой). Пункт 9 Правил жизни братства: «Воровство – не только присвоение чужих вещей, не принадлежащих тебе, но и хранение лишнего, не нужного тебе» [3, С. 96].

Увлеченность какой-то идеей и нежелание от нее отступать – ключевое, что Барченко дал своей организации. Эту черту характера он пронес через всю жизнь. А понимание интересов слушателя и умение интересно рассказывать о далеких мирах дало обществу устойчивых сторонников, так же, как и Барченко, искавших выход из суровой действительности в состояние инобытия.

Исследователями оккультизма Барченко представляется одной из самых таинственных фигур среди эзотериков. Однако внимательное рассмотрение его личности показывает, что он был обычный человек, искренне доверившийся легенде о далекой Шамболе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дело Барченко Александра Васильевича. Центральный архив Федеральной службы безопасности, № Р-23405.

2. Надзорное производство № 13/365-66 Прокуратуры Союза ССР. Отдел по надзору за следствием в органах госбезопасности. Дело Барченко А.В. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ), Ф.Р-8137. О.36. Д.254.
3. Андреев, А.И. Время Шамбалы: Оккультизм, наука и политика в Советской России / Санкт-Петербург: Нева; Москва: ОЛМА-Пресс, 2002. – 380, [1] с.
4. Андреев, А.И. Оккультист Страны Советов: [тайна доктора Барченко] / Москва: Яуза: Эксмо, 2004. – 365 с.
5. Личное дело Барченко Василия Ксенофоновича. Российский государственный архив экономики. Ф.5709 Оп.1 Д.75.
6. Барченко, А.В. Из мрака: Романы, повесть, рассказы / Вступ. ст. С.А. Барченко – Москва: Современник, 1991. – 537 с.
7. Российский государственный архив литературы и искусства, Ф.468 О.3 Д.21.
8. Барченко, А.В. Океан-кормилец / Петроград: Б. и., 1917. – Библиотека «Всходов» [1917 № 1–4].
9. Барченко, А.В. Волны жизни: Сб. рассказов / Санкт-Петербург: В.И. Губинский, 1914. – 284 с.
10. Васильев, Г.Е. Окоём волюшки. Русская философия власти / Глеб Васильев. – Москва: Ваш формат, сор. 2021. – 579 с.
11. Дело департамента полиции о бывшем студенте Александре Барченко обвиняемом в хранении с целью распространения преступных изданий. ГА РФ, Ф.102. Д-7. О.203. 1906 г. Д.7614.
12. Дело департамента полиции 7 делопроизводство № 6750/1906 Об исследовании степени политической благонадежности студента Александра Барченко. ГА РФ, Ф.102. Д-7. О.203. 1906 г. Д.6750.
13. Община Голгофских христиан. ГА РФ, Ф.102. О.119. 1910 г. 4-е делопроизводство Д.398.
14. Дело управления 19 пехотной запасной бригады № 76. Об экзамене при Управлении бригады на чин прапорщика, Часть I-я. 2 октября 1914 г – 31 декабря 1914 г. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА), Ф.7699. Оп.1. Д.46.
15. Управление 19 пех. зап. бригады (по части строевой). Об офицерских и классных чинах батальонов бригады, 2 января 1915 г. – 29 апреля 1915 г. РГВИА. Ф.7699. Оп.1. Д. 57.
16. Дело об увольнении прапорщика А.В. Барченко со службы. РГВИА. Ф.409 п/с 301–624 1915 г. (преж. Ф.408. Оп.1. Д.3782).
17. Hough, J. Letters on the Climate, Inhabitants, Productions, &c., &c. of the Neilgherries, Or Blue Mountains of Coimbatore, South India / London: J. Hatchard, 1829. – 172, [17] с.
18. Oppert, G.S. On The Original Inhabitants Of Bharatavarsa Or India / Delhi: Oriental Publishers, 1893. – 711 с.
19. Блаватская, Е.П. Загадочные племена на Голубых горах / Москва: Эксмо, 2008. – 283, [3] с.
20. Шапошникова, Л.В. Тайна племени Голубых гор / Москва: Наука, 1969. – 317 с.
21. Барченко, А.В. Душа природы: очерк // Жизнь для всех. – 1911 – № 12 – Стлб. 1684–1720.
22. Барченко А.В. Передача мыслей на расстояние. Опыты с «мозговыми лучами» : очерк в двух частях // Природа и люди – 1911 – № 31–32.

© Избачков Юрий Сергеевич (strax5@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ВОЕННОЙ СИМВОЛИКИ НА РУБЕЖЕ XX И XXI ВЕКОВ

Калинин Вячеслав Вячеславович

Аспирант, Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского
vkalinin.mos@gmail.com

CULTURAL EVOLUTION OF MILITARY SYMBOLS AT THE TURN OF THE XX AND XXI CENTURIES

V. Kalinin

Summary: The article examines the cultural evolution of military symbols at the turn of the XX–XXI centuries. The author draws on a semiotic and symbolically interactionist theoretical framework and analyzes a body of poetic texts (including works by A.A. Akhmatova, B. Ryzhy and the phenomenon of Z poetry), historical and documentary information about heraldry and phaleronomy, as well as specialized literature on military culture. Methodologically, the work combines close reading and textual (discursive) analysis, a comparative historical method for tracing the transformations of symbols under the influence of ideological doctrines and military conflicts, a semiotic analysis of symbolic meanings and archetypal motifs, as well as a thematic comparison of poetic representations with official symbols. Based on quotations and illustrative examples, the transition from epic, collectively legitimizing military images to chamber-like, psychologized and individualized symbols of war is demonstrated while preserving deep archetypal pillars (home, mother, native land), it is shown how symbols serve as a tool for shaping identity and legitimizing power, and how modern conflicts generate new symbolic constructions (including the symbol “Z”), conclusions are drawn about the dialectical nature of the transformation of military symbolism and its role in national identity.

Keywords: cultural evolution, military symbols, poetic discourse, semiotics, national identity, collective consciousness, archetypal images, historical memory, symbolic transformation, spiritual dimensions.

Аннотация: В статье проводится исследование культурной эволюции военной символики на рубеже XX–XXI вв. Автор опирается на семиотическую и символико интеракционистскую теоретическую базу и анализирует корпус поэтических текстов (включая произведения А.А. Ахматовой, Б. Рыжего и феномен Z поэзии), историко документальные сведения о геральдике и фалеронимике, а также специализированную литературу по военной культуре. Методологически работа комбинирует близкое чтение и текстуальный (дискурсивный) анализ, сравнительно исторический метод для прослеживания трансформаций символов под влиянием идеологических доктрин и военных конфликтов, семиотический разбор символических значений и архетипических мотивов, а также тематическое сопоставление поэтических репрезентаций с официальной символикой. На материале цитат и иллюстративных примеров демонстрируется переход от эпических, коллективно легитимирующих военных образов к камерным, психологизированным и индивидуализированным символам войны при сохранении глубинных архетипических опор (дом, мать, родная земля), показано, как символы служат инструментом формирования идентичности и легитимации власти и как современные конфликты порождают новые символические конструкции (включая символ «Z»), сделаны выводы о диалектической природе трансформации военного символизма и его роли в национальном самосознании.

Ключевые слова: культурная эволюция, военная символика, поэтический дискурс, семиотика, национальная идентичность, коллективное сознание, архетипические образы, историческая память, символическая трансформация, духовные измерения.

Военная символика представляет семиотическую систему, включающую как материальные артефакты (гербы, ордена, знамена) и духовные, психологические, культурные измерения, где символы функционируют как инструменты формирования коллективной идентичности, легитимации власти и манифестации национального самосознания, что находит теоретическое обоснование в концепциях символического интеракционизма и семиотических теориях, рассматривающих символы как медиаторы между индивидуальным и коллективным опытом. Цель статьи заключается в исследовании культурной эволюции военной символики на рубеже XX и XXI веков через призму поэтического дискурса.

Е.С. Сенявская в своих исследованиях подчеркивает, что героические символы выступают ключевым инстру-

ментом воздействия на психологию личного состава вооруженных сил, формируя коллективную идентичность и легитимируя военные действия [Сенявская, 1999:45]. Влияние исторических конфликтов на трансформацию военной символики в XX–XXI веках акцентирует внимание на её роли в формировании национальной идентичности и общественного сознания, рассматривая военные символы как инструменты легитимации власти и манипуляции мнением населения [Влияние исторических конфликтов, 2024:3]. Идеологические доктрины XX века, включая национализм, коммунизм и либерализм оказали определяющее влияние на формирование военной символики. В социалистическом государстве происходило создание и развитие военной символики, отражающей классовый характер вооруженных сил и интернациональную солидарность [Становление и развитие военной символики, 2023:2]. В.Н. Иванов в анализе

феномена военной культуры в социокультурном пространстве современной России отмечает, что военная символика на протяжении всего исторического развития оставалась элементом формирования национальной идентичности в условиях глобализационных процессов [Иванов, 2018:67].

Символическое измерение военных и политических конфликтов охватывает как зарождение, так и протекание этих конфликтов, демонстрируя, как трансформация военной символики отражает глубинные изменения в общественном сознании [Символическое измерение, 2022:15]. Военная геральдика XVIII - начала XXI века прошла сложный путь развития, отражая изменения в государственном устройстве и военной доктрине [Отечественная военная геральдика, 2015:89]. Если сфокусироваться на российском опыте, то особое место в системе официальных наград XX-XXI веков занимают фалероники – медали, кресты, ордена, вручаемые за испытанное страдание, что свидетельствует о сакрализации военного подвига [Знаки страдания, 2021:34].

Период XX и XXI века особенно интересен в контексте военной символики, поскольку в данный период появляется и развивается символизм в культуре и искусстве, затем модерн, постмодерн и метмодерн. Именно военный символизм находит свои эволюционные движения в текстах (литературе и поэзии).

Особенно показательным в этом отношении творчество А.А. Ахматовой, где война осмысливается через призму вечных ценностей и национальной идентичности. В стихотворении «Июль 1914» создается символический образ страны, сохраняющей свою сущность вопреки всем историческим катастрофам: «Идут века, шумит война, Встает мятеж, горят деревни, А ты все та ж, моя страна, В красе заплаканной и древней» [Ахматова, 2024:22]. Здесь война предстает как временное явление на фоне вечности национального бытия, а образ «заплаканной и древней» красы символизирует одновременно страдание и неуязвимую духовную силу народа, что демонстрирует философское осмысление военного конфликта как части исторического процесса, где национальная идентичность оказывается сильнее любых разрушений.

В другом стихотворении марта 1916 года Ахматова создает тревожный образ надвигающейся угрозы: «Черта за кругом плавный круг, // Над сонным лугом коршун кружит // И смотрит на пустынный луг. // В избушке мать над сыном тужит: // «На хлеба, на, на грудь, соси, Раста, покорствуй, крест неси»» [Ахматова, 2024:57], где контраст между мирной картиной природы и хищной птицей создает напряженное ожидание беды, а материнское наставление «крест неси» становится символом принятия неизбежной судьбы и готовности к страданию, что отражает трагическое мироощущение эпохи и пред-

чувствие грядущих испытаний.

На рубеже XX-XXI веков в творчестве Бориса Рыжего, которого часто называют последним советским поэтом, военная символика отражает личностные и экзистенциальные черты коллективности народа. В его стихотворениях, написанных во время Первой чеченской войны, возникает образ современного военного конфликта как абсурдного и бессмысленного насилия: «Стихотворение, написанное во время 1-ой чеченской войны... на кровать мою ночью садится. норовит оборваться, разбиться» [Рыжий, 1995: электронный источник]. Здесь война предстает как личная трагедия, вторгающаяся в частное пространство человека, что отражает характерное для конца XX века восприятие военных конфликтов как чего-то далекого и одновременно очень близкого, способного в любой момент разрушить привычный уклад жизни. В другом стихотворении Б. Рыжий создает контраст между мирной жизнью и ужасами войны: «И там, вдали от зоны гибельной, // Циклюют и вожат паркет, // Большой театр квалдригой вздыбленной // Следит салютную ракету. // А там по мановенью файеров Взлетают стаи лепешинских, // И фары плавят плечи фрайеров // И шубки дамские в пушинках. // Бойцы лежат. // Им льет регалии Монетный двор порой ночью. Но пулеметы обрыгали их Блевотиною разрывною!» [Рыжий, 1990-е: электронный источник], где образы мирной жизни резко контрастируют с картиной гибели бойцов, а метафора «блевотины разрывной» передает отвращение и ужас перед войной как физиологическим актом насилия.

Современная российская поэзия демонстрирует принципиально иной подход к военной символике, где традиционные образы приобретают новые смысловые оттенки или уступают место совершенно новым символическим конструкциям. Как отмечают исследователи, новым и основным образом-символом войны становится «пустота», отражающая постсоветское восприятие конфликтов [Образы и мотивы, 2022:240], что передает ощущение экзистенциальной опустошенности и потери смыслов, характерное для современного восприятия войны как абсурдного и бессмысленного насилия. При этом сохраняется обращение к теме Великой Отечественной войны, но с новыми акцентами: «Солнце – вечный огонь небес. // Над могилой братской – крест: // Символ смерти и символ жизни» [Современные русские поэты, 2020:34], где крест над братской могилой осмысливается не только как знак смерти, но и как символ вечной жизни, духовного преодоления смерти, что свидетельствует о сакрализации военной памяти в современном сознании и поиске духовных оснований для осмысления исторической трагедии.

Особый интерес представляет феномен Z-поэзии, возникший вскоре после начала СВО в 2022 году и получивший свое название от символа «Z», который был

нанесен на российскую бронетехнику и стал символом российской агрессии [Русская литература, 2023: электронный источник], что демонстрирует появление новой военной символики, связанной с конкретными современными конфликтами и отражающей идеологическую позицию определенных кругов современного российского общества.

Так, именно через поэзию прослеживается эволюция военного символизма от масштабных, эпических образов, осмысляющих войну как историческую катастрофу, затрагивающую судьбы народов и цивилизаций, к более камерным, психологически насыщенным символам, где война все чаще предстает как личная трагедия отдельного человека, что отражает общую тенденцию к индивидуализации восприятия исторических событий в современной культуре. При этом сохраняется преемственность в использовании определенных архетипических образов: дом, мать, родная земля, которые в разных исторических контекстах наполняются новым содер-

жанием, но продолжают выполнять функцию духовных опор в условиях военного «лихолетья», что свидетельствует о глубинных основаниях национального сознания, сохраняющих свою актуальность несмотря на все исторические потрясения и идеологические трансформации, происходящие на рубеже веков и определяющие культурную эволюцию военной символики в ее поэтическом воплощении.

Таким образом, культурная эволюция военной символики на рубеже XX-XXI веков представляет диалектический процесс, в ходе которого происходит преобразование самой природы символического мышления о войне, где традиционные коллективные нарративы постепенно уступают место индивидуализированным экзистенциальным переживаниям, при этом сохраняя глубинные архетипические структуры, которые продолжают служить фундаментальными опорами национального самосознания в условиях постоянно меняющихся исторических реалий и идеологических парадигм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахматова А.А. Стихотворения и поэмы. - М.: АСТ, 2024. - 384 с.
2. Влияние исторических конфликтов на трансформацию военной символики в XX-XXI веках // История. Культурология. Политология. - 2024. - № 4. - С. 3-15.
3. Иванов В.Н. Феномен военной культуры в социокультурном пространстве современной России: философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. - М., 2018. - 189 с.
4. История государственной символики России до 2021 года // Вестник архивоведения. - 2021. - № 2. - С. 67-78.
5. Национальные образы войны и мира в лирической поэзии XX века // Культурология. - 2020. - № 1. - С. 12-25.
6. Образы и мотивы современной военной поэзии // Литературоведение. - 2022. - № 4. - С. 240-255.
7. Отечественная военная геральдика XVIII - начала XXI в.: историографическое исследование. - М.: Воениздат, 2015. - 432 с.
8. Первая мировая война в поэзии русских футуристов 1914-1916 гг. // Филологические науки. - 2018. - № 2. - С. 56-68.
9. Поэзия второй половины XX века. Особенности лирики и новые течения. - М.: Просвещение, 2019. - 288 с.
10. Русская литература [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Русская_литература (дата обращения: 11.11.2025).
11. Русская поэзия 21 века [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://poetryartblog.blogspot.com/p/russkie-stihotvoreniya.html> (дата обращения: 11.11.2025).
12. Рыжий Б. Стихотворение, написанное во время 1-ой чеченской войны [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://neznakomka-18.livejournal.com/927242.html> (дата обращения: 11.11.2023).
13. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. - М.: РОССПЭН, 1999. - 383 с.
14. Символическое измерение военных и политических конфликтов: материалы международной научной конференции. - СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2022. - 345 с.
15. Современные поэты о Великой Отечественной войне // Завтра. - 2021. - № 15. - С. 45-52.
16. Стихи поэтов-фронтовиков о войне [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://slovesnik.org/chto-chitat/spiski-ot/stikhotvoreniya-poetov-frontovikov-podborka-germana-lukomnikova.html> (дата обращения: 11.11.2023).
17. Хренов Н.А. Культура на рубеже XX-XXI веков: глобализационные процессы и национальная идентичность. - М.: Академический проект, 2020. - 456 с.

© Калинин Вячеслав Вячеславович (vkalinin.mos@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОШКА МАТРОСКА, ПИРАТЫЧ И ДРУГИЕ: ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ МАСКОТОВ

THE CAT MATROSKA, PIRATYCH AND OTHERS: FEATURES OF MODERN RUSSIAN MASCOTS

V. Potapchuk
E. Potapchuk

Summary: This article analyzes the features and methods of using mascots by Russian organizations and companies in communication with their audiences, clients and consumers. The work examines mascots popular in Russia and its regions, and analyzes the company values presented by them. The article presents the history of the emergence of mascots, as well as the process of their development in Russia and abroad. The authors describe their types and the most effective ways of communication and communication between the mascots of the organization and its audience, as well as the features of a number of Russian mascots and their role in shaping the image of companies.

Keywords: mascots of Russian organizations, mascot characters, mascots, features of modern communication, the importance of mascots in modern communications, modern methods of managing communications, features of mascots of Russian organizations and companies.

Потапчук Владимир Владимирович

аспирант Тихоокеанского государственного
университета, г. Хабаровск
vova.potapchuk.01@inbox.ru

Потапчук Елена Юрьевна

кандидат культурологии, доцент, Тихоокеанский
государственный университет, г. Хабаровск
epotapchuk@mail.ru

Аннотация: В данной статье анализируются особенности и способы использования талисманов-маскотов российскими организациями и компаниями в коммуникации с их аудиториями, клиентами и потребителями. В работе рассматриваются популярные в России и в ее регионах маскоты, а также анализируются ценности компаний, презентуемые ими. В статье представлена история появления талисманов-маскотов, также процесс их развития в России и за рубежом. Авторы описывают их виды и наиболее эффективные способы коммуникации и общения между маскотами организации и ее аудиторией, а также особенности ряда российских талисманов и их роль в формировании имиджа компаний.

Ключевые слова: маскоты российских организаций, персонажи-талисманы, маскоты, особенности современной коммуникации, значение маскотов в современных коммуникациях, современные способы управления коммуникациями, особенности маскотов российских организаций и компаний.

В условиях плотного информационного пространства и интенсивного социального воздействия на человека, характерных для постиндустриального общества [9], одной из самых актуальных проблем управления коммуникацией стали поиски возможных способов и путей повышения ее эффективности, привлечения и удержания внимания потенциальной и целевой аудитории [3].

Среди новых эффективных коммуникативных технологий, применяемых для установления и сохранения активного контакта с внешней и внутренней аудиторией, особое место занимают маскоты, ставшие в последние десятилетия одним из популярных способов построения коммуникации [14, С. 71], поскольку их использование позволяет компании-коммуникатору привлечь внимание потребителей к своим услугам и продуктам, повысить свою узнаваемость, а также эффективно взаимодействовать со своими покупателями, клиентами и др. [6].

Цель данного исследования – определить особенности использования маскотов российскими организациями и компаниями в коммуникации с их аудиторией. Для достижения этой цели использовались методы

информационного аудита для сбора сведений о сконструированных и представленных современными российскими организациями презентующих их персонажах-символах – маскотах. Особенности конструирования и использования персонажей-маскотов исследовались при помощи метода контент-анализа. Для интерпретации образов маскотов и ценностно-мировоззренческих установок, транслируемых ими, определения особенностей эмоциональных связей организаций, маскотов и аудиторий применялись знаково-семиотический подход, сравнительно-исторический и текстологический методы. В качестве эмпирического материала выступили размещенные на Интернет-сайтах российских организаций публикации, посвященные их маскотам.

Имеющее французское происхождение слово «маскот» было впервые упомянуто в XIX в. и означало «колдовство» или «заклинание». В 1880 г. оно стало сленговым выражением, укоренившимся сначала во французском, а затем в английском языках, и обозначало талисмана [25, С. 433]. Маскот понимался в ту эпоху как нечто забавное, для милого небольшого колдовства [15, С. 28]. Этому способствовало появление популярной оперы «La mascotte» французского композитора Э. Одрана [20], которая рассказывала историю о девушке, приносившей

удачу, пока она оставалась девственницей [30]. Изначально талисманы-маскоты появлялись в среде суеверных спортсменов. Первыми маскотами еще в конце XIX в. обзавелись бейсболисты. В 1944 г. Макс Паткин, развлекая публику во время бейсбольных матчей, не только стал одним из первых маскотов в американском спорте, но и был им на протяжении пятидесяти лет [30]. Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. маскот стал использоваться во взаимодействии между организацией или компанией и ее аудиторией, став элементом рекламной коммуникации, который, представляя коммуникатора, его услуги и продукцию потребителю, формирует у последнего прочные эмоциональные ассоциации с ним [20, С. 36].

В современной коммуникации маскот – это обобщенный социально сконструированный образ животного или антропоморфного существа, отражающего ценностные и мировоззренческие установки презентуемой им организации, который используется для установления прочной эмоциональной связи с аудиторией, неформального общения, помощи и поддержки с целью своего продвижения или продвижения своих товаров и услуг. Маскот способен исполнять разнообразные функции (от информирования, активизации общения, повышения узнаваемости до технической помощи, поддержки, навигации и пр.), становится лицом и талисманом бренда, встраиваясь в его айдентику. Отмечается, что фирменные персонажи – маскоты, – являясь перспективной технологией, играют ключевую роль в современных коммуникационных стратегиях [4, С. 113].

Появление маскотов в сфере профессиональной коммуникации связано с потребностями личности в идентификации и самоидентификации. С точки зрения психоаналитической теории, идентичность – это «знание человека о себе, о своей схожести с другими и сопричастности с этими другими, т.е. с субъектными людьми, ...знание особого рода, освобождающее человека из плена и гнета» бессознательного [26, С. 4]. В современных трактовках идентичности обращают на себя внимание два аспекта в ее анализе. Один, лишаящий ее универсальности, трактует идентичность как субъективный процесс отнесения личности самой себя к определенным социальным и культурным группам, которые она считает «своими», и, наоборот, – противопоставление себя тем, кого воспринимает как «чужих». «Свои» понимаются человеком как те, с кем он имеет схожие черты [26, С. 5]. Иначе, идентичность представляется совокупностью объективных признаков, позволяющих распознать социокультурную и иную принадлежность индивида [26, С. 5]. В этих процессах психологической, социальной и культурной самоидентификации личности и ее самоопределения значимую роль играют символика, атрибутика, жаргон, внешний вид и пр. Так, например, успешный советский маскот – Олимпийский Мишка – символ XXII летних Олимпийских Игр 1980 г.

в Москве, трогательно прощавшийся на их закрытии с участниками и зрителями, действительно, стал знаком дружелюбия, общительности, открытости и еще чего-то большего, невыразимого, причастными к чему стали миллионы людей. «Идентификация позволяет субъекту обнаружить и зафиксировать свое место в семиозисе... При вхождении в класс субъект, выделяя эти инвариантные атрибуты, одновременно производит операцию «собирая себя» (М. Мамардашвили) – самоотождествления в различных точках времени-пространства» [5, С. 112]. Маскот, таким образом, как знак и символ, указывающий на ряд свойств, качеств, характеристик, презентующий набор ценностей и мировоззренческих установок определенной социальной группы, конструируемой организацией, командой и пр., может стать одним из элементов, участвующих в процессах осознанного или бессознательного поиска личностью «своих», что является для нее базовой потребностью. Так, обусловленное историческими обстоятельствами, довольно случайное, появление маскота ЦСКА – коня – позволило когда-то болельщикам и фанатам этого футбольного клуба опознавать «своих» и отличать их от групп поддержки других команд. Прозвище «кони» болельщики «армейцев» получили в середине 1970-х гг., поскольку стадион их команды на улице Песчаной был построен на месте бывших конюшен. В 2008 г. конь стал официальным символом клуба, а в 2019 г. появился и маскот – конь, одетый в одежду клубных цветов ЦСКА. Таким образом, сначала символика и прозвище, стали способом распознавания поклонников ФК ЦСКА, а затем – и маскот. Клуб подчеркивает, что конь – благородное животное, образ которого прочно вошел в российскую национальную культуру, – он является символом красоты и силы, именно эти качества отличают манеру игры «армейских» футболистов – атлетичность и сила [1].

Следует отметить, что склонность к использованию в качестве маскотов образов животных отражает сохраняющийся архаичный, один из древнейших, способов идентификации человека – родоплеменной, – при котором принадлежность к человеческому сообществу, зачастую, осуществлялась при помощи считающегося прародителем священного животного, представления о чем уходят корнями в тотемистические верования [28].

Используемые в качестве персонажа-талисмана животные наделяются человеческими чертами и предполагаемыми качествами. Развитие профессиональных коммуникаций предполагает в выборе маскота движение от животных к антропоморфным существам. «Исчезновение антропоморфности – это растворение биографии в топографии, а вовсе не преобразование самого маскота. Но антропоморфизм (человечность) взгляда маскота, его гримасы, выражения лица, не становится меньше, даже если маскот совсем не похож на человека» [15, С. 30–31].

Спектр особенностей применения маскотов современными российскими компаниями и организациями, стремящимися повысить эффективность коммуникации посредством их использования, значительно расширился в последние десятилетия. Целый ряд практик организации взаимодействия с аудиторией при помощи специальных персонажей-талисманов увеличивают его успешность.

В некоторых случаях применяются живые маскоты, в качестве которых выступали либо дети, либо животные. Такие случаи известны с конца XIX в. Например, живым символом бейсболистов был мальчик Чик, который подносил игрокам биты и выполнял их мелкие поручения [25]. Бейсболисты верили, что он приносит им удачу, и именно с ним связывали свои победы. В качестве подобных символов-талисманов других команд выступали маленький Ник и Чарли Галлахер [20]. Первый получил большую известность, выступая в качестве талисмана бейсбольной команды «Бостон Браунс», принося ей, по мнению игроков, удачу [11]. Позднее маскоты появились не только у спортивных организаций и мероприятий. С 1892 г. талисманом Йельского университета стал бульдог Красавчик Дэн, оказавшийся одним из первых маскотов-животных. На сегодняшний день он по-прежнему остается символом вуза, с ним связывается девиз «Никогда не сдавайся» [20, С. 36].

Активно внедряются в качестве маскотов во второй половине XX в. антропоморфные существа, для создания образов которых используются костюмы животных и куклы. Отказ от живых маскотов начался из-за трагического события в истории хоккейной команды НХЛ «Питтсбург Пингвинз»: в 1968 г. у них появился живой талисман – пингвин по кличке Пит, умерший спустя несколько недель после его представления [11].

Однако полного отказа от живых маскотов не наблюдается, периодически таковые возникают и у современных российских организаций и компаний. Так, например, в апреле 2014 г. в Пермском государственном национальном исследовательском университете появился кот по кличке Марсик, быстро ставший любимцем студентов, преподавателей и сотрудников вуза. Марсик поселился в гардеробе второго корпуса. Летом он часто проводил время на лавочке рядом с фонтаном, а зимой укрывался от холода в теплых корпусах вуза. Кот гулял по коридорам ПГНИУ, ходил на лекции, в связи с чем довольно быстро стал популярным персонажем в университетском сообществе, часто обсуждаемым и в социальных сетях, т.е. живым маскотом пермского университета. По мнению студентов, встреча с Марсиком перед занятиями сулила удачу, а если удавалось его погладить, большое везение гарантировалось [24]. Поселившийся в Тульском государственном университете кот Степан – еще один пример животного, ставшего живым маскотом

вуза. Его с другими котятами подбросили в университет, почти все они нашли приют, но вот один котенок – Степан – остался. Кота подкармливали студенты и охранники, вскоре он стал посещать лекции и подставлять бока для поглаживаний. Любимым местом у Степана был корпус института горного дела и строительства ТулГУ, где ему и сделали лежанку [8].

Настоящих животных в качестве талисманов использовали и российские спортивные команды. Так, например, в декабре 2014 г. обычная полосатая кошка неожиданно стала живым символом хоккейного клуба КХЛ «Адмирал» из Владивостока. В одном из рыбных магазинов аэропорта она забралась в витрину, съела и испортила продуктов на общую сумму около 60 тыс. руб. Игроки клуба изъявили желание забрать животное, а руководство приняло решение возместить магазину нанесенный ущерб. Тогдашний президент ХК «Адмирал» А. Могильный привез кошку в клуб, где ей дали кличку Матроска, и она, получив приют на «Фетисов-Арене», стала живым талисманом команды [29]. Животное сначала приняли за кота, поэтому хотели назвать Матроскиным, что соответствовало бы и его полосатой расцветке, и «морскому» имиджу «Адмирала», но оно оказалось самкой. Эти рассмотренные случаи указывают на то, что живые маскоты, зачастую, появляются спонтанно, но эта их случайность чрезвычайно способствует формированию крепких позитивных эмоциональных связей между организацией и ее аудиторией.

Спонтанно появившиеся живые маскоты могут стать основой для профессионального формирования и использования коммуникатора-посредника, образ которого насыщен положительными эмоциями и ассоциациями. Животные в качестве маскота способствуют укреплению командного и морального духа сотрудников или членов команды, поскольку в значительной мере оживляют, деформализуют и укрепляют связи внутри коллектива. Живые талисманы способны вдохновлять компанию или команду на достижение лучших результатов, воздействуя на эмоциональную сферу участников коммуникации – ее членов, работников, потребителей и пр. Однако, использование живых маскотов несет ряд угроз. Во-первых, постоянное содержание животного в неволе способно вызвать у него сильный стресс и лишить его возможности проявлять естественное поведение, что приведет к недугам, и, в свою очередь, может вызывать негативные переживания и эмоции участников коммуникации, критику зоозащитных, экологических и иных общественных организаций и движений, в результате чего может быть нанесен ущерб репутации компании-хозяина живого маскота. Смерть животных-талисманов негативно сказывается на имидже компании, организации, команды и пр., следовательно, может вызвать проблемы в коммуникации и взаимодействии с аудиторией. Например, «адмиральская» кошка Матроска скончалась из-за

проблем со здоровьем в июне 2016 г., и перед первым домашним матчем владивостокской команды в сезоне 2016/2017 гг. на площади перед спортивной ареной был открыт памятник первому талисману хоккейного клуба «Адмирал» [21]. В связи с этими рисками в современных коммуникативных процессах предпочтение отдается не живым животными, а анимированным существам, представляющим перед аудиторией в изображениях, ростовых куклах, игрушках, костюмированных персонажах и т.п.

Эффективность использования маскота в коммуникации требует от специалистов внимательной и детальной разработки его образа, что, кстати говоря, не всегда возможно при стихийном появлении живого животного-талисмана. При создании образа современного маскота следует обратить внимание на его пол, возраст, характер и темперамент, мимику, жесты, речь, приветствия, обращения и прощания, используемые в изображении цветовые сочетания, внешний вид и одежду, проявления им эмоций и пр., что должно соответствовать настроению, чувствам, психологическими особенностями и ожиданиям целевой аудитории. Так, она способна определить: сильный персонаж или слабый, добрый или злой, смелый или пугливый, энергичный или пассивный, открытый или застенчивый и т.д. Проработанность образа маскота и его совпадение с чувствами, психологическими, социокультурными и иными особенностями участников коммуникации позволяет сформировать, развить и сохранить эмоциональные связи между компанией, ее талисманом, внешней и внутренней ее аудиторией, клиентами и потребителями. Укрепление их привязанности к персонажу будет способствовать росту лояльности по отношению и к организации [25]. Например, в качестве коммуникативного посредника между хоккейным клубом «Адмирал» и его фанатами и болельщиками ныне выступает антропоморфный пират Пиратыч, который стал новым маскотом команды в 2016 г. Образ Пиратыча соответствует морской тематике хоккейного клуба из Владивостока. Его наряд – форма и пиратская треуголка – соответствует цветам команды. Повязка на глазу, шрам, черные борода и усы указывают на его «пиратство», что делает Пиратыча запоминающимся и чрезвычайно узнаваемым среди болельщиков, фанатов спортивного клуба, владивостокцев и любителей российского хоккея. Таким образом, выбор пирата в качестве талисмана «Адмирала» связан с отражением в его образе приморской идентичности города и региона – места базирования команды, – а также выражает приверженность его игроков морским традициям, которым следуют жители Владивостока и Приморского края. Современный маскот, и Пиратыч в том числе, кроме этнической и региональной идентичности указывает на свойства, черты, особенности и пр., характеризующие и его, и того, кого или что он презентует. Так, представители «Адмирала» характеризуют своего Пиратыча как «смелого и опасного», считая, что именно эти качества являются главными у игроков

их команды [21]. Номер на футболке их маскота – 13 – имеет символическое значение: это номер одного из защитников «Адмирала», отличающегося задиристым характером [2]. «Видимо и сам Пиратыч в обиду себя не даст» [2]. Кроме того, корсару «Адмирала» свойственен специфический стиль поведения: он не только смелый и решительный, но и дружелюбный и открытый. Пиратыч не только подбадривает, поддерживает и мотивирует на борьбу и победу игроков и болельщиков «Адмирала» во время матчей, но и демонстрирует трюки, например, садится верхом на заграждение, подчеркивая тем самым свою смелость, становясь еще более запоминающимся персонажем.

Особо следует отметить, что маскот является носителем также и ценностных значений и установок, приверженность которым утверждает его организация, компания, клуб, общественное движение и пр. Так, например, в сентябре 2023 г. Пиратыч принял участие в выборах губернатора Приморского края [23], а в марте 2024 г. – в выборах Президента Российской Федерации [17]. Олег Савинов, который носит костюм Пиратыча, отдавший свой голос за кандидата на пост главы государства, так прокомментировал это событие: «Всем нужно прийти и проявить свою гражданскую позицию. Наш пресс-отдел уже проголосовал, ребята из команды проголосуют после игры» [17]. Таким образом, организовав данную акцию и создав информационный повод для СМИ, владивостокский хоккейный клуб в очередной раз подчеркнул свою приверженность интересам региона и государства, выразил отношение не только к спортивным, культурным, но и социально-политическим событиям в крае и стране, а также способствовал формированию ценностного отношения к ним своих болельщиков [16].

Обращает на себя внимание стремление многих организаций связать своего маскота с местностью и территорией своей прописки, что формирует и укрепляет региональную, а зачастую, и этническую идентичность. В этом смысле успешен мамонт Пахом – маскот ХК «Югра» из Ханты-Мансийска, указывающий на уникальную особенность Ханты-Мансийского автономного округа, территории, где в вечной мерзлоте были обнаружены заледевшие останки мамонтов. Тигр – маскот дальневосточного хоккейного клуба из г. Хабаровска, – действительно, является символом Дальнего Востока России, поскольку именно там располагается ареал его обитания. Куницы стали бренд-персонажем ХК «Салават Юлаев» из г. Уфы, поскольку изображение этого животного украшает герб города. «Шанхай Дрэгонс» – хоккейный клуб из Китая, конечно же, использовал в качестве своего маскота символ этой страны – Дракона. И, наконец, ХК «Сибирь» поддерживает связь со своим регионом, используя в качестве талисмана образ Снеговика [18].

О. А. Лапина отмечает, что применение персона-

жа-талисмана в айдентике и мерче помогает не только усилить узнаваемость маскота, тем самым укрепить эмоциональную связь со своими потребителями и клиентами, но и создать уникальную брендиентичность своей продукции [14, С. 72]. Таким образом, еще одной особенностью применения современных маскотов в профессиональной коммуникации стало использование их образов в символике организации, компании, команды и т.п., поскольку это способствует повышению узнаваемости бренда на рынке и делает его более привлекательным, запоминающимся, эмоциональным и живым. Например, Procter & Gamble для создания рекламы отечественного стирального порошка «Миф» (один из образцов – телевизионный ролик «Миф. Морозная свежесть: жареная курочка – коронное блюдо», март 2017 г.) задействовал в качестве маскота образ умывальника, отсылающего к популярному на постсоветском пространстве Мойдодыру – персонажу одноименного произведения детского писателя К.И. Чуковского – и хорошо известным зрителям с детства мультипликационным экранизациям этой сказки [19]. Персонаж рекламы стирального порошка имеет определенное сходство с любимым героем детского стихотворения, но, однако, был разработан дизайнерами транснациональной компании по его мотивам [32]. Кроме того, его отличает от сказочного Мойдодыра характер: у К.И. Чуковского он – строгий и суровый, в рекламе «Мифа» – он милый, дружелюбный и обаятельный. На российском рынке Procter & Gamble добавляла изображение своего Мойдодыра на упаковки производимой и реализуемой продукции, усиливая узнаваемость и запоминаемость рекламного персонажа, тем самым укрепляя эмоциональную связь целевой аудиторией и с маскотом, и с предлагаемым продуктом.

В ситуации, когда каждый член общества, в том числе и россияне, включены в общение посредством широко развитых социальных сетей, маскоты становятся представителями своих компаний и организаций в них, представляя от их лица контент подписчикам и посетителям каналов [12]. Таким образом, контентмейкинг и сторителлинг [31] стали основными и обязательными технологиями в представлении бренд-персонажа в социальных сетях. Так, например, аккаунт Дальневосточного федерального университета в соцсети «ВКонтакте» ведется от имени лиса Влада – наставника, студента и «очень энергичного малого», образ которого создала художник Яна Подольская [7]. Лиса стала случайно талисманом этого дальневосточного университета, так как на острове Русский, где располагается его кампус, действительно, в изобилии водятся лисы, которые являются обычными жителями университетской территории. Имя маскота-лиса конечно, указывает на город, где находится ДВФУ – Владивосток. Детально разработаны и сюжет, и характер, и портрет, и гардероб лиса Влада: он – третьекурсни́к, уверенный и опытный студент, наставник, тусовщик, целеустремленный и общительный. Есть у него и свой соб-

ственный зов: всем «фыр!» [7]. Маскот Влад создавался в ДВФУ для взаимодействия с абитуриентами и сопровождения вступительной кампании, но оказался очень привлекателен и эффективен в качестве сопровождающего соцсети, т.е. пригодился не только для общения с внешней аудиторией, но и для внутренней коммуникации. Например, лис Влад в ВК-аккаунте университета напоминает абитуриентам о сроках заключения договора о платном обучении, сообщает о скидках на обучение, а студентам рассказывает о том, как перевестись в ДВФУ из другого вуза, на другую программу или на бюджетную форму обучения.

Для развития связей с аудиторией современный маскот не только сопровождает и презентует контент, он может вести свою индивидуальную страницу в социальной сети, отвечать на вопросы в чате, быть героем рассылок, игр, анимационных фильмов, видео, разнообразных активностей [27]. Персонаж-маскот может выступать в качестве проводника в интерактивных приложениях. Если интерфейс предполагает сложный или длинный пользовательский путь, то маскот предлагает на сайте или в приложении подсказки и советы [22]. Ярким примером такого маскота является СберКот Сбербанка. Впервые этот персонаж-талисман появился в 2017 г., когда он выступил в качестве бота-помощника в социальной сети «ВКонтакте», участвовал в обучении финансовой грамотности детей, подростков и других пользователей. Сбербанком аудитории ВК были предложены стикеры со СберКотом, которые выдавались прилежным ученикам. Коммуникаторы Сбера использовали СберКота в качестве героя мультфильмов, игр, выпустили с его образом мерч (брелоки, рюкзаки, одежду и др.). В течение следующих лет персонаж, став достаточно известным и популярным среди россиян, активно развивался и превратился в полноценного цифрового 3D-персонажа, наделенного голосом и искусственным интеллектом [27].

Создание сюжета про талисман – разработка истории его жизни – может вызвать дополнительный интерес к персонажу со стороны целевой аудитории, увеличить круг лиц, интересующихся деятельностью компании и их маскотом, позволит клиентам и потребителям лучше узнать его, а, значит, и его организацию. Кроме того, разработка сюжета и истории маскота улучшает и укрепляет имидж коммуникатора. Активная деятельность по разработке истории жизни талисмана с детально проработанным сюжетом, например, обнаруживается у хабаровского хоккейного клуба КХЛ «Амур», у которого маскотом стал плюшевый амурский тигренок Бархат, названный в честь известного на Дальнем Востоке, любимца горожан, обитателя хабаровского зоосада тигра Бархата. Впервые талисман «Амура» появился в 2015 г., и в этом же году он и получил имя [10]. Хоккеисты «Амура» взяли шефство над живущим в Приамурском Зоосаде им. Всеволода Сысоева тигром по кличке Бархат.

Официальная история жизни маскота Бархата такова: в одной из тигриных семей появился симпатичный тигренок, обожавший танцевать. Взрослые тигры не понимали его хобби и не поддерживали малыша, считая, что он с возрастом перестанет заниматься этим странным, по их мнению, занятием. Из-за того, что его увлечение вызывало отрицательное отношение других тигров, Бархат грустил. В один прекрасный день он решил прогуляться и случайно оказался на хоккейной арене. Прокравшись на трибуны, он наблюдал за хоккеистами на льду, а также за зрителями. Тигренок решил, что хоккеисты и зрители во время матча танцуют, и подумал: может зрителям понравятся и его танцы? И тогда Бархат тоже стал танцевать – сначала медленно и неуверенно, но затем, получив поддержку, пустился в пляс [10]. Так тигренок и остался с болельщиками и хоккеистами на арене. История маскота Бархата получила развитие: он встретил подругу – тигрицу Тамару – и вскоре сделал ей предложение. 14 февраля 2024 г., в день Святого Валентина, во время хоккейного матча между «Амуром» и челябинским «Трактором», Бархат и Тамара поженились [13]. Так, у хабаровского хоккейного клуба «Амур» появилось парочка маскотов. Следует отметить, что в Хабаровске игроки «Амура» – всеобщие любимцы, – и клуб пользуется широкой поддержкой хабаровчан. Специалисты по коммуникациям этого спортивного клуба взяли курс на позиционирование хоккея как семейного вида спорта. На играх клуба в «Платинум-Арене» ждут семьи с детьми разного возраста, каждый матч обставляется как яркое и разнообразное шоу, культивирующее спорт, здоровье, семейные ценности, частью чего и стала тигриная парочка – Бархат и Тамара, – которые всегда общаются не только с игроками, фанатами, болельщиками, но и с семьями, и особенно с детьми. Таким образом, семейная пара тигров – маскоты ХК «Амур» – транслируют семейные ценности, выбранные клубом в качестве основных, и, заодно, взращивают будущих болельщиков, фанатов и любителей клуба и российского хоккея.

Итак, маскот играет важную роль как в продвижении

бренда, услуг и продукции организации, так и в коммуникации между ней и потребителями ее продуктов. Эффективность персонажа-талисмана в коммуникации зависит от выбора и проработанности его образа, его соответствия половозрастным, психологическим, социально-культурным и иным особенностям и ожиданиям аудитории, в том числе целевой. Значение маскота возрастает, если его внешность и имидж дополняется историей его появления и жизни, которые получают развитие во времени.

Презентация и профессиональное продвижение спонтанно появившегося талисмана может стать основой для выстраивания тесных эмоциональных связей с внешней и внутренней аудиторией, формирования лояльности по отношению к организации, компании, фирме, команде и пр. В качестве маскотов могут использоваться образы предметов (маскотом футбольного клуба «Локомотив» некоторое время был Паровозик), человека (Пиратыч хоккейного клуба «Адмирал», рыжеволосый парень Рейл футбольного клуба «Локомотив», Спартак и Гладиатор спортивного клуба «Спартак»), мифические и абстрактные антропоморфные существа (домовой Ози «Озона», апперы «Билайна» дракон Юнг и робот Пинг, робот Макс – «Госуслуги», человечек Пятюня магазина «Пятерочка», Чебурашка – символ спортивной сборной России), но чаще всего применяются изображения человекообразных животных (тигры Бархат и Тамара хоккейного клуба «Амур», лис Влад ДВФУ, СберКот, панда Тапа, кот Пуш и пчела Базя «Билайна», Песель – «ВКонтакте»). Предпочтение образам животных отдается под влиянием сохраняющей свое воздействие тотемистической традиции. Успех маскотов в сфере профессиональной коммуникации обеспечивается их глубинной связью с базовыми процессами идентификации и самоидентификации личности и социальной группы, которые предполагают использование отличительных знаков и символов, несущих ключевую информацию о свойствах и качествах субъектов, презентуемых ими.

ЛИТЕРАТУРА

- 100 лет ЦСКА // Сайт «ЦСКА – 100 лет». URL: <https://cska.ru/100/> (дата обращения 12.08.2025).
- «Адмирал» перед матчем выпустил на лед своего первого официального маскота Пиратыча. // PrimaMedia.ru. URL: <https://primamedia.ru/news/526750/> (дата обращения 17.08.2025).
- Ань В.Н., Кошель В.А. Технологии искусственного интеллекта и их роль в повышении эффективности рекламных коммуникаций // Практический маркетинг. 2024. № 2. С. 10–15.
- Богданова М.А., Печенкина М.О., Попов Д.Г. Маскоты как инструмент позиционирования на рынке общественного питания Санкт-Петербурга // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 4. С. 113–127.
- Бразговская Е.Е. Семиотика идентичности // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 4 (28). С.108–115.
- Власова М.К., Ибрагимов М.А., Дрокина К.В. Теоретико-методические аспекты создания маскота бренда компании // Вектор экономики. 2021. № 5 (59).
- ДВФУ / FEFU // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/fefudvfu> (дата обращения: 19.08.2025).
- День студента: 5 котов, которые стали талисманами вузов России. // Питомцы.Mail. URL: <https://pets.mail.ru/news/den-studenta-5-kotov-kotoryie-stali->

- talismanami-vu/ (дата обращения: 12.08.2025).
9. Еникеева Е.М., Кульназарова А.В. Влияние цифрового инструментария на конфликтные коммуникации в системе «власть-общество»: опыт российских регионов // *Litera*. 2024. № 12. С. 202–214.
 10. Задунаев В. Бархат из Хабаровска примет участие в битве талисманов КХЛ // *Комсомольская правда*. URL: <https://www.hab.kp.ru/daily/27235/4361775/> (дата обращения 15.08.2025).
 11. Истомин Ю. Уникальность плюс юмор: каким должен быть спортивный маскот // *Ведомости*. URL: <https://www.vedomosti.ru/sport/around/articles/2024/05/31/1040825-unikalnost-plyus-yumor-kakim-dolzhen-bit-sportivnii-maskot> (дата обращения: 15.08.2025).
 12. Клет М.П., Тхорилов Б.А. Использование нейросетевых и когнитивных технологий для разработки бренд-персонажей // *Практический маркетинг*. 2024. № 6. С. 46–49.
 13. Кокурин Б. «Амур» в Хабаровске второй раз выиграл у «Трактора», а Бархат женился на Тамаре // *МК.RU.Хабаровск*. URL: <https://hab.mk.ru/sport/2024/02/14/amur-v-khabarovske-vtoroy-raz-vyigral-u-traktora-a-barkhat-zhenilsya-na-tamare.html> (дата обращения 15.08.2025).
 14. Лапина О.А. Маскот — инструмент современного маркетинга // *Формообразование в дизайне*. — Омск: Омский государственный технический университет, 2024. С. 71–75.
 15. Марков А.В., Штайн О.А. Маскот между реальным и цифровым миром // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2024. № 5 (121). С. 27–34. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-5121-27-34>.
 16. Маскот приморских хоккеистов Пиратыч проголосовал за президента России // «МК во Владивостоке». URL: <https://vlad.mk.ru/politics/2024/03/15/maskot-primorskikh-khokkeistov-piratyach-progolosoval-za-prezidenta-rossii.html?ysclid=m8bfjuuvut833886535> (дата обращения: 17.08.2025).
 17. Маскот хоккейного клуба «Адмирал» Пиратыч проголосовал на выборах Президента России в Приморье // *BezFormata.com*. URL: <https://chuguevka.bezformata.com/listnews/piratyach-progolosoval-na-viborah/129025523/> (дата обращения: 17.08.2025).
 18. Маскоты КХЛ: от снеговика до медведя // *Masskott*. URL: <https://masskott.com/maskoty-khl-ot-snegovika-do-medvedya> (дата обращения: 17.08.2025).
 19. «Миф» // *Брендвики.ру*. Энциклопедия брендов. URL: <https://brandwiki.ru/brands/chemical/mif.html> (дата обращения: 19.08.2025).
 20. Петрухина О.В. Персонаж — маскот в рекламной анимации // *Искусствоведение*. 2022. № 3. С. 33–44.
 21. Пиратыч. Человек в костюме // *Россия сегодня*. URL: <https://vid1.ria.ru/ig/infografika/o1/mascotV2/mascot/admiral/admiral.html> (дата обращения: 17.08.2025).
 22. Солощенко И. Маскоты в интерфейсах: как улучшить пользовательский опыт с помощью персонажа // *Digital-агентство «Атвинта»*. URL: <https://atwinta.ru/material/blog/maskot/> (дата обращения: 19.08.2025).
 23. Талисман ХК «Адмирал» проголосовал на выборах губернатора // *Аргументы и факты. Владивосток*. VL.AIF.ru. URL: https://vl.aif.ru/society/talisman_hk_admiral_progolosoval_na_vyborah_gubernatora (дата обращения: 12.08.2025).
 24. Талисманом Пермского университета стал ученый кот // *Сайт Пермского государственного национального исследовательского университета*. URL: <http://www.psu.ru/news-archive/year-2015/talismanom-permskogo-universiteta-stal-uchenyj-kot-video> (дата обращения: 12.08.2025).
 25. Ткаля Ю.Э., Мареева Е.Ф., Жихарева А.А. Ведение социальных групп с помощью персонаж-талисманов (маскотов) // *Вестник науки*. 2024. Т. 3, № 12 (81). С. 431–445.
 26. Тхагапсоев Х.Г., Леонов И.В. Идентичность как мера культуры и методологическая категория культурологии // *Культурологический журнал*. 2025. № 2 (60). С. 4–12.
 27. Ферцер В. Маскоты в маркетинге: кто такие, зачем нужны и где используются. Примеры известных персонажей брендов // *Pressfeed*. URL: <https://news.pressfeed.ru/maskoty-v-marketinge-kto-takie-zachem-nuzhny-i-gde-ispolzuyutsya-primery-izvestnyh-personazhej-brendov/> (дата обращения 14.08.2025).
 28. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. — М.: Эксмо, 2006. 960 с.
 29. Царева А. Кот, объевший рыбный магазин в аэропорту Владивостока, оказался дамой // *Комсомольская правда*. URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/26320/73199031/> (дата обращения: 16.08.2025).
 30. Чакабаев А. Маскоты в спорте появились еще в XIX веке: слово закрепилось из-за французской оперы, а первыми талисманами стали дети и животные // *Sports.ru*. URL: <https://www.sports.ru/football/blogs/2842995.html> (дата обращения 19.08.2025).
 31. Чумиков А.Н., Чумикова С.Ю. Сторителлинг в развитии: технологии и контексты // *Коммуникология*. 2023. Том 11. № 1. С. 142–157. DOI 10.21453/2311-3065-2023-11-1-142-157.
 32. Procter & Gamble подал заявку на регистрацию Мойдодыра // *Lenta.ru*. URL: <https://lenta.ru/news/2012/02/29/moidodyr/> (дата обращения 19.08.2025).

© Потапчук Владимир Владимирович (vova.potapchuk.01@inbox.ru), Потапчук Елена Юрьевна (epotapchuk@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ДОРОГИ КАК КУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Саратовский Сергей Владимирович

кандидат педагогических наук, ФГБОУ ВО "Саратовский
национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского"
sesar75@inbox.ru

THE PHENOMENOLOGY OF THE ROAD AS A CULTURAL CONCEPT OF RUSSIAN CIVILIZATION

S. Saratovskii

Summary: The article presents a phenomenological analysis of the road as a central cultural concept of Russian civilization: it examines the intentional structure of experiencing the path, its semiotic and ontological richness, and its diachronic transformation from mythopoetic and ceremonial forms to literary and modern digital narratives.; It is shown that the road functions as an organization of the spatial and temporal coordinates of collective consciousness, realizing the functions of initiation, sacralization, existential reflection and the constitution of identity, while preserving the archetypal semantics of overcoming and meeting in the context of social and technological changes.

Keywords: phenomenology of the road, cultural concept, Russian civilization, intentionality, semiotics of the path, archetype of the path, sacral profane, diachronic transformation, identity, digital transformation.

Аннотация: В статье представлен феноменологический анализ дороги как центрального культурного концепта русской цивилизации: исследуется интенциональная структура переживания пути, его семиотическая и онтологическая насыщенность, диахроническая трансформация от мифопоэтических и обрядовых форм к литературным и современным цифровым нарративам; показано, что дорога функционирует как организация пространственно-временных координат коллективного сознания, реализует функции инициации, сакрализации, экзистенциальной рефлексии и конституирования идентичности, при этом сохраняя архетипическую семантику преодоления и встречи в условиях социальных и технологических изменений.

Ключевые слова: феноменология дороги, культурный концепт, русская цивилизация, интенциональность, семиотика пути, архетип пути, сакрально-профанное, диахроническая трансформация, идентичность, цифровая трансформация.

Актуальность исследования феномена дороги как культурного концепта русской цивилизации обусловлена его фундаментальной значимостью для всего спектра гуманитарных наук, где архетипические структуры выступают в качестве универсальных когнитивных моделей, организующих коллективное сознание и культурную память. Так, в антропологии и культурологии дорога предстает как базовый пространственно-временной конструкт, определяющий способы освоения и осмысления мира, формирующий картину мира носителей культуры; в психологии и философии сознания архетип пути функционирует как глубинная структура психики, организующая процессы самоидентификации, личностного роста и экзистенциальной рефлексии. Для лингвистики и семиотики дорога представляет знаковый комплекс, интегрирующий пространственные, временные и ценностные коды культуры, а в литературоведении и искусствоведении концепт дороги выступает как сквозной мотив, раскрывающий национальную специфику художественного сознания и творческого мировосприятия. Особую значимость приобретает изучение данного феномена в условиях цифровой трансформации культуры, когда традиционные архетипические структуры адаптируются к новым медийным форматам, сохраняя при этом свою сущностную семантику и функциональное назначение в организации коллективного опыта.

Цель настоящего исследования заключается в проведении феноменологического анализа дороги как центрального культурного концепта русской цивилизации, выявлении его интенциональной структуры, семиотической насыщенности и диахронической трансформации от мифопоэтических форм к современным цифровым нарративам.

Феноменология как философское направление, основанное Э. Гуссерлем, представляет методологический подход к исследованию сознания и тех феноменов, которые даны в различных познавательных актах. Согласно позиции самого Э. Гуссерля, феноменология рассматривается как научная дисциплина, которая занимается изучением мира сознания и мира феноменов, понимаемых как предметы, данные сознанию в разнообразных познавательных актах [Гуссерль, 1998, с. 45]. Данный подход предполагает обращение к непосредственному опыту через анализ интенциональных актов сознания, что дает возможность выявлять сущностные структуры переживаемого опыта. В рамках культурологических исследований феноменология создает предпосылки для изучения культурных концептов как феноменов коллективного сознания, которые обладают собственной интенциональной структурой и смысловым наполнением.

Культурные концепты, как определяет В.И. Карасик,

представляют собой ментальные образования, аккумулирующие в себе ценностные доминанты, характерные для конкретной культуры [Карасик, 2004, с. 92]. Концепты функционируют в качестве смысловых узлов, которые организуют картину мира носителей культуры и определяют специфику их мировосприятия. Дорога как культурный концепт русской цивилизации отличается особой семиотической насыщенностью, выступая в качестве феномена, интегрирующего пространственные, временные, социальные и экзистенциальные измерения. Т.Б. Щепанская указывает, что в русской традиционной культуре дорога представляет комплекс представлений и практик, связанных с различными формами передвижения [Щепанская, 2015, с. 7], что делает ее ключевым элементом национальной ментальности.

Архетипичность дороги в русском культурном сознании проявляется в ее двойственной природе, выступая в качестве границы между сакральным и профанным мирами. В.Н. Топоров рассматривает дорогу в мифопоэтической традиции как ось мира, соединяющую различные уровни космоса [Топоров, 1983, с. 134]. Архетипическая структура находит свое отражение в русской культуре, где дорога воспринимается как пространство встречи с иным, как место испытаний и преображения. Е.А. Мальцева в своем исследовании отмечает амбивалентность дороги как символа, подчеркивая, что базовый образ дороги формируется в рамках мифологической картины мира, демонстрируя двойственность идеи дороги как символа и возможности, и опасности перемен, появления нового [Мальцева, 2022, с. 112].

Для русского человека дорога обладает особым экзистенциальным значением, выступая в качестве метафоры жизненного пути и духовного странствия. В.В. Колесов обращает внимание на то, что у русского народа концепт дороги чаще ассоциируется с горем, страданиями и дорожными мытарствами, поскольку для преодоления таких пространств и препятствий требуются громадное терпение и сила воли [Колесов, 2006, с. 78]. Данная особенность связана с географическими и историческими условиями существования русской цивилизации – огромными пространствами, необходимостью постоянного перемещения и освоения новых территорий. Дорога становится не просто физическим маршрутом, но пространством встречи с самим собой, местом рефлексии и самопознания.

Феноменологический анализ концепта дороги в русской литературе позволяет выявить его многослойную структуру. Так, например, в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» дорога предстает как феномен, интегрирующий различные уровни смысла. «*Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное в слове: дорога! и как чудна она сама, эта дорога: ясный день, осенние листья, холодный воздух... покрепче в дорожную шинель, шапку на уши,*

тесней и уютней прижмемся к углу!» [Гоголь, 2009, с. 245]. Пассаж демонстрирует, как дорога становится «эмоциональным переживанием», объединяющим человека с природой и самим собой. Феноменологический подход позволяет рассматривать эту цитату как описание интенционального акта сознания, направленного на переживание дороги как целостного феномена.

Гоголевская дорога выполняет несколько феноменологических функций – она является средством познания действительности, пространством творческого вдохновения и метафорой национальной судьбы. «*Боже! как ты хороша подчас, далекая, далекая дорога! Сколько раз, как погибающий и тонущий, я хватался за тебя, и ты всякий раз меня великодушно выносила и спасала! А сколько родилось в тебе чудных замыслов, поэтических грез, сколько переживалось дивных впечатлений!*...» [Гоголь, 2009, с. 287]. Отрывок раскрывает дорогу как феномен спасения и творческого преображения, где физическое перемещение трансформируется в духовное странствие. Феноменологический анализ позволяет выявить здесь структуру интенционального сознания, направленного на преодоление экзистенциального кризиса через переживание дороги как спасительного пространства.

В творчестве А.С. Пушкина феномен дороги приобретает ироническое и одновременно глубоко философское звучание. «*Долго ль мне гулять на свете / То в коляске, то верхом, / То в кибитке, то в карете, / То в телеге, то пешком...*» [Пушкин, 1986, с. 156]. Отрывок из «Дорожных жалоб» демонстрирует, как дорога становится пространством рефлексии о быстротечности жизни и разнообразии жизненных путей. Пушкинская ирония здесь служит инструментом феноменологической редукции, позволяющей выявить сущностные структуры переживания дороги как метафоры человеческого существования. В отличие от метафизических поисков Пушкин акцентирует земное, повседневное измерение дороги, что соответствует его установке на «поэзию действительности».

Тогда как в поэзии М.Ю. Лермонтова феномен дороги приобретает метафизическое измерение, становясь пространством встречи с вечностью. «*Выхожу один я на дорогу; / Сквозь туман кремнистый путь блестит; / Ночь тиха. Пустыня внемлет богу, / И звезда с звездою говорит*» [Лермонтов, 1989, с. 156]. Образ демонстрирует феноменологическую редукцию – сведение сложного мира к его сущностным структурам через переживание одиночества на дороге. Дорога здесь становится местом трансценденции, где человеческое сознание встречается с космической бесконечностью. Феноменологический анализ позволяет рассматривать этот стих как описание интенционального акта, направленного на постижение фундаментальных структур бытия через пере-

живание дороги как медитативного пространства.

Поэты Ф.И. Тютчев и А.А. Фет представляют различные аспекты феноменологического переживания дороги в русской поэзии. Как отмечает М.Л. Гаспаров, «когда у Тютчева появлялись дорога, путь, то они вели прямо вверх; у Фета же путь ведет среди шири в даль» [Гаспаров, 1990, с. 67]. Разница отражает различные интенциональные структуры сознания: тютчевская дорога направлена к трансцендентному, к метафизическим высотам, тогда как фетовская – к имманентному, к бесконечности земного пространства. «На возвратном пути / Грустный вид и грустный час – / Дальний путь торопит нас...» [Тютчев, 1987, с. 134] – этот образ демонстрирует тютчевскую установку на дорогу как пространство метафизической тоски и стремления к абсолюту.

Не менее интересно феноменологическое представление дороги у поэтов XX века. С.А. Есенин в своем творчестве развивает феноменологию дороги как пути духовного возвращения к национальным корням. «Мы теперь уходим понемногу / В ту страну, где тишь и благодать. / Может быть, и скоро мне в дорогу / Бренные пожитки собирать» [Есенин, 1995, с. 203]. Феноменологический подход позволяет выявить здесь структуру интенционального сознания, направленного на осмысление конечности человеческого существования через метафору дороги. Есенинская дорога становится пространством встречи с трансцендентным, где физическое перемещение обретает духовное измерение.

А.А. Блок развивает феноменологию дороги как символа национальной судьбы и исторического пути России. «И невозможное возможно, / Дорога долгая легка, / Когда блеснет в дали дорожной / Мгновенный взор из-под платка...» [Блок, 1960, с. 89]. Данный образ из стихотворения «Россия» раскрывает дорогу как пространство чуда и преображения, где физическая трудность пути преодолевается духовным озарением. Блоковская дорога становится местом встречи с вечной женственностью, с сакральным началом русской культуры.

Современные культурные практики продолжают развивать феноменологию дороги, адаптируя ее к новым социальным и технологическим условиям. Как отмечает А.В. Михайлов, в цифровую эпоху «архетип пути приобретает виртуальное измерение, сохраняя при этом свою базовую структуру» [Михайлов, 2020, с. 115]. Интернет-

коммуникация, социальные сети, навигационные системы создают новые формы дороги как пространства взаимодействия. Однако феноменологический анализ показывает, что сущностные структуры переживания дороги остаются неизменными – она по-прежнему выступает как пространство встречи, испытания и преображения, хотя материальные условия ее существования кардинально изменились.

Универсальность проявляется в архетипической структуре дороги как пространства перехода и преображения, что соответствует общечеловеческим моделям восприятия. Специфичность же связана с особенностями русского исторического опыта – огромными пространствами, необходимостью постоянного перемещения, традицией духовного странничества. Как отмечает И.В. Уваров, «дорога в космологии восточных славян занимает одно из важных мест, эта реальность мира материального предстает как особое семантизированное пространство» [Уваров, 2015, с. 25].

Следовательно, феноменология дороги как культурного концепта русской цивилизации демонстрирует удивительную устойчивость базовых структур восприятия при одновременной адаптации к изменяющимся историческим условиям. Концепт продолжает организовывать национальное сознание, предлагая модели осмысления пространственно-временных координат бытия.

Проведенное исследование позволило выявить, что феноменология дороги как культурного концепта русской цивилизации представляет собой сложную многоуровневую структуру, интегрирующую пространственные, временные, социальные и экзистенциальные измерения. Анализ показал, что дорога функционирует как архетипический конструкт, обладающий двойственной природой границы между сакральным и профанным мирами, выступая одновременно как пространство испытаний, преображения и встречи с иным. Исследование продемонстрировало устойчивость базовых структур восприятия дороги при их диахронической трансформации от мифопоэтических форм к литературным нарративам и современным цифровым практикам, сохраняющим сущностную семантику преодоления и встречи как фундаментальных экзистенциальных категорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок, А.А. Стихотворения и поэмы / А.А. Блок. – Москва: Художественная литература, 1960. – 512 с. – ISBN 5-280-01234-4.
2. Гаспаров, М.Л. Композиция пейзажа у Тютчева / М.Л. Гаспаров // Избранные труды. Том II. О стихах. – Москва: Языки русской культуры, 1990. – С. 65-78. – ISBN 5-7859-0045-7.
3. Гоголь, Н.В. Мертвые души / Н.В. Гоголь. – Москва: Эксмо, 2009. – 320 с. – ISBN 978-5-699-35876-2.

4. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль. — Москва: Дом интеллектуальной книги, 1998. — 336 с. — ISBN 5-7333-0231-5.
5. Есенин, С.А. Стихотворения и поэмы / С.А. Есенин. — Москва: Художественная литература, 1995. — 478 с. — ISBN 5-280-03386-4.
6. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2004. — 477 с. — ISBN 5-88234-579-0.
7. Колесов, В.В. Русская ментальность в языке и тексте / В.В. Колесов. — Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2006. — 624 с. — ISBN 5-85803-316-5.
8. Лермонтов, М.Ю. Сочинения в двух томах. Том 1 / М.Ю. Лермонтов. — Москва: Правда, 1989. — 720 с. — ISBN 5-253-00030-8.
9. Мальцева, Е.А. Символика и смыслы образа железной дороги в художественной культуре России: концепты «путь», «дорога» / Е.А. Мальцева // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2022. — Т. 13. — № 1. — С. 110-118. — EDN GGUSNY.
10. Михайлов, А.В. Архетипы в цифровую эпоху: трансформация традиционных образов / А.В. Михайлов // Вопросы культурологии. — 2020. — № 4. — С. 110-118. — EDN NVHAVO.
11. Пушкин, А.С. Сочинения в трех томах. Том 1 / А.С. Пушкин. — Москва: Художественная литература, 1986. — 735 с. — ISBN 5-280-00012-5.
12. Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического / В.Н. Топоров. — Москва: Прогресс, 1983. — 624 с. — ISBN 5-01-001119-2.
13. Тютчев, Ф.И. Лирика в двух томах. Том 1 / Ф.И. Тютчев. — Москва: Наука, 1987. — 448 с. — ISBN 5-02-012734-6.
14. Уваров, И.В. Архетип дороги в мифопоэтическом пространстве русской культуры / И. В. Уваров // Культурология. — 2015. — № 3. — С. 22-29. — EDN USRYEL.
15. Щепанская, Т.Б. Культура дороги в русской традиционной культуре / Т.Б. Щепанская. — Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2015. — 288 с. — ISBN 978-5-85803-486-5.

© Саратовский Сергей Владимирович (sesar75@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИНЯТИЯ ФИНАНСОВЫХ РЕШЕНИЙ

Архимандритова Юлиана Андреевна

Независимый исследователь

arkh.work@yandex.ru

MOTIVATIONAL AND COGNITIVE FEATURES OF FINANCIAL DECISION-MAKING

I. Arkhimandritova

Summary: The article presents a theoretical study of the impact of the digitalization of the economy on the psychological aspects of financial decision-making based on a generalization of modern scientific literature in the field of behavioral finance and economic psychology. The key areas of analysis of the digitalization of the economy are shown, including the role of digital incentives, algorithmic recommendations, interfaces and social networks in combination with attention, memory, risk assessment and information processing methods, as well as the impact of the level of trust in technology and digital financial literacy. The features of motives are described and the risks and distortions of the digital environment are systematized, the relationship of digital conditions with changes in the structure of motives, attitudes and cognitive shifts in the selection process is revealed. The key result is the developed comprehensive model of the impact of the digitalization of the economy on the motivational and cognitive processes of financial decision-making.

Keywords: digitalization of the economy, motivation, cognition, financial decisions, decision-making.

Аннотация: В статье представлено теоретическое исследование влияния цифровизации экономики на психологические аспекты принятия финансовых решений на основе обобщения современной научной литературы в области поведенческих финансов и экономической психологии. Показаны ключевые направления анализа цифровизации экономики, включая роль цифровых стимулов, алгоритмических рекомендаций, интерфейсов и социальных сетей в сочетании с вниманием, памятью, оценкой риска и способами обработки информации, а также влияние уровня доверия к технологиям и цифровой финансовой грамотности. Описаны особенности мотивов и систематизированы риски и искажения цифровой среды, выявлена связь цифровых условий с изменением структуры мотивов, установок и когнитивных сдвигов в процессе выбора. Ключевым результатом выступает разработанная комплексная модель влияния цифровизации экономики на мотивационно-когнитивные процессы принятия финансовых решений.

Ключевые слова: цифровизация экономики, мотивация, когнитивные процессы, финансовые решения, принятие решений.

Введение

Принятие финансовых решений (далее — ПФР) значительно усложняется в контексте цифровизации. Цифровизация экономики усилила влияние технологических условий на психологические механизмы принятия финансовых решений, поскольку развитие цифровых сервисов сформировало среду, насыщенную потоками информации и новыми средствами её восприятия [4]. Исследовательские результаты показывают, что финансовое поведение стало зависеть от действий в интерфейсах онлайн-платформ, от алгоритмов, управляющих представлением данных, и от цифровых коммуникаций, что создаёт дополнительные когнитивные ограничения и усиливает роль субъективных установок [7], [8]. Анализ цифровых влияний показывает, что мотивы, установки и способы оценки информации трансформируются под воздействием технологических решений, встроенных в финансовые сервисы, что изменяет характер реакции на информационные сигналы и способы интерпретации риска [5], [12]. Психология экономического поведения в условиях цифровизации рассматривает влияние технологических форматов вза-

имодействия пользователя с финансовой средой как фактор изменения структуры мотивов, способов оценки последствий и способов формирования ожиданий [6], что создаёт предпосылки для глубокого анализа цифровых стимулов и их роли в регулировании поведения. Исследования подтверждают, что цифровые механизмы обработки информации и особенности её подачи в онлайн-пространстве оказывают воздействие на оценку перспектив и выбор способов действий в финансовой сфере [11], [14]. Указанные изменения позволяют рассматривать цифровизацию экономики как значимую характеристику среды, влияющей на мотивационно-когнитивные процессы, формирующие содержание финансовых решений. Цель статьи — исследование влияния цифровизации экономики на психологические аспекты принятия финансовых решений.

Актуальность работы

Данное исследование направлено на анализ влияния цифровизации экономики на психологические механизмы ПФР с учётом современных направлений поведенческой экономики для того, чтобы уточнить условия

формирования решений, принимаемых пользователями цифровых финансовых сервисов в контексте технологических и социальных изменений. Исследование также отражает и обобщает последние достижения современной отечественной и зарубежной научной литературы, посвящённой цифровым аспектам ПФР, представленным в высокоуровневых научных журналах. Разработка авторской комплексной модели направлена на объяснение взаимодействия цифровых стимулов, когнитивных процессов и мотивов, что позволяет расширить представления о психологической природе ПФР в условиях цифровизации экономики.

Материалы и методы

Настоящее исследование носит теоретический характер. В качестве основных методов исследования использованы анализ научной литературы, обобщение, сравнение, дедукция. Для изучения влияния цифровизации экономики на психологические аспекты ПФР применяются труды российских авторов в области поведенческих финансов и экономической психологии, опубликованные в научной литературе [1–5], а также работы зарубежных исследователей [6–15].

Результаты и их обсуждение

Теоретические основания анализа влияния цифровизации экономики на психологические аспекты принятия финансовых решений складываются на базе поведенческих финансов и экономической психологии, которые рассматривают финансовое поведение как результат взаимодействия субъективных представлений, мотивационных структур и неопределённой внешней среды [3]. В исследованиях по финансовому поведению описываются модели, в которых экономические агенты характеризуются склонностью к риску, эмоциональными реакциями и когнитивными искажениями, а не сводятся к носителям полностью рациональных стратегий [1]. Указанные теоретические конструкции подготавливают развитие анализа цифровизации экономики, поскольку цифровая среда усиливает уже описанные эффекты и задаёт новые условия для интерпретации финансовых стимулов [15].

В рамках анализа цифровизации экономики выделяются направления, которые трактуют электронные финансовые сервисы как институциональную среду, задающую условия доступа к продуктам и формат информационного взаимодействия [12]. Этот уровень дополняется подходом цифровой финансовой грамотности, поскольку связывает использование цифровых технологий с набором навыков, установок и представлений, определяющих способность субъекта ориентироваться в цифровых финансовых инструментах [11]. В исследованиях цифровой финансовой грамотности под-

чёркивается, что цифровизация экономики не сводится к техническому обновлению каналов обслуживания и связывается с изменением структуры автономии и контролируемости финансового поведения [2].

Ещё один уровень анализа вносят психологические теории восприятия технологий, поскольку они учитывают особенности взаимодействия субъекта с интерфейсами, алгоритмами и цифровыми советниками и связывают экономическое поведение с доверием к технологиям и субъективной оценкой их компетентности [5].

Перспективы цифрового подталкивания [4] и влияние атрибутов цифровой среды [8] на выбор показывают, что структура представления информации в цифровой среде влечёт изменение восприятия последствий решений и оценку совместимости продукта с потребностями пользователя [9]. Модели ограниченной рациональности пользователей онлайн-сервисов микрофинансовых организаций показывают, что цифровизация экономики усиливает спонтанность принятия финансовых решений, так как сокращается время анализа и сокращается объём информации, который становится основой для осмысленного сопоставления альтернатив [4].

В отличие от классических моделей рационального выбора в финансовой теории подходы цифровой психологии и экономики рассматривают цифровизацию экономики как источник систематического изменения мотивационно-когнитивных процессов, которые определяют содержание принятия финансовых решений в условиях технологически опосредованной среды [7].

Цифровая среда усилила влияние интерфейсов, ИИ и массивов данных на внимание, память и способы обработки информации, поскольку использование цифровых сервисов связано с интенсивным восприятием структурированных и нестабильных потоков сведений, которые формируют ограниченную концентрацию и изменённое распределение когнитивных ресурсов [7]. Воздействие алгоритмических рекомендаций в финансовых сервисах формирует условия, в которых оценка информации смещается в сторону готовых решений, что изменяет структуру запоминания информации и снижает глубину анализа данных, так как субъективная оценка достоверности алгоритма начинает подменять самостоятельное сопоставление вариантов [10]. Применение ИИ в процессе взаимодействия с финансовой средой усиливает фрагментарность восприятия информации, приводит к эффекту сокращённой когнитивной нагрузки и, как следствие, к смещению внимания в сторону наиболее заметных сигналов и формированию специфических когнитивных сдвигов, выражающихся в уменьшении роли аналитических стратегий и усилении зависимости от цифровых технологий [5].

Цифровая среда также усилила роль геймификации, мгновенной обратной связи и социальных сетей на цели и установки, определяющие содержание ПФР, поскольку цифровые стимулы усиливают значимость краткосрочных реакций и смещают структуру мотивации в сторону немедленных результатов [13]. Воздействие механизмов геймификации и постоянных уведомлений формирует стремление к выполнению действия в ответ на цифровой сигнал, что меняет соотношение между рационально сформированными целями и эмоциональными ожиданиями, возникающими в цифровой среде [6].

Усиление роли социальных сетей формирует ситуацию, когда субъективная оценка финансового решения начинает зависеть от норм цифровых сообществ, что приводит к перераспределению мотивов и формированию цифровых мотивов ПФР, выражающихся в повышенной чувствительности к социальным сигналам и визуальным показателям, встроенным в цифровую коммуникацию [12].

Связь цифровых стимулов с перераспределением целей в ПФР подводит к необходимости выделить специфические параметры цифровой среды, способные исказить восприятие информации и изменять структуру оценки последствий. Основные исследовательские подходы к анализу рисков и искажений цифровой среды в структуре ПФР представлены ниже (табл. 1).

Социальные медиа также усилили значение сетевых эффектов, лидеров мнений и цифровых сообществ, поскольку информационные сигналы в

онлайн-среде формируют ориентиры, влияющие на содержание ПФР и задающие субъективные критерии приемлемости действий [14]. Влияние лидеров мнений усиливает стремление согласовывать ПФР с ориентиром, который складывается внутри цифровой группы, поскольку сообщения и визуальные сигналы в социальных медиа формируют представление о допустимых действиях и задают направление, воспринимаемое как предпочтительное.

Расширение роли цифровых сообществ приводит к тому, что субъективная оценка финансовых решений начинает опираться на сигналы сетевой среды, что формирует специфическую систему цифровых мотивов ПФР и условия для концептуализации влияния социальных медиа как самостоятельного фактора, изменяющего структуру ориентации субъекта в финансовой сфере [9].

Также в научной литературе отмечается влияние мобильных приложений, маркетплейсов и цифровых платформ на ПФР (табл. 2).

Важно отметить, что различия в сочетании отношения к риску, освоения технологий и привычных каналов взаимодействия проявляются и в межпоколенном разрезе ПФР в цифровой среде (табл. 3).

Цифровая среда усилила значение навыков работы с технологиями, поскольку способность ориентироваться в интерфейсах, управлять настройками безопасности и оценивать надёжность источников данных определяет качество интерпретации информации при ПФР и снижает вероятность ошибок, возникающих в условиях фраг-

Таблица 1.

Исследовательские подходы к анализу рисков и искажений цифровой среды в структуре ПФР.

№	Методология / выборка	Ключевой вывод
[4]	Анализ поведения пользователей онлайн-МФО; данные цифровых сервисов	Цифровой формат ускоряет ПФР, усиливает импульсивность и ограниченную рациональность, создаёт поверхностную обработку информации и искажает оценку
[5]	Эксперимент с участием пользователей, взаимодействующих с ИИ-рекомендациями	Использование ИИ смещает восприятие риска, усиливает доверие к технологически опосредованным подсказкам и снижает самостоятельную оценку последствий ПФР
[8]	Исследование поведения клиентов при выборе цифровых банковских продуктов	Перегрузка цифровой информацией формирует поверхностные когнитивные стратегии, увеличивает ошибки интерпретации условий и искажает оценку значимых параметров ПФР
[7]	Синтез эмпирических и экспериментальных данных	Алгоритмические рекомендации изменяют субъективное восприятие финансового риска и подменяют самоанализ готовыми решениями
[9]	Эксперимент по архитектуре выбора в цифровой среде	Цифровые элементы интерфейса формируют систематические ошибки выбора и меняют интерпретацию информации
[14]	Опросы и экспериментальные данные по молодому поколению	Высокая интенсивность цифрового потребления информации снижает глубину анализа и усиливает ошибки восприятия риска
[12]	Статистическое и концептуальное исследование цифровых факторов	Цифровая среда увеличивает количество внешних искажений, затрудняет интерпретацию финансовых параметров и ведёт к нестабильной оценке последствий ПФР

Источник: авторское обобщение.

Таблица 2.

Исследовательские подходы к влиянию мобильных приложений, маркетплейсов и цифровых платформ на ПФР.

№	Методология / выборка	Ключевой вывод
[4]	Анализ цифровых действий пользователей онлайн-МФО	Цифровые платформы сокращают время на ПФР, усиливают импульсивность ПФР и формируют склонность к использованию быстрых решений, встроенных в интерфейс
[8]	Изучение цифровых банковских сервисов и выбора счетов	Структура мобильных приложений влияет на интерпретацию условий, формирует поверхностную оценку параметров продукта и изменяет направление ПФР
[7]	Анализ технологически опосредованных финансовых решений	Алгоритмы цифровых платформ смещают восприятие финансовой информации и подменяют самостоятельный поиск данных встроенными подсказками, что влияет на ПФР
[12]	Оценка факторов цифровой среды и каналов взаимодействия	Формат цифровых платформ создает дополнительные искажения интерпретации финансовых параметров и снижает качество прогнозирования последствий ПФР
[14]	Опросы и экспериментальные данные по молодому поколению	Использование цифровых приложений усиливает склонность к быстрым действиям и снижает глубину анализа, что влияет на оценку риска в структуре ПФР
[9]	Эксперимент по архитектуре выбора в онлайн-сервисах	Организация выбора в цифровых платформах вызывает систематические искажения оценки информации и усиливает зависимость ПФР от визуальных элементов интерфейса

Источник: авторское обобщение.

Таблица 3.

Межпоколенные различия в ПФР.

Критерий	X	Y	Z	Альфа
Отношение к «цифре»	Сдержанное принятие	Уверенное использование	Полная цифровая адаптация	Цифровая среда как норма
Основные каналы ПФР	Традиционные и онлайн-сервисы	Онлайн-банкинг и приложения	Мобильные платформы	Интегрированные суперприложения
Склонность к риску	Низкая	Средняя	Повышенная	Ситуативная, зависимая от стимулов
Роль социальных медиа	Низкая значимость	Умеренная значимость	Высокое влияние	Формирование ориентации с раннего возраста
Цифровая финансовая грамотность	Базовый уровень	Уровень сформирован	Высокая привычность	Формирование в образовательных средах

Источник: авторская разработка

ментарных цифровых сигналов [11]. Расширение набора рисков в онлайн-среде усилило роль доверия к технологическим решениям [6]. Повышение требований к самостоятельной оценке цифровой информации привело к тому, что сочетание навыков, установок и представлений о безопасном поведении в онлайн-среде стало содержательной характеристикой способности субъекта осуществлять ПФР в цифровом формате, что, ориентируясь на глобальное определение финансовой грамотности [15], позволяет рассматривать новое понятие цифровой финансовой грамотности как *способности принимать обоснованные решения об использовании своих денег и управлении ими в технологически опосредованных условиях цифровой среды*.

Обобщая влияние цифровизации экономики на психологические аспекты ПФР, предлагается комплексная модель (рис. 1).

Представленная схема отражает комплексное воздействие цифровизации экономики на мотивационно-

когнитивные процессы ПФР. Цифровая среда задаёт условия, в которых внимание, особенности запоминания и глубина анализа преобразуются под влиянием алгоритмических подсказок, визуальных сигналов и высокой плотности информационных потоков. В этих условиях формируется новая группа *цифровых когнитивных искажений*, возникающих вследствие сокращённой когнитивной нагрузки, фрагментарности восприятия и подмены самостоятельной оценки готовыми цифровыми решениями. Сочетание этих факторов приводит к трансформации интерпретации финансовых сигналов и изменению характера ориентации субъекта в цифровой среде. Вторая часть схемы показывает, что перераспределение когнитивных ресурсов сочетается с изменением мотивационной структуры ПФР. Цифровые стимулы усиливают мгновенные реакции, смещают отношение к риску, повышают чувствительность к социальным сигналам и формируют цифровые мотивы ПФР, основанные на эмоциональном отклике, стремлении к немедленному результату и опоре на визуальные индикаторы. Субъективные установки и доверие становятся центральным

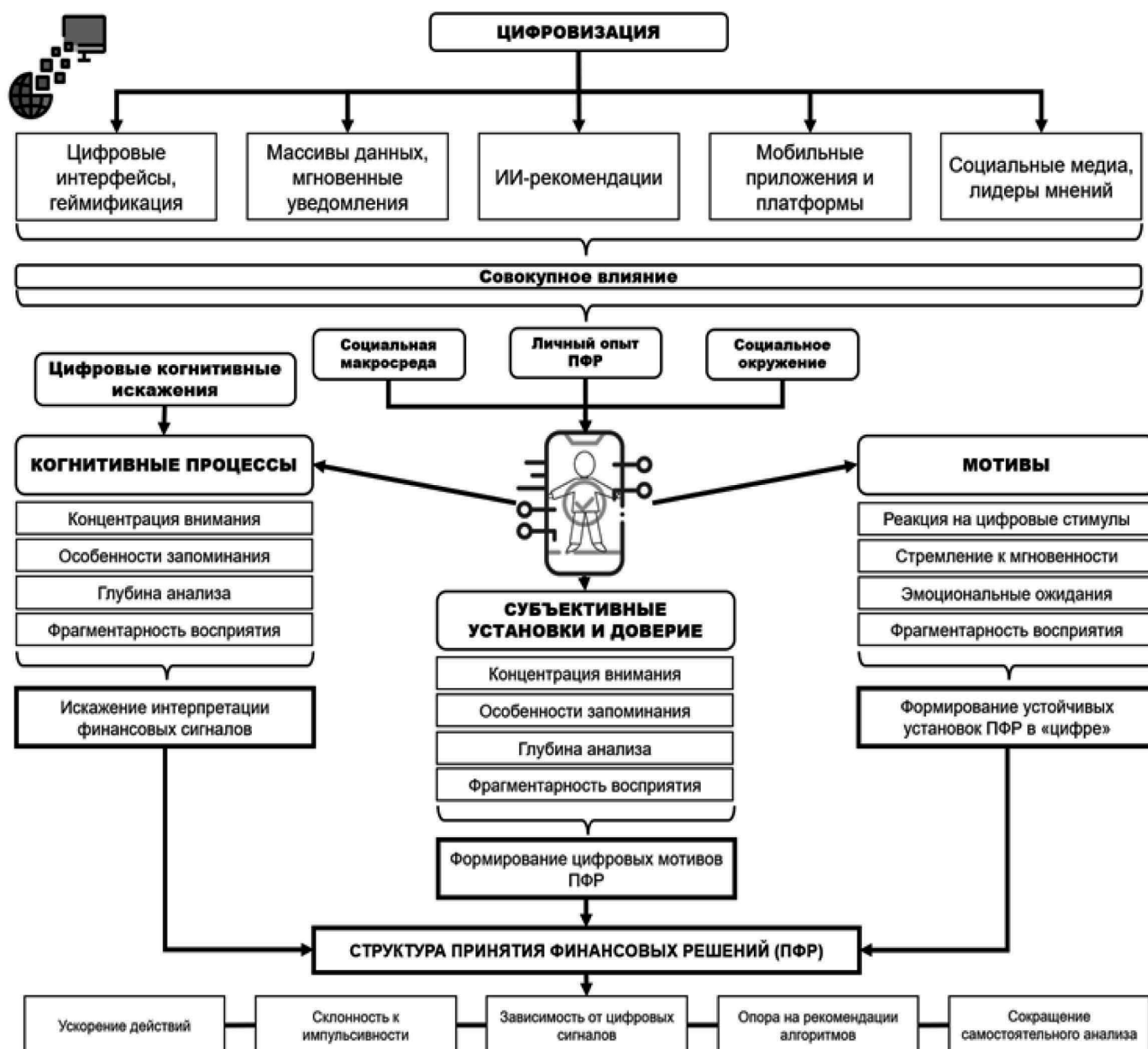

Рис. 1. Комплексная модель влияния цифровизации на мотивационно-когнитивные процессы ПФР
Источник: авторская разработка.

звеном, поскольку качество восприятия цифровой информации определяется совокупностью личного опыта, социальной среды и оценки надёжности технологий. Взаимодействие когнитивных процессов, мотивов и субъективных установок формирует структуру ПФР, характеризующуюся трансформацией ПФР.

Заключение

Цифровизация экономики раскрывает комплексное содержание ПФР, поскольку психологические механизмы выбора перестраиваются под воздействием технологически опосредованных форм восприятия информации и новых каналов взаимодействия. Анализ мотивационно-

но-когнитивных процессов показал, что цифровая среда изменяет способы концентрации внимания, структуру запоминания и оценку последствий, а также усиливает роль мгновенных стимулов, социальных сигналов и доверия к алгоритмам. Исследование позволило выявить трансформацию мотивов, установок и способов интерпретации финансовых параметров, а также уточнить место цифровых факторов в формировании устойчивых стратегий поведения. Полученные результаты расширяют понимание психологической природы ПФР и задают направления дальнейшего изучения влияния цифровых сервисов, алгоритмических решений и цифровой коммуникации на способы принятия решений в сфере личных финансов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорович А.В., Морозова А.В. Принятие финансовых решений предпринимателями в концепциях поведенческих финансов // Финансы и кредит. — 2025. — Т. 31. — № 2. — С. 123-141.
2. Джуха В.М., Федоренко В.В. Классификация финансовых моделей поведения граждан // Учет и статистика. — 2025. — Т. 22. — № 1. — С. 68-77.
3. Разумовская Е.А., Разумовский Д.Ю. Исследования финансового поведения в условиях неопределенности: теория вопроса // Финансы и кредит. — 2024. — Т. 30. — № 10 (850). — С. 2166-2183.
4. Управителей А.А. Ограниченная рациональность принятия решений пользователями онлайн-сервисов микрофинансовых организаций // Финансовый журнал. — 2022. — Т. 14. — № 4. — С. 134-147.
5. Фоломеева Т.В., Садовская Е.Д., Винокуров Ф.Н., Федотова С.В. Роль цифровых технологий в экономических решениях: искусственный интеллект и склонность к риску // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. — 2022. — № 3. — С. 40-64.
6. Aleksandrova A. et al. Digital financial literacy in a post-covid world: the role of ai and technological innovation in shaping financial decision-making // Revista de Gestão Social e Ambiental. — 2024. — Vol. 18. — No. 11. — P. 1-18.
7. D'Acunto F., Rossi A.G. IT meets finance: financial decision-making in the digital era // Handbook of financial decision making. — Edward Elgar Publishing, 2023. — P. 336-354.
8. Dehnert M., Schumann J. Uncovering the digitalization impact on consumer decision-making for checking accounts in banking // Electronic Markets. — 2022. — Vol. 32. — No. 3. — P. 1503-1528.
9. Esposito G. et al. Nudging to prevent the purchase of incompatible digital products online: An experimental study // PloS one. — 2017. — Vol. 12. — No. 3. — P. 1-15.
10. Goyal K., Kumar S., Xiao J. J. Antecedents and consequences of Personal Financial Management Behavior: a systematic literature review and future research agenda // International journal of bank marketing. — 2021. — Vol. 39. — No. 7. — P. 1166-1207.
11. Kumar P. et al. The interplay of skills, digital financial literacy, capability, and autonomy in financial decision making and well-being // Borsa Istanbul Review. — 2023. — Vol. 23. — No. 1. — P. 169-183.
12. Marconi D., Marinucci M., Paladino G. Digitalization, financial knowledge and financial decisions // Bank of Italy Occasional Paper. — 2022. — P. 1-33.
13. Mishra D. et al. Digital financial literacy and its impact on financial decision-making of women: Evidence from India // Journal of Risk and Financial Management. — 2024. — Vol. 17. — No. 10. — P. 1-23.
14. Pintér É. et al. How do digitalization and the Fintech phenomenon affect financial decision-making in the younger generation? // Acta Polytechnica Hungarica. — 2021. — Vol. 18. — No. 11. — P. 191-208.
15. Shi W., Ali M., Leong C. M. Dynamics of personal financial management: a bibliometric and systematic review on financial literacy, financial capability and financial behavior // International Journal of Bank Marketing. — 2024. — Vol. 43. — No. 1. — P. 125-165.

© Архимандритова Юлиана Андреевна (arkh.work@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛИЧНОСТНЫЕ РЕСУРСЫ В СОВЛАДАНИИ С ТРУДНЫМИ ЖИЗНЕННЫМИ СИТУАЦИЯМИ

PERSONAL RESOURCES IN COPING WITH DIFFICULT LIFE SITUATIONS

T. Bobyleva

Summary: This article presents the results of an empirical study aimed at identifying the relationship between the dynamics of personal resources, measured using the "Losses and Gains of Personal Resources" test, and the level of personal resilience. The results of the correlation analysis confirmed the presence of a significant positive relationship between the "Resource Gains" indicator and the overall level of resilience, as well as its components (involvement, control, and risk acceptance). The "Losses of Resources" indicator demonstrates a significant negative relationship with resilience. It is concluded that resilience is a key factor contributing not only to the preservation but also to the increase of personal resources in difficult life situations.

Keywords: personal resources, coping behavior, coping, resilience, difficult life situations, conservation of resources theory.

Бобылева Татьяна Георгиевна

аспирант, ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский
государственный университет им. К.Л. Хетагурова»,
(г. Владикавказ)
alladgamm@gmail.com

Аннотация: В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление связи между динамикой личностных ресурсов, измеряемой с помощью теста «Потери и приобретения персональных ресурсов», и уровнем жизнестойкости личности. Результаты корреляционного анализа подтвердили наличие значимой положительной связи между показателем «Приобретения ресурсов» и общим уровнем жизнестойкости, а также ее компонентами – вовлеченностью, контролем, принятием риска). Показатель «Потери ресурсов» демонстрирует значимую отрицательную связь с жизнестойкостью. Делается вывод о том, что жизнестойкость выступает ключевым фактором, способствующим не только сохранению, но и приумножению личностных ресурсов в трудных жизненных ситуациях.

Ключевые слова: личностные ресурсы, совладающее поведение, копинг, жизнестойкость, трудные жизненные ситуации, теория сохранения ресурсов.

Современный этап развития общества характеризуется нарастающей сложностью и неопределенностью, что проявляется в увеличении частоты и интенсивности трудных жизненных ситуаций (ТЖС). Трудная жизненная ситуация (ТЖС) — это объективно сложившееся или субъективно воспринимаемое человеком жизненное обстоятельство (или совокупность обстоятельств), которое:

- нарушает привычный жизненный уклад;
- создает препятствия для достижения значимых целей;
- требует мобилизации ресурсов, превышающих обычный уровень;
- вызывает состояние психологического напряжения;
- требует качественного изменения поведения, мышления или эмоционального реагирования.

Глобальные вызовы последних лет, включая пандемию COVID-19, экономическую нестабильность, геополитическую напряженность и экологические кризисы, актуализировали проблему психологической устойчивости личности. Согласно глобальным исследованиям, примерно 20% населения мира сталкивается с психическими нарушениями, причем значительная часть случаев связана с неэффективным совладанием со стрессом [1, 2, 3].

Совладающее поведение (копинг) — это осознан-

ные, целенаправленные усилия личности по преодолению стрессовой ситуации, направленные на смягчение воздействия стресса [4]. Личностные ресурсы — это внутренние потенциалы, которые помогают человеку успешно справляться с трудностями. К ним относятся: устойчивая самооценка, оптимизм, жизнестойкость, locus контроля, эмоциональный интеллект, социальный интеллект и система ценностей [5,6].

Снижение психологической устойчивости населения имеет значительные экономические последствия. По данным ВОЗ, депрессивные и тревожные расстройства ежегодно приводят к потере более одного триллиона долларов глобальной экономики вследствие снижения продуктивности [1].

Современное общество характеризуется одновременным сосуществованием нескольких поколений с различными ресурсными профилями и копинг-стратегиями. Увеличение продолжительности жизни актуализирует проблему сохранения ресурсности в пожилом возрасте [7]. Исследование возрастной динамики личностных ресурсов необходимо для разработки программ успешного старения.

В этих условиях особую значимость приобретает исследование личностных ресурсов как детерминант эффективного совладания со стрессом и кризисными ситуациями [8,9]. Личностные ресурсы выступают буфером

против социальной дезадаптации и маргинализации. Исследования показывают, что развитие жизнестойкости и копинг-стратегий способствует снижению уровня девиантного поведения, профилактике аддикций и укреплению социальной сплоченности [10].

В современной психологии наблюдается парадигмальный сдвиг от патогенетической к салютогенетической модели, фокусирующейся на факторах здоровья и устойчивости. Теория сохранения ресурсов С. Хобфолла [11] и концепция жизнестойкости С. Мадди [12] образуют теоретический фундамент для изучения механизмов психологической устойчивости.

Концепция жизнестойкости возникла в результате многолетних исследований личности, проводимых С. Мадди и его коллегами в Чикагском университете [13]. Изучая сотрудников телекоммуникационной компании в период масштабной реорганизации, исследователи обнаружили, что примерно две трети работников столкнулись с ухудшением здоровья на фоне стресса, в то время как одна треть сохранила здоровье и даже улучшила показатели эффективности деятельности.

Анализ этого феномена позволил выявить систему установок и убеждений, которые Мадди обозначил как «hardiness» – жизнестойкость. Данный конструкт рассматривается как личностная диспозиция, позволяющая преобразовывать стрессовые ситуации в возможности для личностного роста [14, 15].

Жизнестойкость включает три основных компонента:

- вовлеченность (commitment) – способность находить смысл и значимость в собственной деятельности, интерес к жизни, активная жизненная позиция. Противоположностью вовлеченности является отчужденность – тенденция дистанцироваться от различных аспектов жизни;
- контроль (control) – вера в свою способность влиять на события собственной жизни, стремление активно воздействовать на ситуацию, принятие ответственности за свои решения. Противоположностью контроля – беспомощность, пассивность перед жизненными обстоятельствами;
- принятие риска (challenge) – восприятие изменений как естественной части жизни и возможности для развития, открытость новому опыту, готовность действовать в непредсказуемых ситуациях без гарантий успеха. Противоположностью – стремление к безопасности и предсказуемости, избегание изменений [12]

В то время как тест жизнестойкости С. Мадди диагностирует устойчивую личностную характеристику, для оценки актуального состояния ресурсной системы личности необходим инструмент, фиксирующий ее динамику. Таким инструментом выступает опросник «Потери и приобретения персональных ресурсов» (ОППР),

разработанный на основе теории сохранения ресурсов Хобфолла [4,5].

Теория сохранения ресурсов основывается на фундаментальном принципе: люди стремятся сохранять, защищать и приумножать то, что они ценят [16]. Этот принцип универсален и проявляется на различных уровнях – от индивидуального до социального.

Хобфолл определяет ресурсы как «те сущности, которые либо ценны сами по себе, либо действуют как средства для достижения или защиты ценных ресурсов» [17, 18]. При этом рассматриваются самые разные ресурсы: материальные (финансовые активы и стабильный доход, жилье и имущество, доступ к базовым благам и услугам), социальные (социальные связи и поддержка, семейные и дружеские отношения, профессиональные сети, социальный статус и репутация), энергетические (физическое здоровье и витальность, психическая энергия и выносливость, время и возможность его распределения, знания, навыки, компетенции), психологические (самооценка и самоэффективность, оптимизм и жизнестойкость, чувство контроля, ценности и смысловые ориентации). Стресс возникает, когда ресурсы теряются, возникает угроза потери ресурсов или инвестиции в ресурсы не приносят ожидаемого возврата.

Тест «Потери и приобретения персональных ресурсов» (ОППР) позволяет оценить, что именно и в какой степени теряет или приобретает человек в условиях стресса. Эффективность преодоления стресса определяется объемом и сохранностью личностных ресурсов.

В контексте онтогенетического развития актуальным является вопрос о возрастной динамике ресурсного баланса личности. Теория сохранения ресурсов С. Хобфолла предполагает, что люди стремятся сохранять, защищать и приумножать свои ресурсы, однако эмпирические данные о возрастных особенностях этого процесса остаются противоречивыми.

Целью настоящего исследования является изучение связи между показателями ресурсного баланса (сумма потерь, сумма приобретений, индекс ресурсности) и компонентами жизнестойкости (вовлеченность, контроль, принятие риска) в процессе совладания со стрессом и кризисными ситуациями.

Гипотеза исследования: существует связь между компонентами жизнестойкости (вовлеченность, контроль, принятие риска) и показателями личностных ресурсов в процессе совладания со стрессом и кризисными ситуациями.

В исследовании приняли участие 60 респондентов. Это мужчины – священнослужители в возрасте от 21 до 63 лет.

Диагностический комплекс методик включает:

1. Тест жизнестойкости (Hardiness Test) С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева [19, 20] для оценки устойчивого личностного потенциала. Формат ответов: 4-балльная шкала Лайкерта (от «совершенно неверно» до «совершенно верно»). Методика включает 45 утверждений и оценивает общий уровень жизнестойкости, а также три ее компонента:
 - Вовлеченность (Commitment) – убежденность в важности и интересе к тому, что человек делает.
 - Контроль (Control) – вера в то, что человек может влиять на события своей жизни.
 - Принятие риска (Challenge) – восприятие жизни как источника изменений и возможностей для развития.
2. Опросник «Потери и приобретения персональных ресурсов» (ОППР) Е.В. Белинской [21]. Опросник представляет собой валидный и надежный инструмент для оценки динамики ресурсной системы личности. Методика позволяет выявить объем потерянных ресурсов, объем приобретенных ресурсов, структуру ресурсных изменений, общий ресурсный баланс. Опросник состоит из 38 пунктов, оценивающих широкий спектр ресурсов (материальных, социальных, энергетических, психологических). Респондентов просят оценить по 5-балльной шкале, какие ресурсы они потеряли и какие приобрели за последние 3-6 месяцев. В результате рассчитываются два интегральных показателя:
 - потери ресурсов (суммарный балл по шкале потерь);
 - приобретения ресурсов (суммарный балл по шкале приобретений);
 - индекс ресурсности (суммарный балл по шкале приобретений, соотнесенный с суммарным баллом по шкале потерь по каждому испытуемому).

Исследование проводилось в форме онлайн-опроса. Инструментарий исследования – анкета, содержащая социально-демографические характеристики опрошенных респондентов. Испытуемым была предоставлена электронная ссылка на методики с подробной инструкцией.

Для проверки гипотезы был применен корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона) между возрастом, показателями личностных ресурсов и показателями жизнестойкости с проверкой статистической значимости (t-критерий Стьюдента).

Корреляционный анализ выявил статистически значимую умеренную отрицательную связь между возрастом и индексом ресурсности ($r = -0.531$, $p < 0.001$). Это свидетельствует о том, что с увеличением возраста наблюдается закономерное ухудшение баланса между приобретениями и потерями персональных ресурсов.

Интересно, что отдельные показатели потерь ($r = 0.215$, $p > 0.05$) и приобретений ($r = -0.196$, $p > 0.05$) не де-

монстрируют значимой связи с возрастом. Это позволяет предположить, что возрастные изменения затрагивают не столько абсолютные объемы ресурсных потоков, сколько их соотношение и эффективность трансформации.

Итак, можно сделать обобщающий вывод: для данной исследовательской группы характерно статистически значимое снижение ресурсного баланса с возрастом. Это проявляется в двустороннем процессе:

- с одной стороны, у людей старшего возраста отмечается больший объем потерь существующих ресурсов;
- с другой стороны, у них же наблюдается меньшая способность к приобретению новых ресурсов для компенсации этих потерь.

Это означает, что у более молодых респондентов стратегии совладания в среднем более эффективны и ведут к приросту ресурсов, в то время как у старших респондентов стратегии в большей степени направлены на компенсацию и удержание, что в целом менее эффективно для общего ресурсного баланса.

Анализ выявил системные связи между всеми компонентами жизнестойкости и показателями ресурсности (Таблица 1). Все компоненты жизнестойкости демонстрируют статистически значимые положительные корреляции с суммой приобретений. Наибольшая связь – с показателем «Контроль» ($r = 0.497$) – умеренная положительная. Люди, верящие в свою способность влиять на события жизни, приобретают значительно больше ресурсов в трудных ситуациях. Средняя связь с «Вовлеченностью» ($r = 0.380$) – умеренная положительная – означает, что нахождение смысла в деятельности помогает активно приобретать новые ресурсы. Слабая, но значимая связь с «Общей жизнестойкостью» ($r = 0.352$) говорит о положительной связи общей устойчивости с приобретением ресурсов. По коэффициенту корреляции с переменной «Принятие риска» ($r = 0.288$) можно заключить, что готовность к изменениям слабо, но значимо связана с приобретением ресурсов. (Таб. 1.)

Итак, жизнестойкость, особенно ее компоненты контроль и вовлеченность, способствует не только сохранению ресурсов, но и активному приобретению новых ресурсов в трудных жизненных ситуациях.

Корреляционная связь между суммой потерь и показателем жизнестойкости (и ее компонентами) является статистически значимой. Наибольшая связь наблюдается между суммой потерь и контролем ($r = -0.510$). Это означает, что люди с низкой верой в свою способность влиять на события жизни демонстрируют более высокие показатели потерь ресурсов. Общая жизнестойкость ($r = -0.441$) и вовлеченность ($r = -0.426$) также показывают умеренные отрицательные связи с суммой потерь. Это свидетельствует о том, что низкая общая устойчивость и отсутствие смысла в деятельно-

Таблица 1.

Корреляции показателей жизнестойкости и ресурсного баланса.

Показатель	Индекс ресурсности	Сумма потерь	Сумма приобретений
Общая жизнестойкость	0.602**	-0.441**	0.352**
Вовлеченность	0.588**	-0.426**	0.380**
Контроль	0.666**	-0.510**	0.497**
Принятие риска	0.416**	-0.344**	0.288*

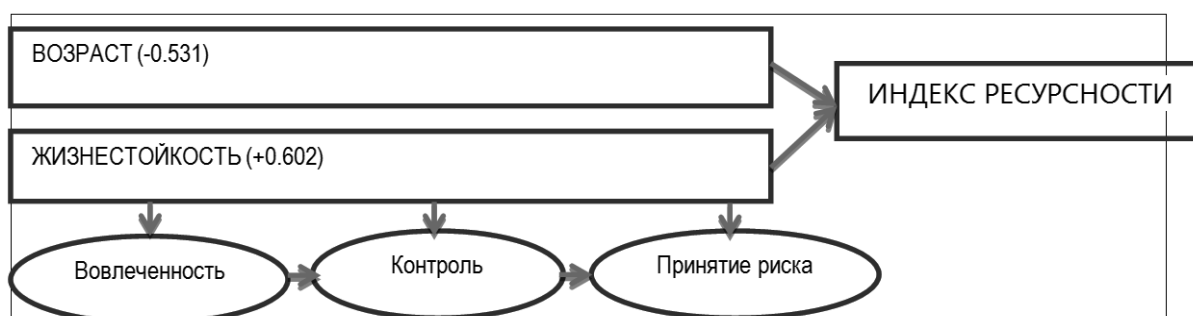
*Примечание: * - $p < 0.05$, ** - $p < 0.001$

Рис. 1. Интегральная модель взаимосвязи возраста, жизнестойкости и ресурсного баланса

сти связаны с большими потерями ресурсов. Принятие риска демонстрирует умеренную отрицательную связь ($r = -0.344$). Люди, не готовые к изменениям и вызовам, теряют больше ресурсов.

Итак, существует устойчивая отрицательная связь между всеми компонентами жизнестойкости и суммой потерь ресурсов. Это подтверждает теоретическое предположение: чем выше жизнестойкость человека, тем меньше ресурсов он теряет в трудных жизненных ситуациях. Наиболее защитную роль играет установка на контроль над событиями своей жизни.

Как видно из данных, представленных в таблице 1, выявлены статистически значимые связи между индексом ресурсности и показателями жизнестойкости. Наибольшая связь наблюдается между индексом ресурсности и контролем ($r = 0,666$). Это означает, что люди, способные влиять на события своей жизни, демонстрируют более высокий ресурсный баланс (преобладание приобретений над потерями).

Общая жизнестойкость ($r = 0,602$) и вовлеченность ($r = 0,588$) также показывают умеренные положительные связи с индексом ресурсности. Это свидетельствует о том, что общая устойчивость и активная деятельность способствуют эффективному совладанию с трудными жизненными ситуациями.

Полученные результаты позволяют построить интегральную модель взаимосвязи возраста, жизнестойкости и ресурсного баланса (Рисунок 1).

Данные исследования свидетельствуют о том, что все компоненты жизнестойкости значимо связаны с индексом ресурсности, что подтверждает теоретическое предположение: жизнестойкие люди не только лучше сохраняют ресурсы в трудных ситуациях, но и способны их приумножать.

Жизнестойкость выступает как буфер против потерь. Отрицательная корреляция между жизнестойкостью и потерями ресурсов согласуется с теорией Хобфолла. Личности с высокой жизнестойкостью, обладая установками на контроль и принятие риска, более эффективно предотвращают «ресурсные утечки», так как активно действуют, а не пассивно переживают стресс.

Вместе с тем, жизнестойкость является катализатором приобретений. Положительная связь жизнестойкости с приобретением ресурсов является ключевым выводом. Она свидетельствует о том, что жизнестойкие люди не просто «выживают», а используют трудную ситуацию для личностного роста и развития своей ресурсной базы. Компонент «Вовлеченности» позволяет им находить в кризисе новый смысл и возможности, что напрямую способствует приобретению новых знаний, навыков, укреплению социальных связей.

Именно «Вовлеченность» и «Контроль» являются главными двигателями ресурсного прироста. Это можно интерпретировать следующим образом: вера в свою способность влиять на события мотивирует к активным действиям, а глубокая вовлеченность в жизнь придает этим действиям направленность и осмысленность, превращая их в целенаправленный поиск и создание новых

ЛИТЕРАТУРА

1. World Health Organization. Mental health atlas 2020. – Geneva: WHO, 2021. – 120 p.
2. Абабков В.А., Воронкова Е.А. Совладающее поведение и психологическая защита в системе преодоления стресса // Консультативная психология и психотерапия. – 2022. – Т. 30, № 1. – С. 64–81.
3. Folkman, S., & Moskowitz, J. T. Coping: Pitfalls and promise revisited // Annual Review of Psychology. – 2024. – Vol. 75. – P. 1–24.
4. Рассказова Е.И., Гордеева Т.О. Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы исследований // Психологические исследования. – 2011. – № 5(19). – С. 1.
5. Рассказова Е.И., Гордеева Т.О. Диагностика ресурсов совладания с трудными жизненными ситуациями: новые методики // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2023. – Т. 16, № 89. – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.10.2025).
6. Carver, C. S., & Connor-Smith, J. K. Personality and coping // Annual Review of Psychology. – 2023. – Vol. 74. – P. 1–26.
7. Нартова-Бочавер С.К., Борисова А.А. Эго-ресурсы и стратегии совладания у представителей разных поколений // Психологическая наука и образование. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 65–78.
8. Нартова-Бочавер С.К. Coping-поведение в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. – 1997. – Т. 18, № 5. – С. 20–30.
9. Холмогорова А.Б. Теоретические и эмпирические основания интегративной психотерапии расстройств аффективного спектра // Консультативная психология и психотерапия. – 2019. – Т. 27, № 1. – С. 70–93.
10. Chen, X., & Liu, Y. Coping strategies and mental health outcomes during major life transitions // Frontiers in Psychology. – 2024. – Vol. 15. – URL: <https://www.frontiersin.org> (дата обращения: 15.10.2025).
11. Hobfoll, S. E. Social and psychological resources and adaptation // Review of General Psychology. – 2002. – Vol. 6(4). – P. 307–324.
12. Maddi, S.R. The story of hardiness: Twenty years of theorizing, research, and practice // Consulting Psychology Journal: Practice and Research. – 2002. – Vol. 54(3). – P. 173–185.
13. Дроздова И.В., Леонтьев Д.А. Жизнестойкость и совладание с неопределенностью в период социальных изменений // Психологические исследования. – 2024. – Т. 17, № 91. – С. 1–15.
14. Мадди С. Мужество быть сильным: Как закаляется характер. – М.: Смысл, 2015. – 348 с.
15. Maddi, S. R., & Khoshaba, D. M. Resilience at work: How to succeed no matter what life throws at you. – New York: Routledge, 2023. – 210 p.
16. Березин Ф.Б., Мирошников С.А. Роль личностных ресурсов в преодолении кризисных ситуаций в период пандемии // Психологический журнал. – 2021. – Т. 42, № 3. – С. 47–58.
17. Hobfoll, S.E. Conservation of resources: A new attempt at conceptualizing stress // American Psychologist. – 1989. – Vol. 44(3). – P. 513–524.
18. Hobfoll, S.E., Halbesleben, J., Neveu, J.-P., & Westman, M. Conservation of Resources in the Organizational Context: The Reality of Resources and Their Consequences // Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. – 2018. – Vol. 5. – P. 103–128.
19. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. – М.: Смысл, 2006. – 63 с.
20. Леонтьев Д.А. Личностный потенциал: структура и диагностика. – М.: Смысл, 2011. – 68 с.
21. Белинская Е.В. Опросник «Потери и приобретения персональных ресурсов» (ОППР) // Психологическая диагностика. – 2008. – №4. – С. 65–82.

© Бобылева Татьяна Георгиевна (alladgamm@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОСНОВНЫМ МЕРАМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОТИВНИКУ В ХОДЕ КОГНИТИВНОЙ ВОЙНЫ

Бурикова Инга Сергеевна

Кандидат психологических наук, доцент,
Северо-западный институт управления РАНХиГС
(г. Санкт-Петербург)
burikova@cspdom.ru

POLITICAL-PSYCHOLOGICAL APPROACH TO COUNTERMEASURES AGAINST ADVERSARIAL COGNITIVE INFLUENCES IN THE CONTEXT OF POLITICAL EPIDEMICS

I. Burikova

Summary: In the context of increasing complexity within the contemporary information and communication environment, the significance of studying destructive cognitive influences and their impact on the psychological resilience of society continues to grow. This article substantiates the necessity of examining such influences through a political-psychological approach based on the concept of destructive political epidemics. Drawing on the theoretical contributions of A.L. Katkov and A.I. Yuryev, as well as current research in political psychology, the study analyzes the mechanisms behind the formation of informational viruses, the specific features of their spread within digital environments, and the factors that determine societal susceptibility. The analysis demonstrates that restricting or prohibiting information does not eliminate the epidemiological dynamics of destructive meanings, since the key determinant is the level of psychological resilience and the degree of semantic saturation of collective consciousness. A three-component system of countermeasures is proposed, comprising "vaccination" (development of information literacy), preventive measures (strengthening human capital), and the deployment of a positive political epidemic as a tool for constructive semantic replacement. The study concludes that a shift from reactive strategies toward a comprehensive political-psychological model of societal information resilience is required.

Keywords: destructive political epidemics, destructive social epidemics, informational viruses, cognitive threats, psychological resilience, information resilience, demoralization, adaptational disorders, positive political epidemic.

Аннотация: В условиях нарастающей сложности информационно-коммуникационной среды возрастает значимость исследований, посвящённых деструктивным когнитивным воздействиям и их влиянию на психологическую устойчивость общества. В статье обосновывается необходимость рассмотрения подобных воздействий в рамках политико-психологического подхода через концепцию деструктивных политических эпидемий. Опираясь на теоретические разработки А.Л. Каткова и А.И. Юрьева, а также современные исследования в области политической психологии, представлен анализ механизмов формирования информационных вирусов, особенностей их распространения в цифровой среде и факторов восприимчивости населения. Показано, что запрет или ограничение информации не устраняет эпидемиологическую динамику деструктивных смыслов, поскольку ключевым элементом является уровень психологической устойчивости и смыслового насыщения общественного сознания. Предложена трёхкомпонентная система мер противодействия, включающая «прививку» (развитие информационной грамотности), профилактику (укрепление человеческого капитала) и развертывание позитивной политической эпидемии как инструмента конструктивного смыслового замещения. Сделан вывод о необходимости перехода от реактивных стратегий к комплексной политико-психологической модели формирования информационной устойчивости общества.

Ключевые слова: деструктивные политические эпидемии, деструктивные социальные эпидемии, информационные вирусы, когнитивные угрозы, психологическая устойчивость, информационная устойчивость, деморализация, адаптационные расстройства, позитивная политическая эпидемия.

Введение

В условиях стремительного усложнения информационно-коммуникационной среды и нарастающей плотности цифровых взаимодействий существенно возрастает влияние деструктивных информационных процессов на психологическое состояние граждан, на массовые формы поведения и на устойчивость политических систем. Современные исследования в области политической психологии указывают на то, что информационное пространство становится полем не только конкуренции смыслов, но и целенаправленного воздей-

ствия на психические процессы, ценностные ориентиры и механизмы самоорганизации личности и социальных групп [1; 2; 13; 14].

Одним из наиболее значимых теоретико-методологических подходов к анализу подобных процессов является концепция деструктивных социальных эпидемий, разработанная А.Л. Катковым, который обоснованно показал, что массовые состояния деморализации, тревоги, утраты жизненных ориентиров и адаптационных расстройств формируются и распространяются по механизмам, аналогичным эпидемиологическим процессам [7;

8]. Данная перспектива получила дальнейшее развитие в работах А.И. Юрьева, предложившего системное описание деструктивных политических эпидемий как искусственно инициируемых информационных вирусов, воздействующих на конкретные психические функции и вызывающих сбой в системе политического поведения человека [15; 16].

В рамках современных политико-психологических исследований всё более очевидной становится необходимость анализа этих процессов не только как феноменов массовой коммуникации, но и как технологий целенаправленного влияния, воздействующих на когнитивную сферу, эмоциональное состояние, волевую регуляцию и систему жизненных смыслов. Возникает особый класс угроз — когнитивные дестабилизирующие воздействия, которые формируют у значительных социальных групп состояния растерянности, демотивации, апатии, снижения доверия к социальным институтам и утраты способности к адаптивному целенаправленному поведению.

В условиях информационной перенасыщенности человек часто оказывается лишён возможности проверки достоверности поступающих сведений, что способствует распространению искусственно сконструированных смыслов, мифов и негативных нарративов. Повторяемость и тиражирование подобных «информационных вирусов» усиливают их правдоподобность, формируя феномен иллюзии истины. В результате информационные воздействия начинают выполнять функцию катализатора деморализации, снижая психологическую устойчивость населения и создавая благоприятную среду для формирования деструктивных политических эпидемий.

В этой связи особую актуальность приобретает поиск и обоснование мер противодействия подобным процессам, который должен учитывать их эпидемиологическую природу, а также необходимость формирования в обществе «информационного иммунитета» — систем психологической устойчивости, критичности мышления, навыков работы с цифровой средой и способности к конструктивной самоорганизации. Речь идёт не только о сдерживании деструктивных воздействий, но и о создании условий для развёртывания позитивной политико-психологической повестки, обеспечивающей повышение жизнеспособности, локуса контроля и субъективной эффективности граждан.

Теоретико-методологические основания исследования

Современная политическая психология рассматривает массовые когнитивные процессы, коллективные эмоциональные состояния и формы политического по-

ведения как динамические феномены, чувствительные к качеству информационной среды [17]. Конкуренция интерпретаций, интенсивность цифровых коммуникаций и множественность каналов влияния формируют условия, при которых воздействие на когнитивные структуры личности становится одним из ключевых факторов политической динамики. Данная перспектива требует опоры на междисциплинарный инструментарий, включающий элементы эпидемиологического анализа, системной психологии, когнитивных исследований и политического поведения.

Базовым теоретическим основанием исследования является концепция деструктивных социальных эпидемий, предложенная А.Л. Катковым, который рассматривал массовые адаптационные расстройства и процессы деморализации как эпидемиологически подобные явления. Согласно его подходу, социальная эпидемия возникает тогда, когда значимая часть населения (до 12-15 %) демонстрирует симптомы: утраты чувства эффективности и контроля над жизненной ситуацией, тревожности и внутренней растерянности, снижения критичности и способности к самоорганизации, трансформации жизненных сценариев в сторону пассивных или зависимых форм реагирования [7].

Социальная эпидемия формируется из сочетания трёх ключевых факторов: источника вируса — состояния деморализации; механизма передачи — информационно-коммуникационной среды; восприимчивых людей — групп со сниженным качеством психологической устойчивости. Такая модель задаёт концептуальную рамку, позволяющую рассматривать информационные процессы как динамику распространения определённых смысловых конструкций, способных вызывать массовые психические сдвиги.

А.И. Юрьев развил идеи Каткова, введя понятие деструктивной политической эпидемии (ДПЭ) как искусственно продуцируемого информационного вируса, направленного на изменение политического поведения населения. Политическая эпидемия в его трактовке — это сбой в системе политического поведения, возникающий вследствие поражения одной или нескольких психических функций человека (мышления, восприятия, речи, памяти, воли, чувств, аффекта и др.) [15].

Системная концепция психики, разработанная Юрьевым на основе модели В.А. Ганзена, предполагает рассмотрение человека как носителя 16 психолого-политических качеств, распределённых между четырьмя подструктурами: индивидом (психофизиологические свойства), личностью (характерологические особенности), субъектом (волевая регуляция, мыслительные операции), индивидуальностью (жизненный опыт, мировоззрение) [5].

Воздействие информационного вируса вызывает дисфункцию одной или нескольких подструктур, что приводит к цепной реакции: нарушению восприятия политической реальности, искажению смыслов, снижению рациональности поведения, росту тревожности, аффективным реакциям и вовлечению индивида в массовые деструктивные процессы.

Методологически важным моментом является положение Юрьева о том, что политические эпидемии зачастую обладают искусственным характером, поскольку «вирус реформ и революций» конструируется в специализированных центрах производства смыслов, что делает политическую эпидемию объектом целевого анализа и стратегического противодействия [15].

Современные исследования в области политической психологии подчеркивают значимость анализа когнитивных дестабилизирующих воздействий, распространяющихся преимущественно через цифровую среду и массовые коммуникации [3; 11, с. 5]. Переход к цифровой форме политического общения создаёт условия, при которых информационные конструкции начинают функционировать как самостоятельные агенты влияния, обладающие способностью: вызывать массовые эмоциональные реакции; снижать функциональную устойчивость психики; формировать состояния апатии, демотивации, утраты ориентиров; индуцировать поиск быстрого «ресурсного» решения через упрощённые или зависимые модели поведения [4, с. 132].

В рамках данного подхода когнитивная угроза рассматривается не только как дезинформация, но как инструмент воздействия на психологическую устойчивость общества, приводящий к формированию эпидемий деморализации. Такой подход позволяет объединить системную модель Юрьева, эпидемиологическую модель Каткова и современные представления о когнитивных войнах как о формах информационного воздействия, направленного на ослабление способностей общества к самоорганизации.

Использование эпидемиологической модели применительно к политико-психологическим процессам не является метафорой в художественном смысле. Напротив, оно задаёт строгую аналитическую структуру, включающую: описание носителя (информационный вирус), описание среды распространения (цифровые коммуникативные сети), описание уязвимых групп (люди со сниженным уровнем психологической устойчивости), описание динамики распространения (этапы заражения, пиковые значения, деморализация), меры профилактики (укрепление психологической устойчивости, образовательные программы, смысловое насыщение среды), меры противодействия (замещение нарративов, создание позитивных политико-психологических конструк-

ций), что позволяет рассматривать когнитивные угрозы как системное явление, требующее комплексного анализа и многоуровневых мер противодействия.

Деструктивные политические эпидемии как форма когнитивных угроз: механизм, структура, психические эффекты

В рамках политико-психологического анализа деструктивная политическая эпидемия представляет собой искусственно созданный, тиражируемый и многократно повторяемый информационный конструкт (вирус), влияющий на систему политического поведения человека и вызывающий массовые адаптационные расстройства.

Опираясь на концептуальные положения А.Л. Каткова и А.И. Юрьева, информационный вирус может быть определён как смысловая конструкция, содержащая простую, эмоционально насыщенную интерпретацию реальности; элементы угрозы, неопределённости или негативных ожиданий; потенциал для многократного тиражирования; способность снижать критичность мышления. В условиях информационного перенасыщения значительная часть населения не обладает ресурсами для проверки достоверности входящих потоков данных, что создаёт предпосылки для принятия информации «на веру», усиливая восприимчивость к повторяющимся смысловым конструкциям и формирует феномен иллюзии истины. Именно повторяемость и эмоциональная насыщенность становятся факторами «заражения», переводя информационное воздействие в категорию когнитивно-психологических.

Информационная среда выступает аналогом эпидемиологической среды – цифровые сети обеспечивают мгновенную, бесконтрольную и нелинейную передачу смысловых конструкций. Особенности современной коммуникационной среды являются высокая скорость передачи информации, множественность каналов распространения, отсутствие фильтрации, возможность анонимного тиражирования, вирусные механизмы репостов, цитирования и массового обсуждения. В результате информационный вирус может быстро достигать критической массы и формировать состояние когнитивной перегрузки, когда субъект утрачивает способность к рациональной обработке информации и переходит к эмоционально-интуитивным формам реагирования [6].

Ключевым фактором массовой восприимчивости к политическим эпидемиям является снижение качества психологической устойчивости, проявляющееся в следующих характеристиках: неполная сформированность личностной идентичности; отсутствие позитивного жизненного сценария; внешняя локализация контроля; ограниченность психологических ресурсов; дефицит на-

выков самостоятельного анализа информации; недостаточная информированность о рисках информационных воздействий. Именно такие группы становятся первыми носителями информационного вируса, формируя начальную волну деморализации, тревоги или фрустрации. В дальнейшем деструктивные состояния, распространяемые в форме эмоционального заражения, могут охватывать всё более широкие сегменты общества.

Можно выделить следующие стадии формирования деструктивной политической эпидемии (по аналогии с социальными эпидемиями, разработанными А.Л. Катковым):

- формирование дефицита психологической устойчивости, ослабление механизмов самоорганизации, снижение жизненного тонуса, рост неопределённости [12];
- манифестация адаптационных расстройств, появление признаков деморализации, тревоги, апатии, фрагментации картины мира;
- поисковое поведение, стремление к «коротким» решениям, повышенная восприимчивость к эмоционально насыщенной информации;
- патологическая адаптация, закрепление деструктивных смыслов, вовлечение в зависимые или упрощённые модели поведения, устойчивое негативное эмоциональное состояние.

Данные стадии соответствуют логике распространения эпидемии — от первичного заражения (потеря ориентиров) к системному вовлечению значимых социальных групп.

Юрьев подчёркивал, что информационный вирус воздействует не на личность «в целом», а на конкретные психические функции, что определяет характер разрушений: восприятие — искажение целостной картины политической реальности; мыслительные процессы — снижение способности к анализу и поиску альтернатив; речь — переход к упрощённым моделям коммуникации, агрессивным или стереотипным высказываниям; память — формирование «смысловых лакун» и замещение сложных интерпретаций упрощёнными; аффективная сфера — всплески тревоги, раздражительности, фрагментарность эмоционального реагирования; волевая регуляция — снижение способности к самоконтролю и целеполаганию [15; 16].

Масштабное распространение информационного вируса порождает ряд коллективных последствий, такие как: рост общего уровня тревожности и недоверия; снижение социального оптимизма и жизненных сил; усиление депрессивных состояний; фрагментацию социальных связей; появление массовых аффективных реакций; рост протестного настроения или, напротив, апатии и пассивности; снижение эффективности общественных институтов [9].

Почему запрета деструктивной информации недостаточно: эпидемиологическая логика политических эпидемий

В условиях нарастающей информационной турбулентности многие государства и социальные институты прибегают к ограничительным мерам, предполагающим контроль или фильтрацию потоков информации. Однако политико-психологический анализ позволяет утверждать, что запрет сам по себе не способен остановить распространение деструктивных политических эпидемий, поскольку он обращён только к внешнему уровню феномена, не затрагивая его внутренних механизмов.

Деструктивная политическая эпидемия — это не набор отдельных сообщений, а системный процесс, включающий информацию как лишь одну из составляющих. В эпидемиологической логике ограничение одного из элементов системы (источника передачи) не устраняет её функционирование, так как на процесс влияют и другие ключевые компоненты: механизм передачи и восприимчивость населения.

Политический вирус содержит смысловой заряд — упрощённый, эмоционально насыщенный, вызывающий тревогу или неопределённость. Запрет отдельного сообщения не уничтожает саму эмоциональную матрицу, ожидание угрозы или состояние внутренней деморализации. Иногда удаление информации даже усиливает её воздействие, переводя её в формат «запретного знания» и повышая её психологическую значимость.

Цифровая среда обладает высокой степенью избыточности: даже при ограничении отдельных источников смысловые конструкции продолжают распространяться через социальные сети, межличностные коммуникации, визуальные образы, слухи, мемы и фрагменты дискурса. Юрьев указывал, что политические вирусы обладают способностью «самовоспроизводиться» в коллективном сознании, переходя из явного информационного поля в латентное. Реципиенты начинают самостоятельно поддерживать вирусную конструкцию через интерпретации, домыслы, эмоциональные реакции. В итоге политическая эпидемия может существовать даже при полном отсутствии первоисточника [5; 15; 16].

Катков подчёркивал, что формирование социальной эпидемии возможно только при наличии большого числа людей со сниженным уровнем психологической устойчивости, переживающих неопределённость и тревогу, лишённых позитивных жизненных сценариев, испытывающих дефицит когнитивных ресурсов. Запрет информации не устраняет эту восприимчивость. Если внутренний запрос на интерпретацию реальности остаётся неудовлетворённым, в сознании индивидов появляются смысловые лакуны, которые стремитель-

но заполняются любой имеющейся интерпретацией — даже фрагментарной, эмоционально окрашенной или ошибочной. Именно поэтому запрет вызывает эффект смысловой пустоты, который мгновенно заполняется альтернативными интерпретациями, зачастую более разрушительными, чем исходная информация [7; 8].

Политическая эпидемия развивается наиболее активно не в условиях избытка информации, а в условиях смыслового дефицита. Когда нет ясных ответов на важные вопросы, отсутствует позитивная перспектива, информационные сигналы противоречивы или неубедительны, граждане не могут объяснить происходящее своими словами, то любые эмоционально насыщенные сообщения получают повышенную силу. В эпидемиологической модели борьба с вирусом включает не только изоляцию источника, но и гораздо более важные элементы: повышение иммунитета (психологической устойчивости), информирование населения, профилактику заражения, замещение негативных смыслов позитивными, восстановление способности к рациональной интерпретации, предоставление конструктивного образа будущего.

Политико-психологические меры противодействия деструктивным когнитивным воздействиям

Политико-психологический анализ деструктивных политических эпидемий показывает, что эффективные меры противодействия должны быть направлены не только на снижение воздействия негативных информационных потоков, но прежде всего на укрепление внутренней устойчивости личности и общества. В отличие от традиционных методов информационного регулирования, ориентированных преимущественно на ограничение каналов распространения, политико-психологический подход акцентирует внимание на формировании информационного иммунитета, восстановлении разрушенных когнитивных функций и создании позитивных смысловых конструкций, которые способны замещать деструктивные нарративы [10]. В этой связи меры противодействия могут быть структурированы в три взаимодополняющие группы: прививка, профилактика и позитивная политическая экспансия, каждая из которых имеет собственную политико-психологическую логику.

Прививка в эпидемиологической логике предполагает заранее сформированную способность организма противостоять инфекции. Аналогичным образом в политико-психологическом контексте «прививка» означает обучение населения критической работе с информацией, развитие базовых когнитивных навыков и повышение чувствительности к манипулятивным сообщениям.

Ключевыми элементами информационного иммуни-

тета являются: способность различать факты и интерпретации; умение распознавать эмоционально заряженные сообщения; навык анализа источников информации; критичность к повторяемым утверждениям; базовые знания о механизмах когнитивных искажений; способность выдерживать неопределённость без перехода к аффективным реакциям.

Особое значение имеет внедрение программ информационной, психологической и цифровой грамотности в систему общего и дополнительного образования. Формирование основ критического мышления, навыков анализа данных и понимания логики цифровых процессов должно начинаться со школьного возраста, когда происходит формирование ключевых элементов когнитивной структуры.

При этом обучение должно быть адаптивным и привлекательным: современные образовательные форматы (короткие видео, комиксы, интерактивные материалы, симуляции) позволяют сделать «прививку» не только полезной, но понятной и доступной для всех возрастных групп.

Профилактика предполагает работу с глубинными характеристиками личности и включает в себя: завершенность личностной и социальной идентичности; наличие позитивного жизненного сценария; устойчивую самооценку; внутренний локус контроля; способность к самостоятельному принятию решений; осознанное отношение к жизненным ценностям; наличие ресурсов для реализации жизненных целей. Политико-психологическая профилактика направлена на укрепление этих характеристик, поскольку именно они обеспечивают способность личности выдерживать информационное давление, сопротивляемость эмоционально насыщенным негативным сообщениям, устойчивость к массовым эмоциональным колебаниям, сохранение рациональности в условиях неопределённости.

Опыт показывает, что любые смысловые пустоты неизбежно заполняются. Если деструктивные нарративы не заменить позитивными, они сохраняют доминирующее положение в коллективном сознании. Именно поэтому необходимо формирование политической эпидемии со знаком «плюс», которая будет выполнять функции смыслового ориентира, инструмента укрепления доверия, механизма повышения жизненной энергии общества, источника позитивных эмоциональных состояний; фактора восстановления политического поведения.

Позитивная политическая эпидемия, в рамках политико-психологического подхода, включает:

- формирование конструктивной повестки – необходимо предложить населению ясные, реалистичные и эмоционально поддерживающие смыслы,

касающиеся образа будущего, целей развития, ценностей совместного действия, позитивных сценариев общественного взаимодействия. Главная задача противодействия политическим эпидемиям — восстановление утраченных смыслов и целей;

- заполнение информационной среды позитивными нарративами – не нейтрализация вируса, а создание альтернативы, которая обладает большей психологической силой, чем деструктивные сообщения;
- использование механизмов сетевой передачи – позитивные смыслы должны распространяться через лидеров общественного мнения, экспертные сообщества, образовательные сети, социальные платформы, сетевые инициативы и микросообщества;
- подготовка носителей позитивных смыслов, работа с профессиональным сообществом, экспертами и социальными лидерами. Их роль — быть «носителями» позитивного информационного иммунитета.

Политико-психологическое противодействие деструктивным информационным воздействиям невозможно свести к одному направлению. Эффективность достигается только при сочетании всех трех вышеописанных элементов – прививки (формирование устойчивых когнитивных навыков); профилактики (укрепление психологической зрелости); позитивной эпидемии (создание конструктивной смысловой среды). Только такой многослойный подход позволяет предотвратить переход отдельных информационных воздействий в массовые политико-психологические эпидемии, а также формирует долгосрочную устойчивость общества к когнитивным угрозам.

Заключение: политико-психологическая стратегия развития информационной устойчивости общества

Рассмотрение деструктивных политических эпидемий как особой формы когнитивных угроз позволяет по-новому осмыслить природу современного информационного воздействия и определить ключевые направления политико-психологической защиты населения. Анализ теоретических положений А.Л. Каткова, системной концепции политических эпидемий А.И. Юрьева и

современных психолого-практических разработок показывает, что информационные дестабилизирующие процессы имеют эпидемиологическую структуру и требуют комплексных мер профилактики, основанных на укреплении психологической устойчивости личности и формировании конструктивной смысловой среды.

Деструктивные политические эпидемии возникают не столько из-за наличия негативной информации, сколько из-за сочетания трёх факторов: высокой восприимчивости населения, смыслового дефицита и вирусоподобного характера информационного воздействия. Запрет информационных источников, таким образом, затрагивает лишь внешнюю сторону проблемы и не устраняет её глубинные механизмы. Более того, ограничительные меры могут усиливать состояние смысловой неопределённости, способствуя распространению эмоционально окрашенных интерпретаций и углублению адаптационных расстройств.

В этих условиях эффективная политико-психологическая стратегия должна основываться на сочетании трёх взаимодополняющих направлений: прививки (формирование базового информационного иммунитета у широких социальных групп), профилактики (фундамент психологической устойчивости, предотвращающий массовые состояния деморализации и тревожности) и позитивной политической эпидемии (формирование привлекательной повестки и развёртывании интеллектуальной экспансии со знаком «плюс»).

Особое значение приобретает подготовка профессиональных сообществ — психологов, педагогов, специалистов в области коммуникации, медиапрактиков, лидеров общественного мнения — как носителей и трансляторов позитивных смысловых конструкций. Их участие обеспечивает полноту и глубину воздействия, соответствующую сетевой структуре современной коммуникационной среды.

Политико-психологический подход, основанный на учёте эпидемиологической природы информационных вирусов, позволяет формировать системные меры противодействия и создавать условия для устойчивого развития общества в условиях растущей сложности информационных взаимодействий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алаудинов, А.А. Когнитивная и ментальная составляющие современной гибридной войны / А.А. Алаудинов, А.В. Манойло // Вопросы политологии. – 2024. – Т. 14, № 2(102). – С. 583-591. – DOI 10.35775/PSI.2024.102.2.021. – EDN FZULOI.
2. Алексеев, А.П. Цифровизация и когнитивные войны / А.П. Алексеев, И.Ю. Алексеева // Философия и общество. – 2021. – № 4(101). – С. 39-51. – DOI 10.30884/jfo/2021.04.02. – EDN HAVIIL.
3. Бурикова, И.С. Психология влияния социально-политических технологий на общественное мнение: специальность 19.00.12 «Политическая психология»: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Бурикова Инга Сергеевна. – Санкт-Петербург, 2004. – 199 с. – EDN NNBMVY.

4. Востриков, И.В. Социальные сети как эффективный способ управления общественным мнением / И.В. Востриков // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2022. — № 2(71). — С. 132-138. — DOI 10.54398/1818510X_2022_2_132. — EDN DZGECW.
5. Ганзен В.А., Юрьев А.И. Системное описание психических состояний, возникающих в процессе восприятия информации // Вестник Ленинградского университета. — 1987. — Сер.6., Вып.6.
6. Канеман Д. Думай медленно... Решай быстро.; перевод с английского А. Андреева и др. — Москва: АСТ, 2018. — 653 с.: ил.; 22 см. — ISBN 978-5-17-080053-7.
7. Катков А.Л. Деструктивные социальные эпидемии / А.Л. Катков. — Санкт-Петербург: [б. и.], 2013. — 482 с. ил.; 22. — ISBN 978-5-4386-0234-7.
8. Катков, А.Л. Социальные эпидемии: новые концептуальные и организационные подходы в сфере эффективного противодействия / А.Л. Катков // Наркология. — 2012. — Т. 11, № 9(129). — С. 24-43. — EDN PJJUGF.
9. Липпман У. Общественное мнение.; Пер. с англ. Т.В. Барчуновой; Фонд «Обществ. мнение». - Москва: Ин-т Фонда «Обществ. мнение», 2004 (ППП Тип. Наука). - 382 с.; 22 см.; ISBN 5-93947-016-5
10. Мирошник, И.М. Инновационная психологическая служба санаторно-курортных учреждений Крыма в условиях ментальной, когнитивной войны (часть первая) / И.М. Мирошник // Вестник физиотерапии и курортологии. — 2023. — Т. 29, № 4. — С. 33-44. — EDN LMDSRV.
11. Михеев, Е.А. Дезинформация в социальных сетях: состояние и перспективы психологических исследований / Е.А. Михеев, Т.А. Нестик // Социальная психология и общество. — 2018. — Т. 9, № 2. — С. 5-20. — DOI 10.17759/sps.2018090201. — EDN XTXYNN.
12. Теория когнитивного диссонанса / Леон Фестингер; [пер. с англ. А.А. Анистратенко, И. Знаешевой]. - Москва: Э, 2018. - 251 с.: табл.; 24 см. - (Классика психологии); ISBN 978-5-699-95705-7.
13. Шангараев, Р.Н. Дезориентирование в контексте когнитивных войн / Р.Н. Шангараев // Вестник ученых-международников. — 2023. — № 2(24). — С. 79-88. — EDN BGFDFS.
14. Шангараев, Р.Н. Когнитивное превосходство в контексте современных угроз / Р.Н. Шангараев // Социально-политические науки. — 2025. — Т. 15, № 2. — С. 84-88. — DOI 10.33693/2223-0092-2025-15-2-84-88. — EDN NJLPWS.
15. Юрьев А.И. Деструктивные политические эпидемии: опыт системного исследования: тезисы доклада (Lund University, Sweden, 17–19 June 2013)., 2013. — 18 с.
16. Юрьев, А.И. Введение в политическую психологию / А.И. Юрьев. — Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1992. — 228 с. — ISBN 5-288-01060-9. — EDN YWVNP.
17. Jacques Ellul. Propaganda: The Formation of Men's Attitudes (англ.) / Trans. Konrad Kellen & Jean Lerner — Vintage Books — New York, 1973 — ISBN 978-0-394-71874-3.

© Бурикова Инга Сергеевна (burikova@cspdom.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРУКТУРА ПРОЦЕССА ОСОЗНАНИЯ НА МЕТАКОГНИТИВНОМ УРОВНЕ, КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ КОНСУЛЬТАЦИОННАЯ «МАТРИЦА» ДЛЯ ПСИХОТЕРАПИИ

Гафарова Ольга Ниловна

Психолог–психотерапевт;

Генеральный директор, ООО «Ресурсный центр

«Интеграция» (г. Тамбов)

psitrener@yandex.ru

THE STRUCTURE OF THE AWARENESS PROCESS AT THE METACOGNITIVE LEVEL, AS A UNIVERSAL COUNSELING "MATRIX" FOR PSYCHOTHERAPY

O. Gafarova

Summary: The article is devoted to the study of the structure of the process of awareness at the metacognitive level, as a universal counseling "matrix" for psychotherapy. The author substantiates the relevance and significance of the research topic and examines the mechanism of the awareness process at the metacognitive level, through which the Internal Picture of the subject's World is formed and transformed. The theoretical scheme of the metagenesis of awareness formed the basis of the psychotherapeutic method "Technology of awareness of reality (TOP approach)", on the consulting matrix of which the concepts and strategies of generally recognized psychotherapeutic models were systematized and the potential of the TOP approach as a general universal model of psychotherapy was shown. As a result of the research, the author comes to the conclusion that the universal concepts of the TOP approach, as well as the universality of the information parameters themselves in the subject's mind, allow us to conclude that his consulting matrix is universally applied in sync with the algorithms of other methods. The author notes that the universal structure of the TOP approach is thus a new "Field of Opportunity" for overcoming internal conflicts in psychotherapy and environmentally accelerating integration centripetal processes for the transition of psychotherapy to a qualitatively new level of development. So, on the basis of a promising hypothesis, the author notes that it is possible to formulate the position that on the basis of the consulting matrix of the TOP approach (identical to the "matrix" of the metagenesis of awareness), as a general "canvas" of the psychotherapeutic process, it is possible to develop a common universal algorithm for conducting the psychotherapeutic process without conflicting restrictions of the strategies of psychotechnologies of various schools, which will contribute to overcoming internal conflicts of psychotherapy, especially in overcoming the conflict of the multidirectional directions of short-term and long-term psychotherapy and will help specialists in self-determination which methods to choose in their professional arsenal from their mosaic set.

Keywords: psychotherapy, the process of awareness, integrative approach, technology of awareness of reality, universal model of psychotherapy.

Аннотация: Статья посвящена исследованию структуры процесса осознания на метакогнитивном уровне, как универсальной консультационной «матрицы» для психотерапии. Автор обосновывается актуальность и значимость темы исследования и рассматривается механизм процесса осознания на метакогнитивном уровне, благодаря которому складывается и трансформируется Внутренняя Картина Мира субъекта. Теоретическая схема метатенеза осознания легла в основу психотерапевтического метода «Технология осознания реальности (ТОР–подход)», на консультационной матрице которого проведена систематизация концептов и стратегий общепризнанных психотерапевтических моделей и показан потенциал ТОР–подхода, как общей универсальной модели психотерапии. В результате исследования, автор приходит к выводу, что универсальные концепты ТОР–подхода, как и универсальность самих параметров информации в сознании субъекта позволяет сделать вывод об универсальном применении его консультационной матрицы в синхронии с алгоритмами других методов. Автор отмечает, что универсальная структура ТОР–подхода таким образом – это новое «Поле возможности» для преодоления внутренних конфликтов психотерапии и экологичного ускорения интеграционных центристических процессов для перехода психотерапии на качественно новый уровень развития. Так, на правах перспективной гипотезы, автор отмечает, что можно сформулировать положение о том, что на основании консультационной матрицы ТОР–подхода (идентичной «матрицы» метатенеза осознания), как общей «канвы» психотерапевтического процесса, можно выработать общий универсальный алгоритм ведения психотерапевтического процесса без конфликтного ограничения стратегий психотехнологий различных школ, что поспособствует преодолению внутренних конфликтов психотерапии, особенно в преодолении конфликта разнонаправленности направлений краткосрочной и долгосрочной психотерапии и поможет специалистам в самоопределении какие методы выбирать в свой профессиональный арсенал из их мозаичного множества.

Ключевые слова: психотерапия, процесс осознания, интегративный подход, технология осознания реальности, универсальная модель психотерапии.

Введение

Современная тенденция развития психотерапии в России и в мире в целом, отход от жесткого сопряжения с медицинской сферой деятельности (в част-

ности – психиатрии), подводит к необходимости разработки состоятельных интегративных, или универсальных моделей психотерапии [17]. А. Лузарус дал яркое определение развития психотерапии в горизонтальном векторе мозаичного преумножения множеств – это «дикая психо-

терапия», чреватая, непредсказуемыми эффектами».

Актуальность темы в настоящее время особенно обострилась на фоне обсуждения и принятия ФЗ «О психологической помощи в России», в противостоянии двух тенденций: отстаивание принадлежности психотерапевтической практики к области медицины или и вне её.

Создание метасистемы, детерминированной эмпирическими данными универсальных концептов психики и психотерапевтического процесса в целом, является на сегодня целью, которую можно отнести к категории «вызов времени» для психотерапии, стремящейся статусу авангардной науки.

По результатам историко-библиографического анализа, проведённого, автором настоящей статьи данные конфликты были структурированы по 6 типам, образно говоря, как 6 «камней преткновения» психотерапии [8]. Самим своим существованием они провоцируют отношения психотерапии на сближение, усиливая интеграционный процесс по трём степеням проблем в общей коммуникативной модели К. Шеннона – Уивера:

1. по Технической проблеме – это «камни преткновения»:
 - мозаичное разнообразие психотерапевтических методов,
 - парадигма понимания модели человека (3 модели человека);
2. по «семантической проблеме» (значение сообщения неправильно понятой получателем) – это теоретические положения модальностей, т.к. это детерминировано парадигмой понимания модели человека, т.е. «камни преткновения»:
 - не единое понимание самой структуры психики человека,
 - конфликт направлений краткосрочной и долгосрочной психотерапии;
3. по «проблеме эффективности» (как эффективно сообщение вызывает реакцию у адресата) – это концептуальные разногласия, где сталкиваются видение границ применения того или иного метода психотерапии в пространстве психики это «камни преткновения» [18]:
 - акцентирование на объекте своего изучения,
 - феномен профессиональной идентичности.

Таким образом, «камни преткновения» психотерапии подвели её развитие к «избыточному коду» передачи информации внутри её как области знаний и «пределу Шеннона», как практической деятельности [7].

Материалы и методы исследований

В исследовании использовались теоретические и практические материалы, связанные с концепцией

контура психотерапевтического процесса и метагенеза осознания, а также существующие концепции матрицы консультирования и подхода TOP. Проект направлен на обновление критериев отбора методов и корректировку руководящих документов в области психотерапии, чтобы ускорить достижение терапевтических целей и повысить эффективность внедрения протоколов; она включает повторную проверку на новой выборке пользователей и специалистов, тщательное управление данными в соответствии с этическими нормами (информированное согласие, анонимизация, конфиденциальность), минимизацию рисков на каждом этапе, а также анализ данных с использованием описательной статистики и методов корреляции и регрессии для количественных показателей и тематического анализа для качественных данных, принимая во внимание ограниченность пилотной выборки и вариативность внедрения прототипа в разных клиниках, это требует дальнейшей апробации для более широкого круга пациентов и специалистов [1].

Результаты и обсуждения

По принципу обратного хода, если решение о трансформации опыта, отражённого в ВКМ, принимается субъектом, то метакогнитивный процесс осознания осуществляется уже от общего (осознанной закономерности) к конкретной жизненной ситуации, чтобы изменить первоначальное состояние в нём и повлиять на изменение симптоматики.

Таким образом, осознание на метакогнитивном уровне – это процесс качественного освоения субъектом информации о внешней и внутренней реальности через личный опыт, запечатлённый в образно-смысловой Внутренней Картине Мира. По теории личности Б.Г. Ананьева структура ВКМ – это система психических явлений в подструктуре индивидуальности [3]. Основываясь на данном положении, нами была обоснована теоретическая схематизация метагенеза осознания по этапам осознания, которые проходят по соответствующим уровням информации в сознании и проявляют информацию ВКМ определённого психического явления, что и помогло определить виды информационных уровней [4]. Проведение по данной теоретической схеме психотехнологического и психотерапевтического эксперимента в ведении психотерапевтических курсов личностных расстройств невротического и аффективного регистра с тревожно-депрессивной симптоматикой мы определили базовые направляющие внимание человека вопросы этапов осознания на метакогнитивном уровне, т.е. осознание субъектом того, что он осознал, когда-то и внёс в свою ВКМ. Данные вопросы, или вариации их, не только наглядно показывают логику алгоритма осознания на метакогнитивном уровне, но и помогают человеку осознать, что и как было размещено в его ВКМ, почему до сих

пор удерживается и стоит ли этот элемент изменить или заменить [5]. Ответы на них показывают, как субъект создаёт, сохраняет свою ВКМ. (Таб.1.)

В процессе ведения стало ясно, что на стыке универсальных параметров сознания – «этап осознания» и «уровень осознания» возникает т.н. «мишень осознания», т.е. фокус внимания на наблюдаемые или озвученные образования, познание и рефлексия которых осуществляются на конкретном этапе осознания. Обратим внимание на объекты осознания на уровне метакогнитивном уровне, на которые перемещается фокус внимания и которые попадают в ту или иную «рамку» осознаваемой информации в ВКМ в зависимости от соответствующего этапа осознания. Каждый тип шаблона личности, как мы увидели при работе по алгоритму метагенеза осознания, определяются на том уровне информации в сознания, в котором и запечатлевается соответствующий тип реагирования, представлений и «картинок» опыта, включённых в ВКМ субъекта [10].

Рассмотрение сценарной психодинамики ВКМ поэтапно от «рамки» к «рамке» разворачивает весь сценарный сюжет во времени от прошлого до видения ожидаемого будущего. Так мы увидели, что на метакогнитивном

уровне время, как параметр сознания, приобретает характеристики относительно результата, который проявляется в той или иной «рамке осознания». Если на уровне макрогенеза осознания время условно мы привыкли делить на 3 категории (прошлое, настоящее и будущее), то на уровне метагенеза осознания данные 3 категории задают лишь вектор внимания, но дифференцируются по 6 категориям, характеризующим состояние рассматриваемого результата. Их названия (в Таблице 2) мы дали исходя из анализа информации клиентов о состоянии дел в их опыте, запечатлённом в собственной ВКМ в контексте рассмотрения ретроспективы их проблем. Причём, ведя воспоминания клиентов по 6 этапам осознания на линии времени (проецировали её на полу и каждым этап обозначали платком), проявились ещё и пределы видения, т.н. «горизонты» [11]. (Таб. 2.)

Проводя повторно вышеобозначенный эмпирический лабораторный эксперимент, мы для ускорения осознания предлагали клиентам общепринятые в психотерапии т.н. «позиции восприятия», т. к. они помогали от этапа к этапу увеличивать не только объём информации, как параметр сознания, но и раскрыть её содержательный аспект [12]. Но на 5–м и 6–м этапе осознания возникла необходимость посмотреть клиентам на «спектакль

Таблица 1.

Базовые направляющие вопросы на осознание объектов ВКМ.

Слои реальности	Проявленная реальность		Полу проявленная реальность		Не проявленная реальность	
Этапы осознания	1.Symptom (Симптом)	2.Strategy Стратегия	3. Status Состояние	4.Need Необходимость	5. Roots Истоки	6. Resolution/ Resource (Разрешение/Ресурс)
Объекты осознания в ВКМ	стереотипы восприятия и внешнего симптома	стереотипы действий в определённом процесс	доминантные состояния и выводов его активировавших	эмоционально чувственные проявления степени удовлетворённости в системе потребностей и ценностей	ролевые модели и их стереотипы адаптивносоциальных компетенций причины степени	запреты и допущения связанных с ними перспективы жизненные смыслы
Базовые направляющие вопросы	Кто? Что? Где?	Что делает и когда?	Что решает? Потому, что..?	Ради чего? С кем это важно?	Почему?	Почему?

Таблица 2.

Синхронизация этапов осознания и категорий времени по горизонтам видения в «рамках осознания».

Этапы осознания	1.Symptom (Симптом)	2.Strategy Стратегия	3. Status Состояние	4.Need Необходимость	5. Roots Истоки	6. Resolution/ Resource (Разрешение/Ресурс)
Рамки осознания	Проблемы	Цели	Ответственность	Мотивы	Причины и условия	Выбор и его ресурсы
Категории Времени	«Результирующее настоящее», как результат прошлого	«Динамическое настоящее» в векторе прошлого или будущего	«Переходное»: время перемен в прошлом или будущем	«Вариативное время» - время складывания вариантов	«Время субъективных результатов» в прошлом или будущем	«Время объективных результатов» в прошлом или будущем
Горизонты видения как «ступени» РЕФЛЕКСИИ	Видение в пределах ТАКТИКИ отношений и достижения результатов		Видение в пределах СТРАТЕГИИ отношений и достижения результатов		Видение ИДЕИ (направленность субъекта)	Видение КОНЦЕПЦИИ, как ФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ: зачем и ради чего большего?

ВКМ» с точки зрения той или иной социально-обусловленной структуры (например, «рынок труда»). – Данную позицию восприятия, вынуждающую выйти на более широкий и социально-обусловленный объём информации мы определили как видение с позиции «Надсистема». А на стыке 6 этапа осознания и 6-го уровня информации, где возникла необходимость охватить целиком весь внутренний «сценарий ВКМ» и его эффекты, мы обозначили 6-ю позицию восприятия – «Всеобщность».

Таким образом, параметр сознания – объём информации – мы структурировали по 6 типам или позициям восприятия: 1) «Я», 2) «Другой», 3) «Наблюдатель», 4) «Система отношений», 5) «Надсистема», 6) «Всеобщность». Поднимаясь поданным позициям восприятия, происходит не только расширение объёма информации, но видение целостности ВКМ в конкретном контексте и осознание сценарности.

Итак, метакогнитивный процесс осознания протекает качественным характеристикам параметров сознания, где каждая из характеристик помогает осознать содержание ВКМ. Это:

1. вертикаль 6 уровней информации в сознании,
2. горизонталь 6 этапов осознания,
3. глубина осознания по 6 категориям времени (в ретроспективе и перспективе событий)
4. объёмы восприятия (6 позиций восприятия) информации в сознании человека,
5. «Поля информации» (кластеры информации), которые образуются на «перекрёстке» первых четырёх параметров.
6. «слои реальности»: плотность информации.

Методом моделирования структуру метагенеза можно представить следующим образом (Рисунок 1).

В результате модель структуры метагенеза осознания на метакогнитивном уровне по всем показанным параметрам сознания можно представить в виде матрицы. На основе данной теоретической схеме с 2013г., был разработан и апробирован психотерапевтический метод «Технология осознания реальности (ТОР-подход)» [6].

По результатам исследования эффективности применения структурной схемы метагенеза осознания в психотерапевтическом процессе, как собственно метод (исследование в работе с невротическим регистром расстройств), показало рост качественных показателей от контрольной группы (работа разными методами в интегративном подходе) к экспериментальной (работа чисто по «матрице» метагенеза осознания) произошёл с 22,4 % до 45,5%, т.е. 23,1%. Количественный показатель эффективности показал сокращение количества психосессий в сравнении с контрольной группой средне статистически с 28 до 15 психосессий, или на 46,4% [8].

Исследование эффективности применения структурной схемы метагенеза осознания в психотерапевтическом процессе, как интегрирующей «матрицы» для применения других методов психотерапии (исследование в работе с депрессивным синдромом аффективного регистра расстройств), в нашем Центре, в котором работают психологи, имеющие разные профилирующие модальности психотерапии: Гештальт-подход, НЛП, Транзактный анализ, Эмоционально-образная терапия (ЭОТ), Когнитивно-поведенческая психотерапия (КПТ). И спе-

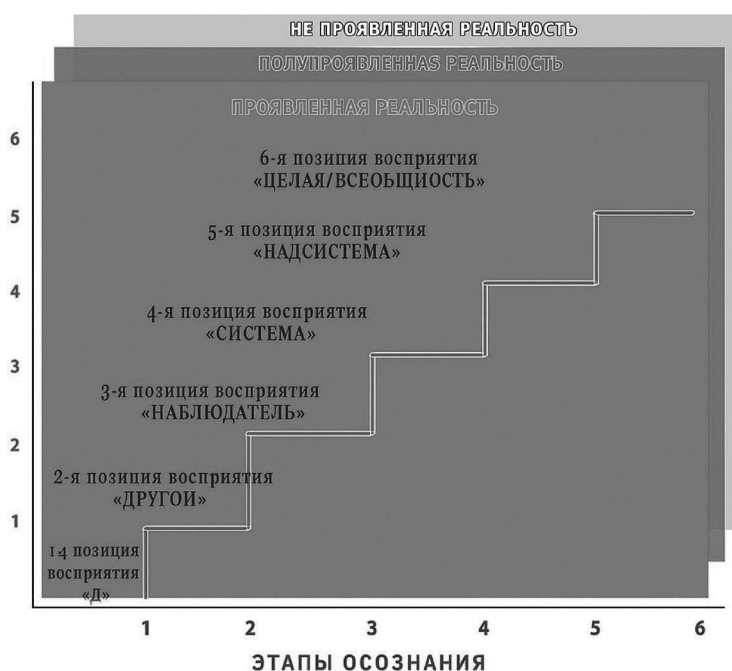

Рис. 1. Модель структуры динамики процесса осознания на метакогнитивном уровне

циалистам была поставлена задача работать с клиентами, применяя психотехнологии тех методов, которыми они владели. Количественный показатель эффективности применения ТОР-подхода, с его универсальной «матрицей» метагенеза осознания составил 40%. Качественный показатель снижения негативной динамики депрессивного синдрома произошёл с – 33,3% в контрольной группе до –46,4% в экспериментальной группе, т.е. на дополнительные 13,4% [8].

Таким образом, в целом по итогу двух исследований коэффициент эффективности психотерапевтических результатов повысился в 2,4 раза за счёт повышенного уровня осознания (среднему качественному параметру – 43,2 %) и сокращения срока психотерапевтического курса на 18,3%.

В итоге мы пришли к очень удобной и бесконфликтной системе совместного ведения клиентов, где мы могли:

- оставаться в рамках своего метода, и чётко видеть к какой психотехники другой модальности стоит перейти в зависимости от того, что становится понятным по типу информации, которую озвучивал клиент в конкретном этапе осознания;
- вести записи в карточках приёма, особенно в разделе психодиагностики понятные друг другу записи;
- подменять друг друга в работе с клиентом, если в этом была необходимость;
- понимать, когда лучше передать клиента специалисту, который владел той психотерапевтической модальностью, которая была на определённом этапе консультирования конкретному клиенту более эффективна.

Для проверки характеристики «универсальность психотехнологии» с 1-й экспертной группой практикующих психологов разных модальностей, проводился эксперимент (X/2018 – X/2025) в форме дискурса с каждым специалистом, которому давалось объяснение какой параметр информации из метагенеза осознания по консультационной матрице ТОР-подхода проявляется в определённом моменте представленной работы с клиентом. Всего в таком эксперименте участвовало 20 специалистов разных психотерапевтических модальностей [13]. По результату эксперимента-1 стало видно, что понимание механизма осознания на метакогнитивном уровне помогает специалисту увидеть расширение возможностей ведения психотерапии в алгоритме своего профилирующего метода, т.е. в какое «поле информации» ещё можно направить стратегию профилирующего метода в ВКМ клиента в определённом моменте психосессии. Во 2-й экспертной группе (IX/2021 – VI/2025) авторов методов или авторитетных представителей общепризнанных модальностей психотерапии (30 участников) «Транс-модальной психотерапевтической группы» Общероссийской Профессиональной Психотерапевти-

ческой Лиги (ОППЛ), на основании докладов участников и дискуссии о стратегии работы той или иной психотехнологии с различными психологическими проблемами, велось моделирование психотерапевтической работы по матрице метагенеза осознания и определение проявления психических и психотехнологических концептов [14]. В результате сводного метаанализа проявилось, что психотерапевтические отношения выстраиваются с клиентом в иерархическую пирамиду, причём взаимодействие их друг с другом происходит по принципу синхронии многоуровневых процессов и встречи универсальных концептов психического на каждом уровне (Таблица 3).

Психотехнологическое моделирование через матрицу метагенеза осознания позволила увидеть синхронию с различными психотерапевтическими моделями, что доказало не противоречивость её применения и показало, что ТОР-подход имеет потенциал применения как универсальная модель психотерапии. Прежде всего он соответствует всем психотехнологическим параметрам Общей модели психотерапии Орлински и Ховард (далее – «ОМП») [11]

Применив подход мета-анализа, данная систематизация универсальных концептов психического и психотехнологического в ОМП и ТОР-подходе, показывает, что первая является как бы внешней рамкой для второй. Так как параметры сознания, по которым протекает процесс осознания на мета уровне являются обще универсальными, то логично следует, что консультационная матрица ТОР-подхода, детерминированная механизмом метагенеза осознания, обладает потенциалом Общей Универсальной Модели Психотерапии (ОУМП). Тогда в третьем внутреннем слое логично занимают место Специфические Универсальные Модели Психотерапии (СУМП) по её направлениям. Так выстраивается мета-система моделей психотерапии по принципу «матрёшки» (Рис. 2):

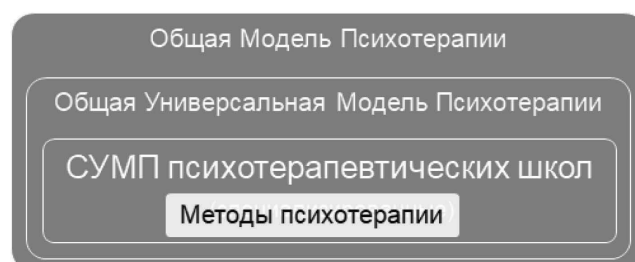

Рис. 2. Мета-система «Матрёшка моделей психотерапии»

Для проверки верности данной мета-системы и потенциала ТОР-подхода как ОУМП встала необходимость рассмотреть ряд СУМП через Теоретическую схему метагенеза осознания, т.е. консультационную матрицу ТОР-подхода методами психотехнологического моделирования и сравнительного мета-анализа стратегий различных

Таблица 3.

Моделирование уровней психотерапевтического процесса по структуре ТОР-подхода (матрице метагенеза осознания).

Фокус внимания как «мишень осознания» в «рамках осознания»	Периоды опыта метагенеза осознания и «МИШЕНИ ОСОЗНАНИЯ»					
	1. Опыт выявления и соотнесения в «рамке проблем»	2. Опыт рефлексии в «рамке цели»	3. Опыт познания в «рамке ответственности»	4. Опыт систематизации в «рамке мотивов»	5. Опыт идентификации в «рамке причин»	6. Опыт интеграции в «рамке выбора и их ресурсов»
6. Согласованный/ УИ Консолидированный Объективное Будущее/ Прошлое	КОНЦЕПЦИЯ метода и МИРОВОЗЗРЕНИЕ клиента «Сценарий психотерапии» и «Сценарий кейса»					
5. Аутентичный УИ Субъективное Будущее/ Прошлое	Вектор психотерапии (парадигма) сам МЕХАНИЗМ МЕТОДА и его уникальные компоненты РОЛЕВЫЕ МОДЕЛИ психотерапевтического кейса					
4. Чувственно-сенсорный Вариативное Будущее/ Прошлое	Системо-образующие связи ПОТРЕБНОСТИ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ					
3. Идеологический Переходное время	Мишени психотерапии: универсальные, актуальные, специфические ФОКУС РАБОТЫ					
2. Процессуальный УИ Динамическое Настоящее (текущее без результата)	Процессы ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (поведенческие стратегии, позиции и транзакция) и их направленность					
1. Симптомный УИ Настоящее, как результат прошлого	Объекты (участники кейса) и субъекты (симптоматика) проблем ПРОБЛЕМАТИКА и ЗАПРОС					
Этапы осознания	1. Симптом	2. Стратегия	3. Состояние	4. Необходимость	5. Истоки	6. Разрешения
Ступени рефлексии	ТАКТИКА		СТРАТЕГИЯ		ИДЕОЛОГИЯ	КОНЦЕПЦИЯ

психотерапевтических моделей [15]. И так как главная цель настоящей работы – это усиление интеграционных процессов психотехнологий для преодоления вышеобозначенных «камней психотерапии», то в первую очередь стало важным увидеть проявление и синхронию концептов психического и психотехнологического со СУМП, разработанных с позиции интегративного подхода:

В первую очередь, Интегративной психотерапии, модель которой изложена в монографии В.В. Козлова [14]. Результатом данного шага исследования, стала систематизация концептов методологии СУМП интегративной школы по матрице метагенеза осознания.

Систематизация концептов модели интегративной школы по матрице метагенеза осознания показывает, как по своим этапам консультирования модели как бы встречаются на каких-либо уровнях информации по структуре метагенеза осознания. Это позволило установить общие процессуальные задачи и фокус внимания на каждом уровне; увидеть, где происходит синхронизация алгоритмов разных консультационных моделей, а где они расходятся не по уровню активированной информации в сознании субъекта, а по очередности подхода к ней, что не является существенным разногласием [16].

При мета-анализе структур УМП различных психотерапевтических школ проявилось, что порядок их

психотерапевтических процессов синхронизируется по горизонтали этапов осознания и вертикали уровней информации. Таким образом консультационная матрица ТОР-подхода выступает для них как метамодель, причём «рамки осознания», показанные в Теоретической модели метагенеза осознания, можно отнести к категории «мета-рамки» психотерапии, универсальные для многих методов психотерапии.

Выводы.

Проявленные универсальные концепты ТОР-подхода, приведённые в настоящей статье, как и универсальность самих параметров информации в сознании субъекта позволяет сделать вывод об универсальном применении его консультационной матрицы в синхронии с алгоритмами других методов.

Универсальная структура ТОР-подхода таким образом – это новое «Поле возможности» для преодоления внутренних конфликтов психотерапии и экологичного ускорения интеграционных центростремительных процессов для перехода психотерапии на качественно новый уровень развития.

Перспектива реализации. На правах перспективной гипотезы, можно сформулировать положение о том, что на основании консультационной матрицы ТОР-подхода

(идентичной «матрицы» метагенеза осознания), как общей «канвы» психотерапевтического процесса, можно выработать общий универсальный алгоритм ведения психотерапевтического процесса без конфликтного ограничения стратегий психотехнологий различных школ, что поспособствует преодолению внутренних

конфликтов психотерапии, особенно в преодолении конфликта разнонаправленности направлений краткосрочной и долгосрочной психотерапии и поможет специалистам в самоопределении какие методы выбирать в свой профессиональный арсенал из их мозаичного множества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова Г.С. Практическая психология Учебник для вузов и ссузов. Издательство «Прометей», 2018.
2. Айви А.Е., Айви М.Б., Саймэк–Даунинг Л. Психологическое консультирование и психотерапия. Методы, теории и техники: практическое руководство. – М., 1999 – 487 с
3. Ананьев Б.Г. Личность, субъект деятельности, индивидуальность. – М.: Директ–Медиа, 2008.
4. Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания: избр. психол. тр. / Под ред. А.А. Бодалева; Акад. пед. и соц. наук, Моск. психол.–соц. ин–т. – М.: Изд–во «Ин–т практ. психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 382, [1] с. – (Психологи Отечества: Избранные психологические труды: в 70 т. / Гл. ред. Д.И. Фельдштейн). – Библиогр.: 377–381 с.
5. Гафарова О.Н. «Депрессивная цепь» и ее разрушение по уровням процесса осознания // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2024. – №10. – С. 31 –42
6. Гафарова О.Н. Алгоритм осознания: универсальность и потенциал для развития психотерапевтических школ. Онлайн–научно–практическое издание «Антология российской психотерапии и психологии», выпуск 11, Санкт–Петербург, 31 марта – 1 апреля 2023 г., стр. 26–37
7. Гафарова О.Н. Универсальная модель психотерапии, основанная на структуре личности, смоделированной в результатах исследования и процессе осознания. Журнал Ученый Евразийского союза Урга (EUS) №1 (58)/ 2019, часть 5. С. – 35 – 39.
8. Гришакова Е.М. Осознание как редукция пресуппозиций понимания с. 4, – Вестник СамГУ. 2012 № 3/2 (94) с. 99 – 105, с. 104.
9. Козлов В.В. Интенсивные интегративные психотехнологии. Теория. Практика. Эксперимент. (монография). М: МАПН, 1998, с. 427.
10. Ленгле А. Фундаментальные мотивации экзистенции как действенная структура экзистенциально–аналитической терапии. Экзистенциальный анализ. №1. Бюллетень, Москва, 2009, – 212 с., – 9–30 с.
11. Психотерапия: Учебник для вузов. 4–е изд. / Под ред. Б. Д. Карвасарского – СПб.: Питер, 2012. – 672 с.: ил.
12. Баарс Б. Когнитивная теория сознания. Перевод и научная редакция проф. А.А. Алексеева. – 454 с.

© Гафарова Ольга Ниловна (psitrener@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЖИЗНЕННАЯ СТОЙКОСТЬ КАК ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛИЗМА БУДУЩЕГО ПСИХОЛОГА

VITALITY AS THE BASIS OF THE PROFESSIONALISM OF THE FUTURE PSYCHOLOGIST

**A. Dokhoyan
I. Maslova**

Summary: The article is devoted to the study of the phenomenon of resilience as a key personal resource that determines the ability to withstand stressors and preserve psychophysiological well-being. The results of diagnostics of the level and component structure of resilience in psychology students are presented. The authors justify the need for targeted formation of this construct in the educational process as a condition for competitive professional development. The methodological potential and direct role of the psychology teacher in the development of the resilience of future specialists are considered.

Keywords: resilience, components of resilience professionalism, personality; engagement; control; risk acceptance.

Дохоян Анна Меликсовна

кандидат психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Армавирский государственный педагогический университет»
d.a.m@mail.ru

Маслова Ирина Александровна

старший преподаватель, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Армавирский государственный педагогический университет»
maslova_ia@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию феномена жизнестойкости как ключевого личностного ресурса, детерминирующего способность противостоять стрессогенным факторам и сохранять психофизиологическое благополучие. Представлены результаты диагностики уровня и компонентной структуры жизнестойкости у студентов-психологов. Авторы обосновывают необходимость целенаправленного формирования данного конструкта в образовательном процессе как условия конкурентоспособного профессионального становления. Рассматривается методологический потенциал и непосредственная роль преподавателя психологии в развитии жизнестойкости будущих специалистов.

Ключевые слова: жизнестойкость, компоненты жизнестойкости профессионализм, личность; вовлечённость; контроль; принятие риска.

В условиях современного общества, характеризующегося высокой динамичностью, неопределённостью и увеличением психоэмоциональных нагрузок, формирование жизнестойкости становится императивным аспектом профессиональной подготовки будущих психологов.

Актуальность исследования жизнестойкости как основы профессионализма будущего психолога, обусловлена растущими требованиями к профессиональной подготовке специалистов в области психологии, которые не только должны обладать теоретическими знаниями, но и уметь справляться с эмоциональными и психологическими нагрузками в своей практике.

Многие ученые, включая Л.А. Александрову, Р. Мэя, Б.Г. Ананьева, С. Мади, Е.А. Евтушенко, С.Л. Рубинштейна и других, изучали проблему жизнестойкости. Концепции жизнестойкости нашли свое отражение и в трудах Б.Г. Ананьева, Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой, И.М. Ильинского, М.А. Одинцовой, М.П. Гурьяновой, Е.А. Рыльской, Э.Ф. Зеера, А.Н. Фоминова, Е.В. Никитиной, О.А. Янцевич, Н.Н. Струниной, Р.И. Стецишина и многих других.

Исследование феномена жизнестойкости также является сферой активного изучения многих зарубежных ученых, среди которых S. Cobb, S. Maddi, S. Kobasa, R. May, S. Kierkegaard и другие.

Тем не менее, исследования этого феномена продолжают, поскольку играет большую роль в различных сферах профессиональной деятельности: медицина, спорт, психология. В связи с этой темой формирования жизнестойкости у будущих психологов представляется нам актуальным.

Жизнестойкость можно определить как «личностное качество, которое подчеркивает аттитюды, мотивирующие человека преобразовывать стрессогенные жизненные события в новые возможности» [2].

Степень жизнестойкости зависит от уровня личностного ресурса человека, то есть, в случае, когда ресурсы имеют низкий уровень, то человеку сложно справляться с различными трудными, стрессовыми ситуациями. Можно говорить о том, что «жизнестойкость рассматривается исследователями и как некий ресурс, и как психологическое свойство личности, и как способность

в контексте социальной адаптации человека, его саморегуляции» [4].

Результаты многих исследований жизнестойкости показали, что жизнестойкость – не врожденная, а развиваемая черта. Каждый человек может научиться жизнестойкости вне зависимости от его индивидуальных особенностей даже в зрелом возрасте [3].

Для психологов, которые занимаются поддержкой и развитием психического благополучия других людей, наличие жизнестойкости является необходимым условием их профессиональной деятельности. Психологи должны не только знать теоретические аспекты психологии, но и уметь применять эти знания на практике, чтобы эффективно справляться с собственными стрессами и помогать другим.

Методы развития жизнестойкости быть разнообразными и включать в себя как индивидуальные, так и групповые формы работы.

Цель этих методов одна: формирование способности эффективно справляться с жизненными вызовами, сохранять позитивный настрой и поддерживать высокое качество жизни. При этом индивидуальные практики направлены на укрепление внутреннего стержня и развитие самодостаточности, а групповые формы работы помогают решать различные психологические проблемы, учат сотрудничеству и чувствовать себя частью большего целого.

Психологические исследования также показывают, что жизнестойкость можно развивать и формировать через обучение и практику. В высших учебных заведениях при подготовке будущих психологов, необходимо включать программы, направленные на развитие жизнестойкости и навыков здорового образа жизни. Это могут быть и тренинги по управлению стрессом, развитие эмоционального интеллекта, а также практики осознанности и медитации. Тренинги по развитию эмоциональной устойчивости, различные формы групповой работы формируют качества жизнестойкости, позволяющие будущим психологам применить их на практике. Тренинг жизнестойкости основан на предположении, что жизнестойкость не является врожденным качеством, а формируется в течение жизни [6].

Такие программы не только помогают студентам справляться с собственными трудностями, но и готовят к будущей профессиональной деятельности, где они будут сталкиваться с эмоциональными и психологическими вызовами как со стороны клиентов, так и со стороны самой профессии.

Цель нашего исследования состоит в рассмотрении

жизнестойкости как базового ресурса студента-психолога, как основы его профессионализма.

Предметом исследования выступает жизнестойкость в контексте профессиональной подготовки. В качестве объекта исследования – студенты-психологи Армавирского государственного педагогического университета.

Количество студентов очно-заочной формы обучения направления «Психологическое консультирование» принявших участие в исследовании составило 74 человека в возрасте 18-22 года. Исследования проводились на всех курсах Армавирского государственного педагогического университета.

Первоначально было проведено анкетирование, для получения общих входных данных об испытуемых. Затем определяли уровни развития жизнестойкости по тесту жизнестойкости С. Мадди. Исходя из данных показателей были определены результаты жизнестойкости студентов- психологов.

Вовлеченность – это физическое, эмоциональное и интеллектуальное состояние, которое заставляет осознавать, что вовлеченность в окружающий мир дает шансы найти для себя что-то ценное в жизни. При слабо выраженной вовлеченности человек чувствует себя лишним в коллективе, в семье, отвергнутым [5].

Контроль – это один из планомерных процессов психики, обеспечивающий непрерывный мониторинг психической деятельности и исполнительской активности. Противоположностью контролю являются беспомощность, безвыходность. При сильно выраженном чувстве контроля человек является хозяином своей жизни. Такому человеку легко принимать решения, он сам выбирает свой жизненный путь [5].

Принятие риска – это решение, направленное на достижение цели, связанной с риском [4]. С. Мадди акцентирует внимание на выраженность всех трех указанных компонентов, так как они важны для сохранения здоровья человека, достаточного уровня работоспособности и активности в преодолении стрессовых ситуаций.

Низкий уровень вовлеченности показал, что 43 % студентов ощущают не получают удовольствие от деятельности, высокие показатели получили 5 %, в поиске интереса для себя 51 %. (Рис. 1.)

Уровень контроля определяет борьбу, которая по убеждению влияет на результат происходящего, даже без гарантированного успеха 52 %. Повышенный уровень контроля показывает, что 16 % учащихся ощущают, что сами выбирают деятельность и путь в жизни.

1. Вовлеченность (n=99%*)

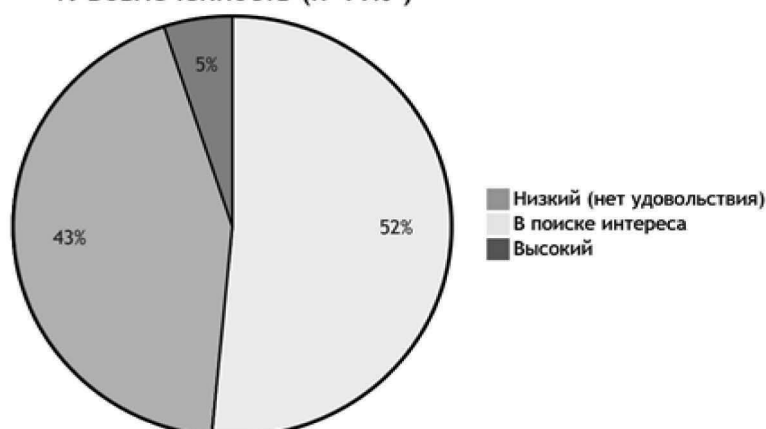

Рис. 1. Вовлеченность

2. Контроль (n=100%)

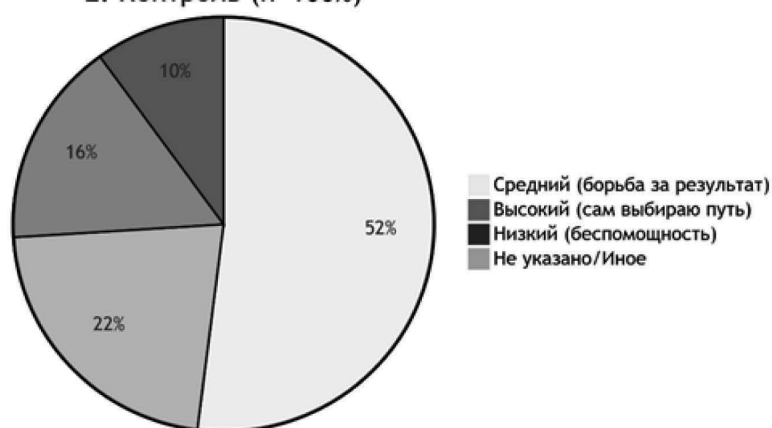

Рис. 2. Контроль

Низкие показатели уровня контроля имеют 10 %, у них развито чувство беспомощности. Уровнем принятия риска обозначена убежденность в том, что любое происходящее событие влияет на развитие за счет получаемого положительного или отрицательного опыта. (Рис. 2.)

Общие показатели жизнестойкости на рисунке 3 указывают на то, что 54 % респондентов имеют средний уровень жизнестойкости, что указывает на стабильность убеждений о себе и мире в целом. Низкий уровень жизнестойкости выражен у 27 % студентов и 19 % респондентов имеют высокий уровень жизнестойкости. (Рис. 3.)

В результате проведенного эмпирического исследования было выявлено преобладание среднего уровня жизнестойкости у студентов по критериям: «вовлеченность», «контроль» и «принятие риска». Это может указывать

на склонность студентов к стрессам и выгоранию при столкновении с повышенными нагрузками или непредвиденными трудностями, требуя внимания со стороны образовательных учреждений. По данным исследования Российской академии образования, более 20 процентов первокурсников могут испытывать тревогу, скачки настроения или даже депрессию. Это мешает учебе, пугает и в целом мешает жить. Самое сложное время для студентов - перед и во время экзаменационных сессий.

Обобщая результаты экспериментального исследования, можно сделать вывод о том, что целенаправленное использование специальных условий поможет развитию уровня жизнестойкости личности студента-психолога.

Мы считаем, что именно преподаватель-психолог

3. Общая жизнестойкость (n=100%)

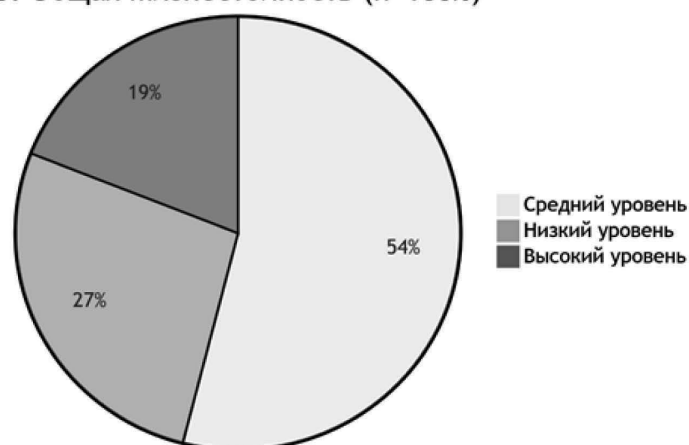

Рис. 3. Общая жизнестойкость

может помочь студентам освоить стратегии совладания с трудностями, развить навыки конструктивного взаимодействия и управления стрессом. Преподаватели психологии, работающие в университетах, как правило, становятся наставниками (тьюторами) студентов, и поскольку они являются психологами, то могут решить многие их проблемы

Но и сам преподаватель должен быть образцом жизнестойкости, демонстрируя эмпатию, уважение и открытость, формировать критическое мышление, развивать навыки, необходимые для успешной карьеры, создавать атмосферу поддержки и доверия, внедрять групповых форм обучения, где студенты учились бы сотрудничать, разрешать конфликты и поддерживать друг друга. Деятельность преподавателя психологии одна из самых сложных, творческих, активно преобразующих субъектов профессиональных видов деятельности.

На практических занятиях преподаватель психологии организует введение дневников, где студенты фиксируют свои эмоциональные реакции на учебный материал, практические занятия и личные переживания. Важно научить их не просто описывать, но и анализировать причины этих реакций. Важно обучать будущих психологов

практике медитативных техник, дыхательных упражнений, сканирования тела. Эти инструменты помогут студентам снизить уровень тревожности, лучше понять себя, свои ощущения и эмоциональные состояния.

Важно научить студентов распознавать свои эмоции, научить принимать их, развивать навыки конструктивного общения. Развивать данные навыки с помощью ролевых игр, кейсов, помочь студентам лучше понять других и почувствовать себя понятыми. Проводить психологические опросы, наблюдения, тренинги со студентами, диагностики волевых качеств, активности, настроения, депрессивности. В том числе и тренинги жизнестойкости, включающие в себя упражнения, направленные на поиск и получение социальной поддержки в стрессовых ситуациях: в семье, в трудовом коллективе, в образовательном учреждении и в обычной повседневной жизни.

Преподаватели психологии могут и должны акцентировать внимание на развитии личностных ресурсов студентов-психологов, способствующих эффективности профессиональной деятельности в условиях постоянно изменяющихся требований. Одним из таких ресурсов и является жизнестойкость личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Климов А.А. Жизнестойкость и ее взаимосвязь с личностными ценностями студентов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznestoykost-i-ee-vzaimosvyaz-slichnostnymi-tsennostyami-studentov>
2. Леонтьев Д.А. Тест жизнестойкости / Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова. - Москва: Смысл, 2006. - С. 15-17.
3. Митрофанова Е.А. Активность индивидуальности как ресурс жизнестойкости (на примере студенчества): автореф. дис. ... канд. психол. наук/Е. А. Митрофанова. -Екатеринбург, 2019. - С. 3-5.
4. Мадди С.Р. Теории личности: сравнительный анализ // Пер. с англ. И. Авидона, А. Батустина, П. Румянцевой. СПб.: Издательство «Речь», 2002. 539 с.

5. Стакина Ю.М. Жизнестойкость студентов с различной профессиональной направленностью. / под ред. Е.А. Бережновой // Перспективные направления психологической науки. Выпуск 2. М.: ИД ВШЭ, 2012. С. 143-155.
6. Фризен М.А. Жизнестойкость как внутренний ресурс профессиональной деятельности педагога // Организационная психология. 2018, № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznestoykost-kak-vnutrenniy-resursprofessionalnoy-deyatelnosti-pedagoga>
7. Фризен, М.А., Яницкий, М.С., Серый, А.В. Личностная автономия руководителей, осуществляющих профессиональную деятельность в сфере образования. Сибирский педагогический журнал, 6, 132-139.
8. Юдина, Е.В. Исследование жизнестойкости у студентов психологов / Е.В. Юдина // Педагогика и психология. — 2011. — С. 105–109. 110.
9. Юрина, О.А. Развитие образа Я как фактор жизнестойкости в образовательной среде у старшеклассников и студентов / О.А. Юрина // Психология телесности: теоретические и практические исследования. — 2009. С. 205–213.
10. Bandura A. Self-efficacy: The exercise of control. — New York: Freeman, 1997. — 604 p.
11. Masten A.S. Ordinary magic: Resilience in development. — New York: Guilford Press, 2014. — 370 p.
12. Maddi S.R., Khoshaba D.M. Resilience at Work: How to Succeed No Matter What Life Throws at You. — N.Y.: AMACOM, 2005. — 224 p.

© Дохоян Анна Меликсовна (d.a.m@mail.ru), Маслова Ирина Александровна (maslova_ia@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕТОДА ДЕСЕНСИБИЛИЗАЦИИ И ПЕРЕРАБОТКИ ДВИЖЕНИЯМИ ГЛАЗ (ДПДГ, EMDR) В ТЕРАПИИ ВНУТРИЛИЧНОСТНОГО КОНФЛИКТА У ЖЕНЩИН С ФУНКЦИОНАЛЬНЫМ БЕСПЛОДИЕМ

Кармацкая Галина Юрьевна

Соискатель, ООО Онлайн Институт Психологии Smart
gsavina@yandex.ru

THE EFFECTIVENESS OF EYE MOVEMENT DESENSITIZATION AND REPROCESSING (EMDR) IN THE TREATMENT OF INTRAPERSONAL CONFLICT IN WOMEN WITH FUNCTIONAL INFERTILITY

G. Karmatskaya

Summary: This study examines the psychological mechanisms of functional infertility in women and evaluates the effectiveness of eye movement desensitization and reprocessing (EMDR) in treating intrapersonal conflict. The goal is to empirically confirm the influence of psychotraumatic experiences and conflictual personality structures on the development of functional infertility and to demonstrate the potential for their correction using EMDR. The sample consisted of 119 women of reproductive age, 61 of whom suffered from functional infertility and 58 of whom constituted a control group. The FPI-R questionnaire, the PSS-10 perceived stress scale, the PHQ-9 depression test, and intrapersonal conflict assessment methods were used. After six EMDR sessions, statistically significant reductions in anxiety, depression, internal tension, and conflict were observed, as well as increases in emotional stability and self-acceptance. The results confirm the effectiveness of EMDR in reducing intrapersonal conflicts in women with functional infertility. Conclusion: Psychotherapy using the EMDR method promotes the restoration of adaptive psychological mechanisms and can be considered an effective component of comprehensive psychological support programs in the reproductive sphere.

Keywords: functional infertility, intrapersonal conflict, psychotherapy, eye movement desensitization and reprocessing, EMDR, EMDR, women's health.

Аннотация: Исследование посвящено изучению психологических механизмов функционального бесплодия у женщин и оценке эффективности метода десенсибилизации и переработки движениями глаз (ДПДГ, EMDR) в терапии внутриличностного конфликта. Цель исследования - эмпирически подтвердить влияние психотравматического опыта и конфликтных личностных структур на формирование функционального бесплодия и определить возможности их коррекции методом ДПДГ. В выборку вошли 119 женщин репродуктивного возраста, 61 из которых страдала функциональным бесплодием, а 58 составили контрольную группу. Использовались FPI-R, PSS-10, PHQ-9 и методики диагностики внутриличностных конфликтов. После шести сессий ДПДГ отмечено статистически значимое снижение тревожности, депрессии, стрессового напряжения и уровня внутриличностного конфликта, а также повышение эмоциональной устойчивости и самопринятия. Метод ДПДГ доказал эффективность в снижении тревожности, депрессии и внутриличностного конфликта, что подтверждает его потенциал как психотерапевтического инструмента при работе с функциональным бесплодием.

Ключевые слова: функциональное бесплодие, внутриличностный конфликт, психотерапия, десенсибилизация и переработка движениями глаз, ДПДГ, EMDR, женское здоровье.

Введение

Функциональное бесплодие является одной из актуальных проблем современной репродуктивной психологии и медицины. По данным ВОЗ, от 8 до 12 % супружеских пар сталкиваются с трудностями зачатия, при этом у 10–15 % женщин органические причины не выявляются, что позволяет говорить о психогенном или функциональном характере нарушений. Наличие репродуктивных затруднений сопровождается выраженным эмоциональным дистрессом, снижением самооценки, тревожностью и депрессивными симптома-

ми, что усугубляет психологическое состояние женщины и создаёт порочный круг, поддерживающий бесплодие (Awonuga et al., 2025).

По данным Минздрава РФ, распространённость женского бесплодия за период 2011–2021 гг. увеличилась примерно на треть, тогда как мужское бесплодие выросло почти в два раза. В 2023 году в Российской Федерации было зарегистрировано 254,8 тыс. женщин с диагнозом «бесплодие», из них 66,8 тыс. — впервые выявленные случаи. Одним из значимых факторов является высокая распространённость воспалительных заболеваний

органов малого таза - они диагностируются у 60–65 % женщин репродуктивного возраста и становятся причиной бесплодия примерно у 40 % пациенток, проходящих обследование по этому поводу. У остальных бесплодие обусловлено другими факторами - ановуляторными нарушениями, эндометриозом, патологией матки и шейки матки, иммунологическими и возрастными причинами. В 10–25 % случаев бесплодие остаётся необъяснённым даже после полного обследования (Эткерова и др., 2025).

Ряд исследований указывает на значимую роль личностных особенностей и внутриличностных конфликтов в формировании функционального бесплодия. У таких женщин чаще наблюдаются противоречия между осознанным желанием материнства и неосознаваемыми страхами, связанными с ответственностью за ребёнка, изменением жизненного статуса или негативным родительским опытом в детстве. Эти внутренние конфликты способствуют психофизиологическому напряжению, нарушению гормональной регуляции и формированию психосоматических реакций, в том числе связанных с репродуктивной функцией (Мордас и Берсенева, 2020; Rooney и Domar, 2018).

Современная психотерапия рассматривает функциональное бесплодие как психосоматическое состояние, в основе которого лежат травматические переживания, не подвергшиеся полноценной переработке. В этом контексте особый интерес представляет метод десенсибилизации и переработки движениями глаз (ДПДГ, Eye Movement Desensitization and Reprocessing, EMDR), разработанный Ф. Шапиро (Shapiro, 2001; Shapiro, 2021). Согласно модели адаптивной переработки информации (AIP), лежащей в основе метода, неадаптивно хранящиеся воспоминания, связанные с психотравматическими событиями, могут вызывать дистресс и формировать дисфункциональные паттерны поведения. Терапия ДПДГ направлена на переработку этих воспоминаний с помощью билатеральной стимуляции, что способствует снижению эмоционального заряда и интеграции опыта в систему автобиографической памяти.

Эффективность метода ДПДГ доказана при широком спектре расстройств — посттравматическом стрессовом расстройстве, тревоге, депрессии и хронической боли (Chen et al., 2014; Lewis et al., 2020; Kazennaya, 2023; Valiente-Gómez et al., 2017; Laliotis, 2020). Однако его применение в репродуктивной психотерапии и, в частности, при функциональном бесплодии остаётся малоизученным, особенно на российской выборке.

В связи с этим актуальным представляется исследование эффективности метода ДПДГ в работе с женщинами, страдающими функциональным бесплодием, в аспекте снижения внутриличностного конфликта и эмоционального напряжения.

Цель исследования — определить эффективность терапии методом ДПДГ в редукации внутриличностного конфликта у женщин с функциональным бесплодием.

Гипотеза — применение метода ДПДГ способствует переработке психотравматического опыта, снижению уровня внутреннего конфликта и эмоционального дистресса, что повышает психологическую адаптацию и может способствовать восстановлению репродуктивной функции.

Новизна исследования заключается в том, что впервые проведена апробация метода ДПДГ для коррекции внутриличностных конфликтов у женщин с функциональным бесплодием на российской выборке, что позволяет оценить эффективность подхода в условиях отечественной клинко-психологической практики.

Методы

В исследовании приняли участие 119 женщин в возрасте от 25 до 40 лет ($M = 33,2$; $SD = 4,8$), находящихся в браке и имеющих регулярную половую жизнь без применения контрацептивов. Экспериментальную группу составили 61 женщина, обратившаяся за психологической помощью в связи с диагнозом «функциональное бесплодие» (отсутствие беременности более двух лет при исключении органических и эндокринных причин).

Контрольная группа включала 58 женщин без нарушений репродуктивной функции, сопоставимых по возрасту и социально-демографическим характеристикам.

Критериями включения в исследование являлись: возраст 25–40 лет, отсутствие соматических причин бесплодия, наличие мотивации к терапии и согласие на участие. Из участия исключались женщины с любыми органическими заболеваниями головного мозга, установленными психиатрическими диагнозами (включая тревожные, депрессивные и биполярные расстройства), а также принимающие психофармакологические препараты, которые могли повлиять на эмоциональное состояние или результаты психодиагностики. Также исключались участницы с гормональными нарушениями, подтверждёнными эндокринологом или гинекологом. Все участницы подписали информированное согласие на участие в исследовании.

Методики

Опросник FPI-R (Freiburger Persönlichkeitsinventar, адаптация А.А. Крылова и Е.В. Коротких) — для оценки личностных свойств, эмоциональной устойчивости, тревожности и самоконтроля.

Шкала восприятия стресса PSS-10 (S. Cohen, 1983) —

для измерения субъективного уровня стрессового напряжения.

Опросник депрессии PHQ-9 (Kroenke, 2001) — для оценки выраженности депрессивных симптомов.

Методика диагностики внутриличностных конфликтов: тест «Внутриличностный конфликт» (В.Е. Шипилов, 1987);

методика «Индекс внутриличностного конфликта» (Б.Д. Карвасарский, 2000).

Терапевтическое вмешательство — индивидуальная психотерапия по методу десенсибилизации и переработки движениями глаз по стандартному восьмифазному протоколу Ф. Шапиро (1989) с адаптацией под запрос функционального бесплодия.

Исследование проходило в три этапа

Диагностический этап

Проводилась первичная психодиагностика с использованием указанных методик для выявления структуры внутриличностного конфликта и уровня эмоционального дистресса.

Терапевтический этап

Женщины экспериментальной группы прошли курс из шести индивидуальных сессий ДПДГ длительностью 60–90 минут каждая, проводимых 1 раз в неделю. В работе использовались стандартные процедуры определения целевого воспоминания, установки на переработку, билатеральная стимуляция (движения глаз, тактильная стимуляция) и интеграция позитивного когнитивного опыта.

Контрольный этап

После завершения курса терапии проводилось повторное тестирование теми же методиками. Участницы контрольной группы проходили повторное обследование без терапевтического вмешательства.

Статистический анализ. Обработка эмпирических данных проводилась с использованием программы IBM SPSS Statistics 25.0. Для оценки достоверности различий между экспериментальной и контрольной группами применялись параметрические и непараметрические критерии в зависимости от характера распределения выборки. В частности, использовались t-критерий Стьюдента для независимых выборок и U-критерий Манна—Уитни при нарушении нормальности распределения. Динамика показателей в экспериментальной группе до и после терапевтического вмешательства оценивалась с

помощью критерия Вилкоксона для связанных выборок. Для определения величины различий рассчитывался эффект размера по d Коэна. Взаимосвязи между уровнями тревожности, депрессии и выраженностью внутриличностного конфликта анализировались с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена (ρ). Критический уровень статистической значимости во всех процедурах принят равным $p < 0,05$.

Результаты

Анализ данных показал наличие статистически значимых различий между женщинами с функциональным бесплодием и участницами контрольной группы по большинству психологических показателей. До начала терапии у женщин экспериментальной группы наблюдались более высокие уровни тревожности, эмоциональной неустойчивости и депрессивности, а также выраженные показатели внутриличностного конфликта по тестам Шипилова и Карвасарского ($p < 0,01$). Это свидетельствует о том, что функциональное бесплодие сопровождается повышенным психоэмоциональным напряжением и несбалансированностью внутренней мотивационно-ценностной сферы.

После прохождения курса психотерапии методом ДПДГ в экспериментальной группе выявлена положительная динамика по всем основным параметрам. Средние значения по шкале тревожности FPI-R снизились с 7,1 до 5,3 баллов ($p < 0,01$), уровень депрессивности по шкале PHQ-9 уменьшился с 11,4 до 6,8 баллов ($p < 0,001$), а общий уровень стресса по шкале PSS-10 — с 22,7 до 15,6 баллов ($p < 0,01$). Показатели по индексу внутриличностного конфликта снизились на 28 %, что указывает на редукцию внутреннего напряжения и повышение степени интеграции противоречивых личностных тенденций.

Сравнение данных контрольной группы, не проходившей психотерапию, показало отсутствие значимых изменений по тем же шкалам ($p > 0,05$), что позволяет считать выявленные эффекты следствием проведённого терапевтического вмешательства.

Дополнительно установлено, что после завершения курса ДПДГ возросли показатели самопринятия и эмоциональной стабильности, а также снизилась частота проявлений неосознанных защитных реакций ($p < 0,05$). Расчёт эффекта размера показал среднюю величину эффекта по d Коэна в диапазоне от 0,6 до 0,8, что соответствует умеренному и выраженному влиянию метода на психологические характеристики участниц.

В рамках корреляционного анализа выявлены значимые связи между показателями тревожности, депрессии и внутриличностного конфликта ($p = 0,46$; $p < 0,01$), что подтверждает взаимозависимость эмоциональных

и когнитивных компонентов личностного напряжения. Снижение выраженности конфликтов после терапии сопровождалось одновременным снижением уровня тревожности и депрессивных симптомов, что отражает комплексное действие метода ДПДГ на эмоциональную сферу.

Следует отметить, что у 11 участниц (18 % выборки) в течение шести месяцев после завершения терапии наступила самостоятельная беременность, что может свидетельствовать о восстановлении психофизиологического равновесия и снижении психосоматических ограничений, препятствовавших зачатию. Несмотря на то, что этот результат требует дальнейшего подтверждения в лонгитюдных исследованиях, он демонстрирует потенциал ДПДГ как метода, способствующего улучшению общего психосоматического состояния женщин с функциональным бесплодием. (Таб. 1.)

Для оценки специфичности выявленных эффектов проведено сравнение показателей экспериментальной и контрольной групп. Участницы контрольной группы изначально демонстрировали более низкий уровень тревожности, депрессивности и стрессового напряжения ($p < 0,01$ по всем шкалам), что отражает отсутствие выраженного эмоционального дистресса при сохранной репродуктивной функции. Повторное обследование через сопоставимый временной интервал не выявило статистически значимых изменений по изучаемым параметрам ($p > 0,05$). (Таб. 2.)

По полученным результатам можно заключить, что динамика показателей, зафиксированная в экспери-

ментальной группе, может быть интерпретирована как результат проведённого психотерапевтического вмешательства методом ДПДГ, а не следствие временных или ситуативных факторов.

Обсуждение результатов

Полученные данные подтвердили предположение о существовании выраженных внутриличностных конфликтов у женщин с функциональным бесплодием, что согласуется с результатами предыдущих отечественных и зарубежных исследований, рассматривающих психогенное бесплодие как форму соматизации неразрешённого эмоционального напряжения (Мордас и Берсенева, 2020; Rooney и Domar, 2018). Повышенные показатели тревожности, депрессии и эмоциональной нестабильности, зафиксированные на исходном этапе, отражают внутреннюю противоречивость репродуктивной мотивации: осознанное стремление к материнству сочетается с неосознаваемыми страхами утраты контроля, изменения социального статуса или повторения травматического родительского опыта.

Выявленные после терапии изменения свидетельствуют о высокой эффективности метода десенсибилизации и переработки движениями глаз в снижении эмоционального напряжения и редукции внутриличностного конфликта. Снижение показателей тревожности и депрессии, а также рост самопринятия и эмоциональной устойчивости указывают на переработку ранее неинтегрированного травматического опыта и восстановление адаптивных механизмов саморегуляции. Это согласуется с положениями модели адаптивной переработки ин-

Таблица 1.
Динамика психологических показателей в экспериментальной группе до и после терапии ДПДГ (N = 61).

Показатель	До терапии (M ± SD)	После терапии (M ± SD)	t / Z	p
Тревожность (FPI-R)	7,1 ± 1,6	5,3 ± 1,4	3,82	<0,01
Депрессия (PHQ-9)	11,4 ± 4,2	6,8 ± 3,1	4,25	<0,001
Стресс (PSS-10)	22,7 ± 5,9	15,6 ± 4,8	3,67	<0,01
Индекс ВК (Карвасарский)	64,5 ± 10,2	46,1 ± 8,9	3,94	<0,01
Самопринятие (FPI-R)	4,8 ± 1,3	6,1 ± 1,1	2,89	<0,05

Таблица 2.
Сравнение психологических показателей в экспериментальной и контрольной группах (M ± SD).

Показатель	Экспериментальная группа (до терапии)	Контрольная группа (первичное обследование)	Контрольная группа (повторное обследование)	p (до между группами)	p (динамика в контроле)
Тревожность (FPI-R)	7,1 ± 1,6	5,2 ± 1,3	5,3 ± 1,4	< 0,01	> 0,05
Депрессия (PHQ-9)	11,4 ± 4,2	6,1 ± 3,0	6,0 ± 3,2	< 0,001	> 0,05
Стресс (PSS-10)	22,7 ± 5,9	17,3 ± 4,6	17,1 ± 4,7	< 0,01	> 0,05
Индекс ВК (Карвасарский)	64,5 ± 10,2	50,8 ± 9,4	51,0 ± 9,6	< 0,01	> 0,05
Самопринятие (FPI-R)	4,8 ± 1,3	5,9 ± 1,2	6,0 ± 1,1	< 0,05	> 0,05

формации (AIP) Ф. Шапиро (Shapiro, 2001; Shapiro, 2021), согласно которой психотерапевтический эффект ДПДГ связан с интеграцией дисфункциональных воспоминаний в когнитивную структуру личности и снижением эмоционального заряда, ассоциированного с ними.

Результаты настоящего исследования коррелируют с данными метаанализов эффективности EMDR при тревожных и стресс-индуцированных состояниях (Chen et al., 2014; Lewis et al., 2020; Kazennaya, 2023). В частности, наблюдаемое снижение депрессивных и тревожных симптомов после терапии соответствует эффектам, описанным в международных обзорах, что подтверждает универсальный характер механизма действия метода. Полученные эффекты по уровню d Коэна (0,6–0,8) сопоставимы с результатами, отмеченными в исследованиях EMDR при посттравматическом стрессовом расстройстве и соматоформных симптомах (Valiente-Gómez et al., 2017; Laliotis, 2020), что указывает на высокий потенциал метода в работе с психосоматическими состояниями.

Корреляционный анализ выявил устойчивые связи между выраженностью тревожности, депрессии и внутриличностного конфликта, что подтверждает их взаимную обусловленность. Этот результат согласуется с современными представлениями о комплексной структуре эмоционального дистресса, в которой внутренние противоречия личности усиливают тревожные и депрессивные реакции, формируя устойчивые паттерны психологического неблагополучия. Вмешательство методом ДПДГ, воздействующее на когнитивно-аффективные компоненты травматического опыта, обеспечивает системную трансформацию этих паттернов, снижая уровень внутреннего конфликта (Kazennaya, 2023; Shapiro, 2021).

Интересным является факт наступления беременности у части участниц после завершения терапии. Хотя этот результат требует осторожной интерпретации и не может рассматриваться как прямое следствие применения метода, он косвенно подтверждает восстановление психофизиологического равновесия и снижение психосоматических ограничений. Эти данные соотносятся с исследованиями, демонстрирующими улучшение репродуктивных показателей после психотерапевтических интервенций, направленных на редукцию стресса и эмоциональной дисрегуляции (Wang et al., 2023).

Итак, результаты настоящего исследования позволяют утверждать, что метод ДПДГ представляет собой эффективный инструмент работы с женщинами, страдающими функциональным бесплодием. Он способствует переработке травматического опыта, снижению внутриличностного напряжения и повышению психологической адаптации, что может быть использовано при разработке комплексных программ психотерапевтической поддержки в репродуктивной медицине.

Заключение

Результаты работы с женщинами, страдающими функциональным бесплодием, подтверждают высокую эффективность метода десенсибилизации и переработки движениями глаз.

Женщины с функциональным бесплодием характеризуются более высоким уровнем тревожности, депрессивности и выраженными внутриличностными противоречиями. Применение метода ДПДГ привело к статистически значимому снижению этих показателей, уменьшению уровня внутриличностного конфликта и повышению самопринятия. Отмеченные корреляции между тревожностью, депрессией и выраженностью внутреннего конфликта подтверждают их взаимосвязь и комплексный характер влияния на психологическое состояние пациенток. У части участниц наблюдалось восстановление репродуктивной функции, что косвенно указывает на возможную связь эмоциональной стабилизации с улучшением соматических параметров.

Применение ДПДГ может рассматриваться как важный компонент комплексной психотерапевтической поддержки женщин с нарушениями репродуктивной функции. Включение данного подхода в программы медицинской и психологической помощи имеет значительный потенциал для повышения эффективности реабилитации и улучшения качества жизни пациенток. Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка интегративных моделей психотерапии функционального бесплодия, сочетающих методы ДПДГ, когнитивно-бихевиоральные и телесно-ориентированные подходы, а также изучение нейропсихологических и физиологических механизмов, лежащих в основе психосоматической регуляции репродуктивной функции.

Ограничения исследования

Несмотря на убедительные результаты, исследование имеет ряд ограничений, которые необходимо учитывать при интерпретации данных. Во-первых, выборка ограничена количеством участниц и не является репрезентативной для всей популяции женщин с функциональным бесплодием. Во-вторых, дизайн исследования не включал рандомизацию и слепое распределение, что снижает уровень доказательности полученных результатов. В-третьих, оценка эффективности терапии осуществлялась преимущественно на основании психологических показателей без учёта физиологических и гормональных параметров. Кроме того, в рамках настоящей работы не проводилось долгосрочное отслеживание эффектов, что требует дальнейших лонгитюдных исследований для подтверждения устойчивости терапевтических изменений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: учебник для вузов. 6-е изд., испр. и доп. — СПб.: Питер, 2016. — 528 с. — (Серия «Учебник для вузов»). — ISBN 978-5-496-01605-6.
2. Казенная Е.В. Современное состояние исследований эффективности метода десенсибилизации и переработки движениями глаз (EMDR) при посттравматическом стрессовом расстройстве // Консультативная психология и психотерапия. — 2023. — Т. 31, № 3. — С. 69–90. DOI: 10.17759/cpp.2023310304.
3. Карвасарский Б.Д. Неврозы: руководство для врачей / Б.Д. Карвасарский. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Медицина, 1990. — 572, [1] с.: ил.; 21 см. — ISBN 5-225-01168-3.
4. Крылов А.А., Маничев С.А. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии. 2-е изд. — СПб.: Питер, 2003. — 560 с.
5. Мордас Е.С., Берсенева Я.В. Личностные особенности женщин с психогенным бесплодием (на различных уровнях организации индивидуальности) // Психология и психотехника. — 2020. — № 3. — С. 69–83. — DOI: 10.7256/2454-0722.2020.3.30428.
6. Шапиро Ф. Психотерапия эмоциональных травм с помощью движений глаз (EMDR): основные принципы, протоколы и процедуры. — СПб.: Диалектика, 2021. — 832 с.
7. Эткерова Е.Г., Леженина С.В., Игнатъева Е.Н., Шувалова Н.В., Денисова Е.А. Бесплодие: социально-экономические факторы // Вопросы клинической и фундаментальной медицины. — 2025. — Т. 2, № 1. — С. 41–51. — DOI: 10.30914/M37.
8. Awonuga, A.O., Camp O.G., Biernat M.M., Abu-Soud H.M. Overview of infertility // Journal of Assisted Reproduction and Genetics. — 2025. — P. 116–142. — DOI: 10.1080/19396368.2025.2469582.
9. Chen Y.R., Hung K.W., Tsai J.C., Chu H., Chung M.H., Chen S.R., Liao Y.M., Ou K.L., Chang Y.C., Chou K.R. Efficacy of eye-movement desensitization and reprocessing for patients with posttraumatic-stress disorder: a meta-analysis of randomized controlled trials // PLoS ONE. — 2014. — Vol. 9, No. 8. — e103676. — DOI: 10.1371/journal.pone.0103676.
10. Cohen S., Kamarck T., Mermelstein R. A global measure of perceived stress // Journal of Health and Social Behavior. — 1983. — Vol. 24, No. 4. — P. 385–396. — PMID: 6668417.396.
11. Kroenke K., Spitzer R. L., Williams J. B. The PHQ-9: validity of a brief depression severity measure // Journal of General Internal Medicine. — 2001. — Vol. 16, No. 9. — P. 606–613. — DOI: 10.1046/j.1525-1497.2001.016009606.x.
12. Lalot D. Letting steam out of the pressure cooker: The EMDR Life Stress Protocol // Journal of EMDR Practice and Research. — 2020. — Vol. 14, No. 3. — P. 150–161. — DOI: 10.1891/EMDR-D-20-00032.
13. Lewis C., Roberts N.P., Andrew M., Starling E., Bisson J.I. Psychological therapies for post-traumatic stress disorder in adults: systematic review and meta-analysis // European Journal of Psychotraumatology. — 2020. — Vol. 11, No. 1. — 1729633. — DOI: 10.1080/20008198.2020.1729633.
14. Rooney K.L., Domar A.D. The relationship between stress and infertility // Dialogues in Clinical Neuroscience. — 2018. — Vol. 20, No. 1. — P. 41–47. — DOI: 10.31887/DCNS.2018.20.1/krooney.
15. Shapiro F. Eye Movement Desensitization and Reprocessing: Basic Principles, Protocols, and Procedures. 2nd ed. — New York: Guilford Press, 2001. — 472 p. — ISBN 978-1-57230-672-1.
16. Valiente-Gómez A., Moreno-Alcázar A., Treen D., Cedrón C., Colom F., Pérez V., Amann B.L. EMDR beyond PTSD: a systematic literature review // Frontiers in Psychology. — 2017. — Vol. 8. — P. 1668. — DOI: 10.3389/fpsyg.2017.01668. — PMID: 29018388; PMCID: PMC5623122.
17. Wang G., Liu X., Lei J. Effects of mindfulness-based intervention for women with infertility: a systematic review and meta-analysis // Archives of Women's Mental Health. — 2023. — Vol. 26, No. 2. — P. 245–258. — DOI: 10.1007/s00737-023-01307-2.

© Кармацкая Галина Юрьевна (gsavina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РОДИТЕЛЬСТВЕ У ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ ДЕСТРУКТИВНОГО И ДИСФУНКЦИОНАЛЬНОГО СЕМЕЙНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Кузнецов Алексей Евгеньевич

аспирант, Московский Городской Педагогический

Университет

ka9991103@gmail.com

PECULIARITIES OF ADOLESCENTS' PERCEPTIONS OF PARENTING IN THE CONTEXT OF DESTRUCTIVE AND DYSFUNCTIONAL FAMILY INTERACTIONS

A. Kuznetsov

Summary: This article examines the categories of «destructiveness» and «dysfunctionality» in relation to family relationships, providing a theoretical distinction and comparative analysis. It also examines their influence on the development of adolescents' perceptions of parenting. Based on a synthesis of psychological and sociological sources, the key characteristics of each concept are identified, highlighting their commonalities and differences. The article presents the results of an empirical study conducted on a sample of 120 adolescents aged 14–17, raised in various types of dysfunctional families. It is demonstrated that the experience of living in destructive or dysfunctional families has different effects on value orientations, expectations, and behavioral patterns of future parenting. The study's results provide a broader understanding of the specifics of parental attitude formation during adolescence and can be used in psychological counseling, preventive programs, and the development of social support measures for families.

Keywords: developmental psychology, destructiveness, dysfunction, family relationships, adolescents, parenting, parental attitudes.

Аннотация: В статье рассматриваются категории «деструктивность» и «дисфункциональность» применительно к семейным отношениям, проводится их теоретическое разграничение и сравнительный анализ, а также изучается их влияние на формирование представлений о родительстве у подростков. На основе обобщения психологических, социологических источников определяются ключевые характеристики каждого из понятий, выявляются их общие черты и различия. Представлены результаты эмпирического исследования, проведенного на выборке из 120 подростков в возрасте 14–17 лет, воспитанных в условиях различных типов неблагополучных семей. Показано, что опыт проживания в условиях деструктивности или дисфункциональности по-разному влияет на ценностные ориентации, ожидания и поведенческие сценарии будущего родительства. Результаты исследования позволяют расширить понимание специфики формирования родительских установок в подростковом возрасте и могут быть использованы в психологическом консультировании, профилактических программах и разработке мер социальной поддержки семьи.

Ключевые слова: возрастная психология, деструктивность, дисфункциональность, семейные отношения, подростки, родительство, родительские установки.

Введение

Проблематика изучения родительства занимает одно из центральных мест в современной психологии семьи и возрастной психологии. Особое внимание исследователей привлекает вопрос о том, каким образом подростки формируют свои представления о будущем родительстве и какие факторы оказывают на это влияние [1]. В условиях усложняющихся социальных и культурных реалий именно семья продолжает оставаться ключевым институтом социализации, в котором формируются базовые ценности, нормы и установки [2]. Однако существует значительное количество семей, характеризующихся нарушениями в системе взаимоотношений, что приводит к деформациям в представлениях подростков о родительстве. Современные исследования показывают, что качество семейного взаимодействия оказывает непосредственное влияние на развитие личности подростка, его эмоциональную сферу и социальное поведение [3;4]. Важно

различать два близких, но не идентичных понятия - дисфункциональность и деструктивность семьи. Дисфункциональность подразумевает нарушение базовых функций семьи без обязательного наличия агрессивных форм взаимодействия, тогда как деструктивность связана с активным проявлением конфликтов, насилия и эмоционального давления. Именно сравнение этих двух понятий и их влияния на формирование представлений подростков о родительстве становится актуальной научно-исследовательской задачей. Рассмотрение данного вопроса имеет не только теоретическое, но и практическое значение. С одной стороны, оно позволяет расширить понимание механизмов формирования представлений о родительстве у подростков, находящихся в неблагоприятных условиях. С другой стороны, результаты подобного анализа могут быть использованы в практике психологического сопровождения детей и подростков, а также в разработке программ профилактики воспроизводства негативных моделей семейного взаимодействия.

Подростковый возраст является сензитивным периодом для осмысления будущих жизненных сценариев [5]. В это время подростки начинают задаваться вопросами о будущем, в том числе и о возможном опыте родительства. Однако усвоение этого опыта напрямую связано с теми условиями, в которых они сами воспитываются. Если семейная среда конфликтна, существует эмоциональная депривация близости или нарушение функций заботы, то вероятность формирования искаженных, негативных представлений о родительстве значительно возрастает [6]. Ряд исследований указывает на то, что подростки из дисфункциональных семей чаще демонстрируют неуверенность в своих родительских компетенциях, склонность к избеганию мыслей о будущем родительстве и высокий уровень тревожности по поводу возможности повторить ошибки своих родителей. В то же время подростки из деструктивных семей могут демонстрировать амбивалентность: с одной стороны, выражается протест и желание воспитывать иначе, с другой стороны - сохраняется склонность к воспроизводству знакомых моделей поведения.

Важно отметить, что данная проблематика имеет также значимый социальный аспект. Воспроизводство деструктивных и дисфункциональных моделей воспитания может приводить к межпоколенческой передаче неблагоприятных сценариев семейного взаимодействия, что в долгосрочной перспективе негативно отражается на обществе в целом. Поэтому изучение данной темы актуально не только в контексте психологии развития, но и с точки зрения профилактики социального неблагополучия. Современные социальные трансформации - изменение ролей в семье, рост числа разводов, нестабильность экономических условий - дополнительно осложняют формирование у подростков позитивного образа родительства. В этих условиях именно исследование особенностей восприятия подростками деструктивности и дисфункциональности семейных отношений приобретает особую актуальность.

Данные обстоятельства обуславливают актуальность изучения проблемы представления о родительстве у подростков и факторов, оказывающих существенное влияние. Таким образом, цель данной статьи заключается в теоретико-эмпирическом анализе представлений о родительстве у подростков, воспитывающихся в условиях деструктивного и дисфункционального семейного взаимодействия. Основное внимание уделяется сравнительному анализу этих понятий и выявлению особенностей их влияния на формирование подростковых установок относительно будущего родительства.

Теоретический обзор

Проблема деструктивных форм родительства на протяжении XX–XXI вв. активно рассматривалась в зарубеж-

ной и отечественной психологии. Так, А. Адлер подчеркивал, что враждебные стили воспитания (гиперопека, авторитарность, агрессия) подрывают чувство общности и ведут к формированию невротических черт у ребенка [7]. Э. Фромм связывал деструктивное влияние с авторитарными и эксплуататорскими моделями родительства, формирующими зависимость и подавляющими личность ребенка. К. Хорни указывала, что эмоциональное отвержение и враждебность родителей приводят к развитию невротических потребностей и искажению межличностных отношений [8]. В отечественной психологии проблему деструктивных стилей воспитания исследовали А.Я. Варга, отмечавшая их травмирующее воздействие на эмоциональное развитие, и А.А. Хапаевой, описавшая проявления эмоциональной нестабильности, злоупотребления властью и агрессии в родительском поведении [9;10]. Понятие дисфункциональности в семейной психологии связано прежде всего с нарушением выполнения базовых функций семьи. Вирджиния Сатир определяла дисфункциональную семью как систему с нарушенными коммуникациями и неустойчивыми ролевыми границами [11]. М. Боуэн рассматривал дисфункциональность через призму межпоколенческих связей и недостаточной дифференциации «Я» у членов семьи [12]. С. Минухин связывал дисфункциональные проявления с размытостью границ и нарушением иерархии в семейной структуре [13].

Различие понятий «дисфункциональность» и «деструктивность» семьи имеет принципиальное значение для психологии развития. Под дисфункциональностью понимается нарушение выполнения базовых функций семьи - воспитательной, эмоционально-поддерживающей, социализирующей. При этом внешне такая семья может казаться «нормальной», но внутри нее отсутствует достаточный уровень эмоциональной близости, поддержки и принятия. Деструктивность семьи характеризуется активным проявлением негативных форм воздействия: насилия, агрессии, хронических конфликтов. В отличие от дисфункциональности, которая может проявляться в скрытой форме (например, в равнодушии, эмоциональной холодности), деструктивность имеет выраженный, открытый характер. Многие отечественные и зарубежные исследователи указывают на то, что дисфункциональность является более распространенным явлением, чем деструктивность. Ключевое различие понятий заключается в степени воздействия на личность ребенка. Дисфункциональность отражает структурные и ролевые сбои семьи, ее несостоятельность в выполнении базовых функций, что ведет к эмоциональной холодности, дефициту поддержки и трудностям социализации. Деструктивность, напротив, характеризуется активным разрушающим влиянием - агрессией, насилием, унижением или эмоциональным отвержением, что приводит к травматизации и стойким личностным деформациям. Таким образом, дисфункциональные прояв-

ления можно рассматривать как более «мягкий» уровень семейного неблагополучия, тогда как деструктивность отражает его крайнюю, травмирующую форму. Деструктивность может формироваться в семьях с недостатком времени, ресурсов или эмоциональной зрелости родителей. Подростки, воспитывающиеся в таких условиях, часто ощущают себя лишенными поддержки, что приводит к трудностям в формировании позитивной идентичности и снижению уверенности в себе. В свою очередь, деструктивные семьи нередко становятся источником психологических травм. Подростки, подвергающиеся агрессии или становящиеся свидетелями постоянных конфликтов, демонстрируют высокий уровень тревожности, агрессивности или, напротив, замкнутости. Их представления о родительстве часто окрашены страхом повторить опыт насилия, но вместе с тем и убеждением, что агрессия является допустимым способом воздействия на ребенка. Теоретический анализ показывает, что оба отклоняющихся типа семейного взаимодействия оказывают негативное влияние на подростков, но механизмы их воздействия различны. Дисфункциональность формирует дефицит позитивного опыта, тогда как деструктивность формирует негативный опыт, наполненный травмирующими событиями.

В психодраматической терапии дисфункциональные и деструктивные семейные взаимодействия рассматриваются как искаженные ролевые сценарии, в которых подросток оказывается «запертым». Дисфункциональность проявляется в том, что важные роли (поддерживающий родитель, заботливая мать, принимающий отец) остаются невостребованными или неправильно распределенными, что лишает подростка возможности гибко осваивать социальные функции. Деструктивность же понимается как наличие травмирующих ролевых взаимодействий - агрессивных, унижающих, отвергающих, - которые разрушают чувство безопасности и искажают идентичность. В психодраме такие сценарии могут быть воспроизведены и переосмыслены, что позволяет подростку дистанцироваться от разрушительных моделей и сформировать новые, более функциональные ролевые паттерны. С точки зрения психоаналитического подхода, ранние детско-родительские отношения оказывают определяющее влияние на формирование психических структур личности [14]. Недостаток эмоционального контакта или агрессивные формы взаимодействия закрепляются во внутреннем мире подростка в виде моделей, которые могут воспроизводиться в будущих отношениях, включая родительство [15]. Когнитивно-поведенческий подход рассматривает проблему через призму усвоения моделей поведения. Подростки, наблюдающие за поведением родителей, усваивают определенные сценарии, которые впоследствии воспроизводятся ими в собственной жизни. Если в семье доминирует дисфункциональность или деструктивность, подросток может перенимать эти формы как «норму»,

даже если они причиняют ему страдание [16]. Таким образом, теоретический анализ подтверждает необходимость эмпирического изучения различий в восприятии подростками деструктивности и дисфункциональности семейных отношений и их влияния на представления о родительстве.

Результаты исследования

Пилотное исследование представления о родительстве проводилось на выборке из 120 подростков в возрасте от 14 до 17 лет, обучающихся в общеобразовательных школах города. Выбор именно этой возрастной категории обусловлен тем, что подростковый период является сензитивным для формирования представлений о будущем, в том числе о родительстве. Согласно культурно-исторической концепции развития Л.С. Выготского, именно в этом возрасте происходит переход от игровой и учебной деятельности к формированию образа будущего и построению жизненных планов, что делает его особо значимым для анализа представлений о семейной жизни и родительстве.

Методом исследования выступила анкета, специально разработанная для анализа представлений подростков о родительстве и восприятия семейного опыта. Анкета включала 20 вопросов, большая часть которых была построена на основе модифицированного теста детско-родительских отношений (В.В. Столин, С.Р. Пантеев), а также дополнена авторскими вопросами. Вопросы были сгруппированы по нескольким блокам: характеристика внутрисемейных отношений (наличие конфликтов, эмоциональная поддержка, частота общения); восприятие подростками деструктивных и дисфункциональных проявлений в семье; представления о будущем родительстве (страхи, ожидания, ценности, идеальные модели семьи).

Анкетирование проводилось анонимно, с соблюдением принципов добровольного участия и конфиденциальности. Подросткам было предложено ответить на вопросы письменно в присутствии исследователя, без указания имени и иных персональных данных. Это позволило снизить социально-желательные искажения и повысить искренность ответов.

Для обработки данных применялись количественные методы анализа. В первую очередь проводился подсчет частоты выбора отдельных вариантов ответов. Далее вычислялись средние значения по ключевым параметрам (уровень эмоциональной поддержки в семье, частота конфликтов, уровень тревожности относительно будущего родительства).

Особое внимание уделялось сравнительному анализу ответов подростков, воспитывающихся в условиях деструктивных и дисфункциональных семейных от-

ношений. Данный подход позволил выявить различия в их представлениях о будущем родителстве. Так, у подростков из семей с деструктивными проявлениями чаще встречались представления о родителстве как о трудной и травматичной задаче, тогда как подростки из дисфункциональных семей акцентировали внимание на отсутствии знаний и эмоциональной поддержки, но при этом чаще высказывали желание «построить семью иначе».

Сравнительный анализ ответов подростков представлен на рисунке 1, где отображены различия в вос-

приятии влияния деструктивности и дисфункциональности семейных отношений на формирование установок относительно будущего родительства.

Как видно из рисунка 1, ответы распределились следующим образом: показал 43% подростков склонны воспринимать семейную дисфункциональность (отсутствие заботы, эмоциональной поддержки) как ключевой фактор, мешающий позитивным представлениям о родителстве. Деструктивные формы (конфликты, агрессия) отметили 34,2% подростков. Еще 20% указали на сочетание обоих факторов. Лишь 2,5% респондентов

Что мешает позитивным представлениям о родителстве (n=120)

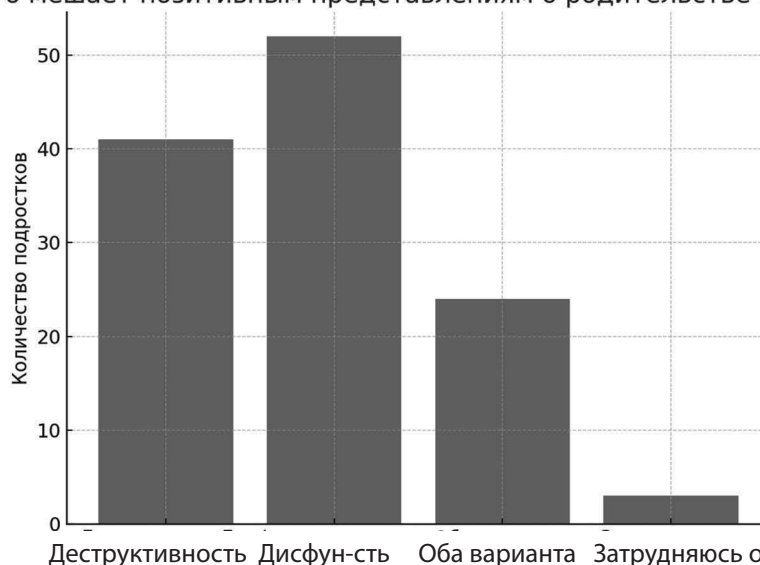

Рис. 1. Различия в восприятии влияния деструктивности и дисфункциональности семейных отношений на формирование установок относительно будущего родительства

Частота применения наказаний (n=120)

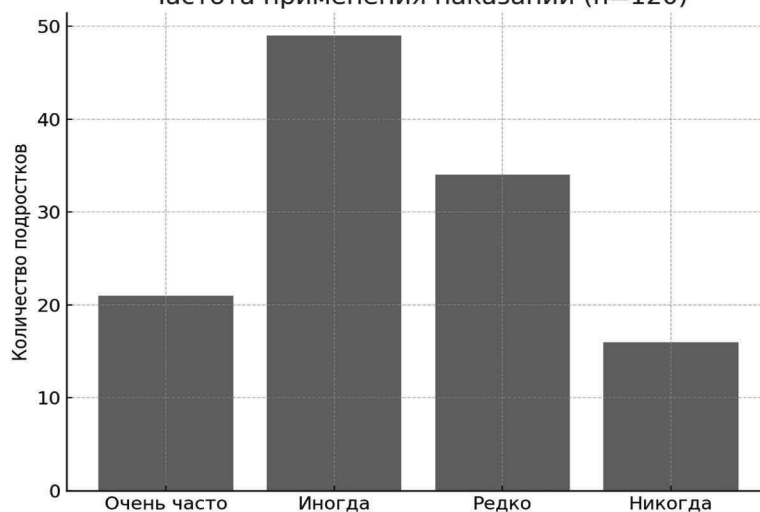

Рис. 2. Частота наказаний в семьях подростков

затруднились с ответом.

Особое внимание было уделено вопросу о частоте наказаний в семьях подростков. Согласно полученным данным, 17,5% опрошенных сообщили, что подвергаются наказаниям «очень часто», 40,8% - «иногда», 28,3% - «редко», а 13,4% указали, что наказания в их семьях не применяются. Эти результаты подтверждают распространенность как деструктивных, так и дисфункциональных практик воспитания. (Рис. 3.)

Важным результатом является выявление установок

подростков относительно будущего родительства. Большинство респондентов выразили желание воспитывать детей «иначе, чем их родители» (средний балл по шкале согласия - 4,5 из 5). При этом страх повторить ошибки родителей остается достаточно высоким (4,2 из 5). Низкими оказались показатели уверенности в достаточности знаний о воспитании (3,1 из 5) и собственных способностях справиться с ролью родителя (3,7 из 5). Таким образом, результаты исследования демонстрируют сочетание противоречивых установок подростков: с одной стороны, выражается стремление к изменениям, с другой - сохраняется высокий уровень тревожности. (Таб. 1.)

Установки подростков относительно будущего родительства (средний балл)

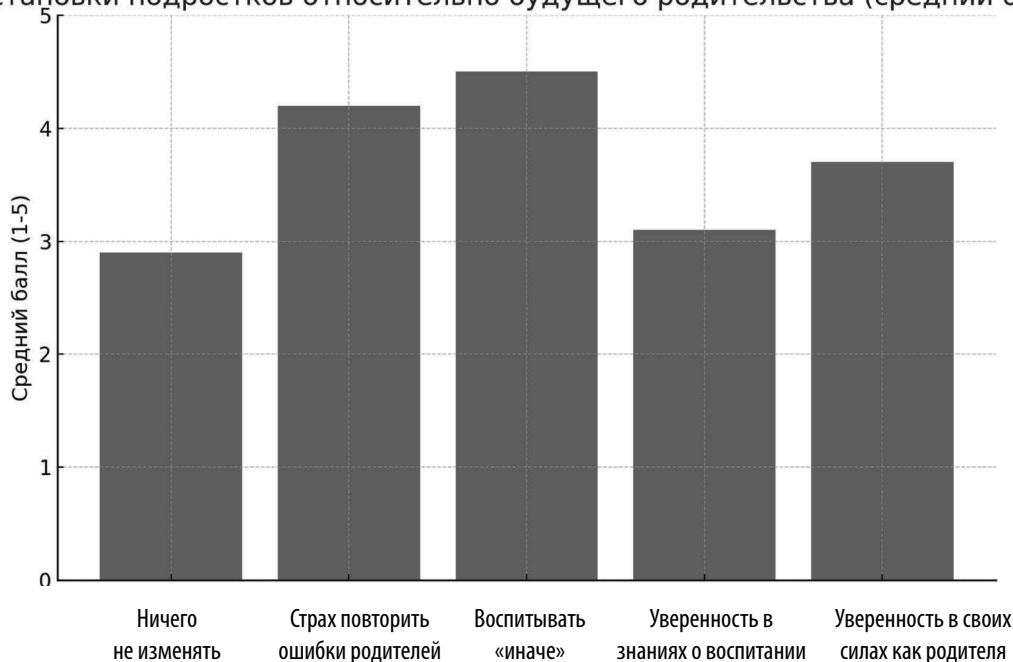

Рис. 3. Установки подростков относительно будущего родительства

Таблица 1.

Сравнительный анализ представлений о родительстве у подростков из деструктивных и дисфункциональных семей (n=120).

Тип семейного взаимодействия	Характеристика семейных отношений	Представления о родительстве у подростков	Преобладающий тип установок
Деструктивные семьи (n=41, 34,2%)	Конфликты, агрессия, частые наказания, эмоциональная нестабильность	Родительство воспринимается как тяжелая обязанность; ожидание трудностей, воспроизведение агрессивных моделей	Агрессивные и тревожные
Дисфункциональные семьи (n=52, 43,3%)	Отсутствие заботы, эмоциональная холодность, равнодушие родителей, низкий уровень поддержки	Родительство воспринимается как неопределенная и пугающая сфера; ощущение нехватки знаний и ресурсов	Тревожные и избегающе-негативные
Смешанный тип (n=24, 20%)	Сочетание элементов деструктивности и дисфункциональное	Родительство воспринимается противоречиво: одновременно страх и желание воспитывать «иначе»	Амбивалентные (колеблющиеся)
Относительно благополучные семьи (n=3, 2,5%)	Наличие поддержки и эмоциональной вовлеченности при отдельных трудностях	Родительство воспринимается позитивно, как сфера заботы и ответственности	Позитивные

Выводы

Проведенное исследование позволяет заключить, что различие между дисфункциональностью и деструктивностью имеет принципиальное значение для понимания формирования подростковых представлений о родительстве. Подростки чаще воспринимают именно дисфункциональность как ключевой негативный фактор, формирующий дефицит положительных установок. В то же время деструктивность семьи приводит к переживанию травматического опыта, который может закрепляться в сознании подростка как устойчивый образ родительства. Различие этих двух форм семейного

неблагополучия подтверждается не только теоретически, но и эмпирически. Результаты показывают, что большинство подростков стремятся избежать воспроизводства негативных сценариев и формируют потребность в поиске новых способов воспитания. Однако высокая тревожность и неуверенность указывают на необходимость системной психологической поддержки подростков. Полученные данные имеют значимое практическое значение: они могут быть использованы при разработке программ профилактики межпоколенческой передачи негативных моделей воспитания, а также в образовательных и консультативных практиках, направленных на формирование позитивных установок о родительстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цукерман Г.А. Психология саморазвития: задача для подростков. - м.: Рига, 1995.
2. Выготский Л.С. Психология развития ребенка. - М.: Смысл, 2004.
3. Братусь Б.С. Аномалии личности. - М.: Смысл, 1988.
4. Olson D. Family Assessment and Intervention. - Belmont: Brooks/Cole, 1989.
5. Erikson E.H. Identity: Youth and crisis. - New York: Norton, 1968.
6. Fonagy P., Target M. Attachment and reflective function: Their role in self-organization. Development and Psychopathology, 1997.
7. Адлер. А. Воспитание детей. - М.: Альма-Матер, 2023.
8. Хорни. К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория неврозов. -- СПб.: Питер, 2019.
9. Варга А. Я. «Не бойтесь отдавать ребенку ответственность» // Современное дошкольное образование. Теория и практика. - 2008. - №6. - С. 22–28.
10. Хапаева А.А. Влияние эмоциональной нестабильности семьи на формирование личности ребенка. // Научно-методический электронный журнал «Концепт». - 2017. - Т. 39. - С. 2216–2220.
11. Satir V. The New Peoplemaking. - Palo Alto: Science and Behavior Books, 1988.
12. Браун Дж., Кристенсен Д. Теория и практика семейной психотерапии. - СПб.: «Питер», 2001.
13. Минухин С. Семья и семейная терапия. - СПб.: Питер, 2000.
14. Bowlby J. Attachment and Loss. - London: Hogarth Press, 1969.
15. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология. - М.: Академия, 2005.
16. Мыскин С.В., Завьялова Н.Б. Социокультурные аспекты семейного насилия. – Журнал российской социологической ассоциации, 2014.

© Кузнецов Алексей Евгеньевич (ka9991103@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ РОССИИ И СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Макарошкина Наталия Викторовна

Аспирант, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации (РАНХИГС ВШГУ), (г. Москва)
nata67@mail.ru

CROSS-CULTURAL PARADIGM: A COMPARATIVE ANALYSIS OF SOCIOCULTURAL MODELS IN RUSSIA AND SOUTHEAST ASIAN (SEA) COUNTRIES

N. Makarochkina

Summary: The aim of this article is a comparative analysis of the sociocultural models of Russia and Southeast Asian (SEA) countries to optimize strategies for intercultural interaction in the context of increasing economic integration and deepening bilateral relations.

The methodological basis of the work is founded on a synthesis of etic concepts of cultural dimensions (G. Hofstede, S. Schwartz, F. Trompenaars) and emic developments from domestic cross-cultural schools (T.G. Stefanenko, N.M. Lebedeva), ensuring a comprehensive analysis of key patterns (values, communication, perception of authority).

The analysis reveals a fundamental contrast between the «Organic Collectivism» of SEA, based on Traditional legitimacy of power and network consensus, and Russia's «Hybrid Code.» The Russian model is characterized by Personal legitimacy of power, «Reactive Collectivism,» and a tendency toward low-context communication («Directness»). This necessitates that, in the Russian context, formal agreements be combined with personal responsibility and emotional argumentation.

The findings provide a foundation for developing effective cross-cultural management strategies aimed at successful adaptation and building productive cooperation in the Asia-Pacific region.

Keywords: Cross-Cultural Analysis, Hybrid Code, Sociocultural Models, Individualism/Collectivism, Legitimacy of Power, High/Low Context, Intercultural Interaction.

Аннотация: Целью статьи является компаративный анализ социокультурных моделей России и стран Юго-Восточной Азии (ЮВА) с целью оптимизации стратегий межкультурного взаимодействия в контексте возрастающей экономической интеграции и углубления двусторонних отношений.

Методологическая основа работы базируется на синтезе этических концепций культурных измерений (Г. Хофстеде, Ш. Шварц, Ф. Тромпенаарс) и эми-ческих разработок отечественных кросс-культурных школ (Т.Г. Стефаненко, Н.М. Лебедева), что обеспечивает всесторонний анализ ключевых паттернов (ценности, коммуникация, восприятие власти).

В результате анализа выявлен принципиальный контраст между «Органическим коллективизмом» ЮВА, основанным на Традиционной легитимности власти и сетевом консенсусе, и «Гибридным кодом» России. Российская модель характеризуется Персональной легитимностью власти, «Реактивным коллективизмом» и склонностью к низкоконтекстной коммуникации («Прямота»). Это обуславливает необходимость в российских условиях сочетать формальные договоренности с персональной ответственностью и эмоциональной аргументацией.

Полученные результаты предоставляют основу для разработки эффективных стратегий кросс-культурного менеджмента, направленных на успешную адаптацию и построение продуктивного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: Кросс-культурный анализ, Гибридный код, Социокультурные модели, Индивидуализм/Коллективизм, Высокий/Низкий контекст, Межкультурное взаимодействие.

Введение и актуальность исследования

В условиях глобализации и возрастающей экономической интеграции между Россией и странами Юго-Восточной Азии (ЮВА), эффективное межкультурное взаимодействие становится критическим фактором успеха в сферах бизнеса, дипломатии и образования. Исторически сложившиеся социокультурные модели России, с ее геополитической позицией между Востоком и Западом, демонстрируют уникальный комплекс характеристик, который существенно отличается от глубоко укорененных коллективистских и иерархических систем ЮВА. Актуальность данного исследования определяется необходимостью систематизации методологических подходов к кросс-культурному анализу и предоставле-

ния конкретных сравнительных характеристик, позволяющих прогнозировать и оптимизировать коммуникационные стратегии.

Теоретико-методологические основы

Кросс-культурный анализ в социальных науках базируется на концепциях культурных измерений, разработанных Г. Хофстеде [1], Ш. Шварцем [2] и Ф. Тромпенаарсом [3]. Однако для глубокого понимания специфики постсоветского и азиатского культурного пространств необходима адаптация методик и опора на работы ведущих национальных школ.

В российской кросс-культурной психологии ключевы-

ми являются разработки Г.У. Стефаненко и Н.М. Лебедевой.

1. Г.У. Стефаненко применяет в своих исследованиях психодиагностические опросники, включая адаптированные версии Шкалы культурной дистанции (на основе Bogardus Social Distance Scale), а также проективные методики типа теста «Кто Я?» (модификация Kuhn & McPartland) для анализа этнической идентичности и стереотипов [4, с. 25–40].
2. Н.М. Лебедева активно использует Кросс-культурные опросники, в частности, Методику ценностей Шварца (Schwartz Value Survey) и Шкалу индивидуализма-коллективизма [5, с. 112–128].

Методологической основой для данной работы является сравнительный анализ по ключевым измерениям (ценности, коммуникация, восприятие власти), что позволяет выявить этические (уникальные для культуры) и этические (универсальные) паттерны.

Контекстуализация сравнительного анализа на основе универсальных измерений

Сравнительный анализ социокультурных моделей России и ЮВА, основанный на общепризнанных кросс-культурных моделях, демонстрирует принципиальные различия и гибридный характер российской культуры при сопоставлении с традиционными азиатскими моделями.

1. Иерархия и легитимность власти (Дистанция власти)

Модель ЮВА, характеризующаяся «Органическим коллективизмом», демонстрирует высокую степень принятия иерархии, что коррелирует с высоким Индексом дистанции власти (PDI) [1, с. 65–78] в азиатских культурах. Легитимность власти здесь определяется традиционной основой («Предки решили так»), опираясь на обычай и историю.

В России, несмотря на выраженную социальную стратификацию, легитимность власти носит персональный характер. Власть ассоциируется с конкретной личностью («За царем — хоть в огонь»). Эта модель, находясь под влиянием высокого PDI, отличается от традиционного азиатского иерархизма тем, что фокусируется на личности лидера, а не на обезличенной структуре или обычае. [6, с. 125–127]

2. Индивидуализм и коллективизм в групповой динамике

Анализ групповой динамики требует учета многомерности понятия «коллективизм» [7].

Концепция коллективизма в ЮВА проявляется как «Органический коллективизм» — стабильная иерархия,

основанная на статусе или возрасте. Доверие базируется на консенсусе и гарантии сети связей, где отсутствует явная угроза. Данный подход полностью соответствует низкому показателю Индивидуализма (IDV), подчеркивая важность группы и поддержания гармонии [7, с. 80–85]. Это также подчеркивает ключевую роль неформальных связей (Guanxi) в процессе ведения переговоров и принятия решений в странах Восточной Азии [8, с. 281–293]

Российская модель определяется как «Реактивный коллективизм». Сплочение и мобилизация происходят преимущественно в ответ на внешний кризис или угрозу. Базисом доверия служит персональная ответственность («Взялся — делай»), Этот подход отражает гибридный, где элементы индивидуализма (высокая личная ответственность) сочетаются с коллективной реакцией. Это явление соотносится с измерением Универсализм/Партикуляризм Ф. Тромпенаарса, где российская культура демонстрирует ситуативный партикуляризм, фокусируясь на личных отношениях и контексте обязательств. [3, с. 95]. Таким образом, российская культура демонстрирует ситуативность, требующую личного обязательства, в отличие от сетевого консенсуса ЮВА.

Глубинные различия в динамике группы определяют, как культуры справляются с непредсказуемостью и строят коммуникацию.

3. Коммуникация и управление неопределенностью

Подходы к управлению неизвестностью напрямую связаны с измерением Избегание неопределенности (UAI) и системой ценностей.

- В ЮВА управление неопределенностью сводится к Гармонизации без формализации. Ценится Гибкость и способность поддерживать статус («Вписаться и процветать»). Эта концепция успеха соответствует ценностным кластерам Консерватизма и Иерархии по Шварцу, где приоритет отдается стабильности, традициям и социальному порядку. [2, с. 5–15]
- Россия, имея высокий UAI [1, с. 191–210], демонстрирует цикличность: стремление к созданию строгих правил сочетается с их ситуативным нарушением. Российская концепция успеха — «Выжить и доказать» (подвиг, преодоление), что отражает внутренний конфликт между ценностями автономии (личные достижения) и необходимостью подчиняться иерархии (выживание в нестабильной системе).

4. Коммуникационные императивы (высокий и низкий контекст)

Различия в ценностях и групповой динамике форми-

руют принципиально разные коммуникационные идеалы.

- Модель ЮВА является культурой высокого контекста [9, с. 85–97], где информация передается через невербальные сигналы, статус и контекст отношений. Идеал коммуникации — Гибкость («Гладкий как бамбук»), где прямой отказ избегается в пользу сохранения «лица» и групповой гармонии.
- Россия демонстрирует тенденцию к низкому контексту, где ценится Прямота («Правда-матка»). Коммуникация ориентирована на словесное содержание, а не на контекст. Тем не менее, как гибридная культура, она требует использования эмоциональной аргументации и неформальных личных связей для подтверждения официальных договоренностей, что является адаптацией низкого контекста под условия высокой персональной легитимности.

Сравнительный анализ социокультурных моделей России и ЮВА (составлено автором)*

Исследование выявляет принципиальные различия и гибридный характер российской культуры при сопоставлении с традиционными азиатскими моделями. (Таб. 1.)

Как показывают результаты, российская культура представляет собой гибрид между европейским индивидуализмом (высокая личная ответственность, ситуативность) и азиатским коллективизмом (персональная власть, низкий уровень доверия к формальным правилам). Это резко контрастирует с органическим коллективизмом ЮВА, где главенствует принцип поддержания иерархической гармонии [7, с. 78–95].

Выводы и практические рекомендации

Выявленный гибридный код России, сочетающий

высокий PDI с ситуативным коллективизмом и низкоконтекстной прямоотой, требует специфических управленческих подходов в сравнении с традиционным органическим коллективизмом ЮВА. Выявленные культурные различия имеют прямое прикладное значение.

1. Коммуникация в ЮВА. Необходимо уделять особое внимание неформальному протоколу, избегать прямых конфронтаций и отказов («Нам нужно обсудить»), отказов уважать ритуалы (например, вручение визитных карточек двумя руками) и внимательно интерпретировать невербальные сигналы, поскольку молчание часто означает несогласие, а не согласие [9, с. 34–51]. Также необходимо фокусироваться на построении долгосрочных личных отношений, поскольку доверие коренится в сетевых гарантиях.

2. Взаимодействие с россиянами. Требуется сочетание четких, логически выстроенных формальных предложений с персональным обязательством и готовностью к гибкому, ситуативному пересмотру планов. Эмоциональная аргументация и апелляция к личной ответственности и сочетания формальных договоренностей с неформальными личными связями значительно повышают эффективность взаимодействия. [10, с. 150–165]. Успешное управление межкультурными различиями в российских организациях также требует учета специфических культурных измерений при регулировании конфликтов [11, с. 15–32].

Интеграция России с Азиатско-Тихоокеанским регионом требует от отечественных компаний не только адаптации экономических моделей, но и глубокого понимания этих культурных различий, рассматривая российскую модель как уникальный, но управляемый гибридный код.

Таблица 1.

Параметр сравнения	Модель России	Модель стран Юго-Восточной Азии (ЮВА)
Базис доверия	Персональная и ситуативная: "Взялся — делай" (личная ответственность и обязательство).	Консенсус и гарантия сети: Доверие к группе, сети связей и отсутствие явных угроз.
Групповая модель	"Реактивный коллективизм": Сплочение происходит в ответ на внешнюю угрозу или кризис.	"Органический коллективизм": Естественная, стабильная иерархия, основанная на возрасте/статусе.
Легитимность власти	Персональная: Власть ассоциируется с конкретной личностью («За царем — хоть в огонь»).	Традиционная: Легитимность определяется обычаем и историей («Предки решили так»).
Управление неопределённостью	Цикличность: Создание строгих правил с последующим их ситуативным нарушением.	Гармонизация без формализации: Приоритет отдается гибкости, избеганию конфликтов и поддержанию «лица».
Идеал коммуникации	Прямота: "Правда-матка" (прямота как честность, низкий контекст).	Гибкость: "Гладкий как бамбук" (гибкость как мудрость, высокий контекст).
Концепция успеха	"Выжить и доказать": Успех как подвиг, преодоление трудностей.	"Вписаться и процветать": Успех как гармония с окружением и поддержание статуса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хофстеде, Г., Хофстеде, Г. Дж., & Минков, М. (2010). *Культуры и организации: Программное обеспечение разума* (3-е изд.). Нью-Йорк: МакГроу Хилл.
2. Шварц, Ш.Х. (1992). Универсалии в содержании и структуре ценностей: Теоретические достижения и эмпирические тесты в 20 странах. *Достижения в экспериментальной социальной психологии*, 25, 1–65.
3. Тромпенаарс, Ф., & Хэмпден-Тёрнер, Ч. (1993). Семь культур капитализма: Системы ценностей для создания богатства в США, Японии, Германии, Франции, Великобритании, Швеции и Нидерландах. *Даблдей*, 88–101.
4. Стефаненко, Т. Г. (2014). *Этнопсихология: Учебник для вузов*. 5-е изд. М.: Аспект Пресс, 25–40.
5. Лебедева, Н.М. (2017). Кросс-культурная психология: Индивидуализм-коллективизм и аккультурация. *Психология в России: Современное состояние*, 10(4), 112–128.
6. Баранова, Г.В. (2019). Кросс-культурный анализ моделей принятия решений в России и странах Востока. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 19(4), 582–595.
7. Трайандис, Г.К. (2004). Многочисленные измерения культурных различий и их последствия для международного бизнеса. *Журнал кросс-культурной психологии*, 15(1), 78–95.
8. Хви-Хун, Т. (2002). Гуаньси и переговоры: Восточноазиатский контекст. *Азиатско-Тихоокеанский журнал менеджмента*, 19(2), 281–293.
9. Холл, Э. Т. (1976). *По ту сторону культуры*. Нью-Йорк: Анкор Букс, 34–51.
10. Лоо, Г.М. Т. (2011). Кросс-культурный менеджмент в Азиатско-Тихоокеанском регионе. *Пирсон Эдьюкейшн*, 150–165.
11. Иванова, Е.С. (2021). Культурные измерения и управление конфликтами в российских организациях. *Организационная психология*, 11(1), 15–32.

© Макаровичкина Наталия Викторовна (nata67@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ АВТОРСКОГО МЕТОДА ВИБРОАКУСТИЧЕСКОГО МАССАЖА ПОЮЩИМИ ЧАШАМИ НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ, ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ И КАЧЕСТВО СНА ЗДОРОВЫХ ЖЕНЩИН МОЛОДОГО ВОЗРАСТА

IMPACT OF THE ORIGINAL METHOD OF VIBROACOUSTIC MASSAGE WITH SINGING BOWLS ON THE QUALITY OF LIFE, PSYCHO-EMOTIONAL STATE AND SLEEP QUALITY OF HEALTHY YOUNG WOMEN

V. Ogu
E. Bykov

Summary: Introduction. Vibroacoustic massage is used in rehabilitation and as an adjunct in the treatment of various physical and mental health problems. **Objective:** to evaluate the effect of the author's method of simultaneous acoustic and vibrational effects of singing bowls (VMSB) on the indicators of physical and mental well-being in healthy people. **Methods.** 55 young women (average age 20.61 ± 1.61 years): 33 people were in the experimental group (EG), 22 people were in the control group (KG). EG underwent a course of 10 sessions of VMSB. All participants completed a series of questionnaires to measure quality of life (SF-36 questionnaire), psychoemotional state (SAN Scale for assessing well-being, activity and mood, ZARS self-assessment scale, Spielberger-Khanin test for assessing reactive and personal anxiety) and sleep quality (PSQI, Ya.I. Levin questionnaire). Diagnostics in the experimental group was performed before the course, immediately after the course, 2 weeks and 3 months after the course, in the control group – once.

Results. The course of the VMSB contributed to:

- Steady improvement of the mental component of the quality of life (MCS, $p < 0.001$).
- Long-term improvement of well-being (SAN1) and activity (SAN2), short-term improvement of mood (SAN3).
- Significant reduction in reactive anxiety ($p < 0.001$) and ZARS anxiety ($p = 0.001$).
- Improved sleep quality according to PSQI and Levin ($p < 0.001$) for 3 months.

Conclusions. VMSB demonstrates the potential to improve the psychoemotional state, sleep quality, and mental well-being of healthy young women.

Keywords: vibroacoustic therapy, vibroacoustic massage, singing bowls, quality of life, wellbeing, anxiety, quality of sleep.

Огул Виктор Олегович

Аспирант, Уральский государственный университет
физической культуры (г. Челябинск)
DoktorNN@yandex.ru

Быков Евгений Витальевич

Доктор медицинских наук, профессор, Уральский
государственный университет физической культуры
(г. Челябинск)
bev58@yandex.ru

Аннотация: Введение. Виброакустический массаж используется при реабилитации и как вспомогательное средство при терапии различных проблем физического и психического здоровья. **Цель:** оценка влияния авторского метода одновременного акустического и вибрационного воздействия поющих чаш (ВМПЧ) на показатели физического и душевного благополучия у здоровых людей. **Методы.** 55 молодых женщин (средний возраст $20,61 \pm 1,61$ лет): 33 чел. – экспериментальная группа (ЭГ), 22 чел. – контрольная группа (КГ). ЭГ прошла курс из 10 сеансов ВМПЧ. Все участники заполнили серию опросников для измерения качества жизни (опросник SF-36), психоэмоционального состояния (Шкала САН для оценки самочувствия, активности и настроения, шкала самооценки тревожности ZARS, тест Спилбергер-Ханина для оценки реактивной и личностной тревожности) и качества сна (PSQI, опросник Я.И. Левина). Диагностика в экспериментальной группе проводилась до курса, сразу после курса, через 2 недели и 3 месяца после курса, в контрольной группе – однократно.

Результаты. Курс ВМПЧ способствовал:

- Устойчивому улучшению душевного компонента качества жизни (MCS, $p \leq 0.001$).
- Долгосрочному улучшению самочувствия (САН1) и активности (САН2), краткосрочному – настроения (САН3).
- Значимому снижению реактивной тревожности ($p < 0.001$) и тревожности по ZARS ($p = 0.001$).
- Улучшению качества сна по PSQI и Левину ($p < 0.001$) на протяжении 3 месяцев.

Выводы. ВМПЧ демонстрирует потенциал для улучшения психоэмоционального состояния, качества сна и душевного благополучия здоровых женщин молодого возраста.

Ключевые слова: виброакустическая терапия, виброакустический массаж, поющие чаши, качество жизни, самочувствие, тревожность, качество сна.

Введение

Виброакустическая терапия (BAT) представляет собой неинвазивный терапевтический подход, основанный на использовании низкочастотных звуковых

волн, воздействующих на человеческое тело. BAT рассматривается как перспективное средство реабилитации и терапии при болевых синдромах, стрессе, депрессии, психоэмоциональных нарушениях, нейродегенеративных заболеваниях, легочных заболеваниях и других про-

блемах здоровья [1-4]. Несмотря на растущую популярность, эффективность БАТ остается предметом дискуссий [5]. В значительной мере это объясняется высоким разнообразием используемого оборудования, характеристик воздействия, длительности терапевтических сессий, отсутствием общих методологических стандартов [1, р. 3]. Развитие этого направления терапии поэтому требует накопления достоверных эмпирических данных для конкретных видов БАТ, популяций и состояний.

Одним из видов БАТ является использование поющих чаш – тибетского музыкального инструмента, изначально применявшегося буддийскими монахами для проведения религиозных ритуалов, и являющегося частью современной китайской народной медицины [6]. Терапевтический эффект поющих чаш связывается с воздействием вибраций на различные ткани и органы, а также стимулирование мозговых волн [6, р.2]. В клинической практике БАТ с использованием поющих чаш использовалась при терапии таких проблем как депрессия, тревожность, проблемы сердечно-сосудистой системы, нарушения сна, аутизм, болевые синдромы и др., а также как способ улучшения психоэмоционального состояния и качества жизни [6; 7]. Из-за сравнительно небольшого числа контролируемых исследований и трудности подбора плацебо для поющих чаш, а также разнообразия популяций и предмета терапии, оценка эффективности этого направления остается актуальной задачей [6; 8]. В частности, сравнительно редко в качестве объекта воздействия выступают здоровые люди.

Настоящая статья описывает результаты исследования применения авторского метода – виброакустического массажа поющими чашами (ВМПЧ) для оценки его влияния на качество жизни, психоэмоциональное состояние и качество сна здоровых женщин молодого возраста.

Материалы и методы

Исследование проводилось на базе Уральского государственного университета физической культуры в течение 2019–2023 гг. В нем приняли участие здоровые студентки в возрасте от 19 до 22 лет, не имеющие хронических заболеваний и не состоящие на диспансерном учете. Средний возраст составил $20,61 \pm 1,61$ лет, средний рост – $169,6 \pm 10,3$ см., средний вес – $61,37 \pm 9,14$ кг.

Основная группа включала 33 молодые женщины (средний возраст $20,54 \pm 1,44$ лет). Им был назначен и проведен курс из 10 сеансов виброакустического массажа ежедневно с 2 выходными внутри курса, выполненного по протоколу государственного патента на изобретение RU 2 687 006 C1, автор и патентообладатель – Огуй Виктор Олегович [9]. Контрольная группа включала 22 женщины (средний возраст $20,67 \pm 0,87$). Диагностика в КГ проводи-

лась однократно в начале периода исследования.

В ходе исследования было изучено влияние курса ВМПЧ на следующие показатели здоровья и благополучия: качество жизни, психоэмоциональное состояние, качество сна.

Для измерения качества жизни была использована русскоязычная версия опросника SF-36, охватывающего восемь аспектов качества жизни: физическое функционирование (PF), ролевое функционирование, связанное с физическим состоянием (RP), интенсивность боли (BP), общее состояние здоровья (GH), жизненная активность (VT), социальное функционирование (SF), ролевое функционирование, связанное с эмоциональным состоянием (RE), душевное здоровье (MH). Показатели каждой шкалы варьируются в диапазоне от 0 до 100, где 100 означает полное благополучие. Первые четыре шкалы формируют компонент физического здоровья (PCS), остальные – компонент душевного здоровья (MCS). В дополнение к основному методу агрегирования шкал, основанному на использовании z-стандартизированных и взвешенных значений по всем четырем шкалам каждого компонента, в исследовании приводятся и более простые агрегированные оценки физического и душевного здоровья, использующие среднее арифметическое от соответствующих исходных шкал. Они обозначены, соответственно, как PCS-ср и MCS-ср.

Для измерения психоэмоционального состояния были использованы:

- Шкала самооценки тревожности (ZARS);
- Шкала САН, включающая три шкалы: «Самочувствие» (САН1), «Активность» (САН2), «Настроение» (САН3).
- Тест Спилбергера-Ханина для самооценки уровня тревожности как в данный момент (реактивная тревожность, РТ), так и как устойчивой личностной характеристики (личностная тревожность, ЛТ).

Для измерения качества сна использовались:

- Питтсбургская шкала оценки качества сна PSQI.
- Анкета качества сна Я.И.Левина;

В экспериментальной группе анкетирование проводилось до начала курса процедур, по окончании курса, через 2 недели и через 3 месяца после окончания курса процедур. В контрольной группе анкетирование проводилось однократно.

Исследования проводились в соответствии с правилами Хельсинкской декларации 1975 г., пересмотренный в 2013 году. Проведение исследования было одобрено комитетом по этике Уральского государственного университета физической культуры. Все испытуемые подписали добровольное информированное согласие на его проведение.

Полученные в ходе исследования данные были проверены на нормальность распределения и проанализированы на различие значений переменных до и после проведения курса ВМПЧ, а также между экспериментальной и контрольной группами. Проверка нормальности распределения с помощью критерия Шапиро-Уилка показала, что данные не подчиняются нормальному распределению для большинства данных. Сравнение двух связанных групп (динамики изменений показателей во времени) проводилось с использованием критерия Уилкоксона. Для сравнения экспериментальной и контрольной группы использовался непараметрический критерий Манна-Уитни. Проверка статистических гипотез осуществляется на уровне значимости 0,05.

Результаты

Влияние ВМПЧ на качество жизни

В таблице 1 приводится дескриптивная статистика по показателям качества жизни для экспериментальной и контрольной групп.

Показатели статистической значимости межгруппового сравнения результатов экспериментальной и контрольной группы (критерий Манна-Уитни), а также сравнения результатов экспериментальной группы до и после эксперимента (критерий Уилкоксона) приведены в таблице 2.

Таблица 1.

Средние значения и стандартные отклонения ($M \pm SD$) показателей качества жизни (SF-36) для экспериментальной (ЭГ) и контрольной (КГ) групп.

Шкала	КГ	ЭГ до	ЭГ после	ЭГ через 2 недели	ЭГ через 3 месяца
PF	95 \pm 6,9	93,71 \pm 9,48	97,42 \pm 4,06	97,9 \pm 4,24	97,9 \pm 4,04
RP	70,45 \pm 34,19	88,71 \pm 16,88	83,87 \pm 25,45	92,74 \pm 16,06	91,13 \pm 20,96
BP	64,77 \pm 24,19	75,77 \pm 24,56	76,97 \pm 25,51	77,97 \pm 26,32	81,35 \pm 21,85
GH	70 \pm 20,44	68,68 \pm 22,73	71,71 \pm 22,11	73,94 \pm 19,91	76,16 \pm 18,8
VT	60 \pm 17,53	66,77 \pm 16,91	76,45 \pm 15,66	69,52 \pm 19,12	73,87 \pm 17,11
SF	71,59 \pm 25,64	84,27 \pm 17,96	89,52 \pm 17,41	88,31 \pm 16,75	91,13 \pm 14,86
RE	43,94 \pm 45,29	69,89 \pm 34,81	75,27 \pm 33,3	80,65 \pm 29,53	82,8 \pm 33,19
MH	64,36 \pm 22,15	69,81 \pm 17,94	76,77 \pm 20,8	78,45 \pm 17,82	77,29 \pm 17,51
PCS	52,59 \pm 4,47	53,44 \pm 5,2	53,11 \pm 4,45	53,86 \pm 5,47	54,55 \pm 5,18
MCS	40,5 \pm 13,88	46,69 \pm 10,18	50,73 \pm 9,56	50,52 \pm 10,21	51,23 \pm 10,13
PCS-ср	75,06 \pm 14,23	81,72 \pm 11,92	82,49 \pm 13,5	85,64 \pm 10,29	86,64 \pm 10,92
MCS-ср	59,97 \pm 24,67	72,69 \pm 17,89	79,5 \pm 17,41	79,23 \pm 16,68	81,27 \pm 16,8

Таблица 2.

Показатели значимости p для сравнения результатов экспериментальной группы до эксперимента ($ЭГ_0$), после эксперимента ($ЭГ_1$), через 2 недели ($ЭГ_2$) и через 3 месяца ($ЭГ_3$), а также контрольной группы (КГ) по шкале качества жизни (SF-36).

Шкала	$ЭГ_1 - ЭГ_0$	$ЭГ_2 - ЭГ_0$	$ЭГ_3 - ЭГ_0$	$ЭГ_0 - КГ$	$ЭГ_1 - КГ$	$ЭГ_2 - КГ$	$ЭГ_3 - КГ$
PF	0,019	0,002	0,002	0,679	0,213	0,053	0,067
RP	0,293	0,218	0,430	0,057	0,101	0,010	0,010
BP	0,758	0,600	0,209	0,131	0,129	0,075	0,011
GH	0,517	0,020	0,011	0,885	0,651	0,442	0,226
VT	0,009	0,286	0,004	0,137	0,003	0,083	0,006
SF	0,163	0,278	0,008	0,064	0,003	0,007	0,001
RE	0,525	0,051	0,073	0,044	0,009	0,002	0,001
MH	0,067	0,002	0,004	0,446	0,022	0,018	0,022
PCS	0,769	0,430	0,349	0,613	0,652	0,417	0,129
MCS	0,055	0,009	0,001	0,170	0,007	0,011	0,006
PCS-ср	0,931	0,023	0,010	0,184	0,043	0,004	0,001
MCS-ср	0,054	0,008	0,000	0,064	0,003	0,005	0,001

Примечание: выделены значения с уровнем значимости $p \leq 0,05$

Результаты сравнительного анализа показывают, что значимые различия между экспериментальной и контрольной группами до начала эксперимента имелись по эмоционально-ролевой шкале (RE), еще по нескольким шкалам различия оказались близки к установленному порогу значимости. Поэтому наиболее информативными являются данные по шкалам, по которым различия фиксируются как между группами, так и внутри экспериментальной группы.

Сравнение результатов экспериментальной группы до и после прохождения курса показало, что сразу после его окончания произошло улучшение показателей по шкалам PF (физическое функционирование) и VT (жизненная активность). Через две недели наблюдалось улучшение по шкалам PF, GH (общее состояние здоровья) и MH (душевное здоровье). Через три месяца было зафиксировано улучшение показателей по шкалам PF, GH, VT, SF (социальное функционирование) и MH. За исключением статистически незначимого ухудшения показателей по шкале RP (ролевое функционирование, связанное с физическим состоянием), во всех остальных случаях наблюдается улучшение показателей, хотя и не достигающее уровня статистической значимости. По интегральным шкалам наблюдается значимое отложенное улучшение по компоненту душевного здоровья (MCS), но не физического здоровья (PCS).

Сравнение контрольной группы с результатами экспериментальной группы после прохождения курса ВМПЧ показало, что между ними также имеются статистически значимые различия.

Сравнение результатов экспериментальной группы, полученных непосредственно после прохождения курса, с результатами контрольной группы показало, что для нее характерны статистически значимые более высокие значения по шкалам VT, SF, RE и MH, а также по сводным шкалам MCS, MCS-ср и PCS-ср.

Сравнение результатов через 2 недели показало, что существуют статистически значимые различия между результатами контрольной группы и экспериментальной группы через 2 недели по шкалам RP, SF, RE, MH, MCS, PCS-ср и MCS-ср. Во всех случаях результаты выше в экс-

периментальной группе.

Сравнение контрольной группы с экспериментальной через 3 месяца после эксперимента показывает достоверные различия по шкалам RP, BP, VT, SF, RE, MH, MCS, PCS-ср, MCS-ср. Во всех случаях результаты выше в экспериментальной группе.

Основным доказательством эффекта вмешательства ВМПЧ служит анализ динамики показателей внутри экспериментальной группы (ЭГ) до и после курса, а также на отдаленных сроках (критерий Уилкоксона, Таблица 2). Статистически значимые улучшения по ряду шкал SF-36 (PF, VT сразу после; GH, MH через 2 недели; PF, VT, SF, MH через 3 месяца) и интегральных показателей душевного здоровья (MCS, MCS-ср на отдаленных сроках) подтверждают положительное влияние ВМПЧ. Межгрупповые сравнения (ЭГ после курса vs КГ) представлены в Таблице 2 для полноты картины, однако их интерпретация требует осторожности ввиду исходных различий между группами, обсуждаемых ниже.

Важно отметить исходные различия между группами: до вмешательства выявлены статистически значимые различия по шкале RE ($p=0.044$), а по шкалам RP, SF, MCS-ср различия приближались к порогу значимости ($p\approx 0.05-0.07$). Это указывает на неполную эквивалентность групп. Основным доказательством эффекта служит внутригрупповой анализ в ЭГ (до-после), тогда как межгрупповые сравнения (ЭГ после vs КГ) интерпретируются с учетом данной ограниченности.

Влияние ВМПЧ на психоэмоциональное состояние

В таблице 3 приводится дескриптивная статистика по показателям психоэмоционального состояния для экспериментальной и контрольной группы.

Соответствующие показатели статистической значимости межгруппового сравнения результатов экспериментальной и контрольной группы, а также сравнения результатов экспериментальной группы до и после эксперимента приведены в таблице 4.

Таблица 3.

Средние значения и стандартные отклонения ($M\pm SD$) показателей психоэмоционального состояния для экспериментальной (ЭГ) и контрольной (КГ) групп.

Шкала	КГ	ЭГ до	ЭГ после	ЭГ через 2 недели	ЭГ через 3 месяца
САН1	5,08 \pm 1,28	5,17 \pm 1,12	5,7 \pm 1,06	5,73 \pm 1,05	5,78 \pm 0,98
САН2	4,85 \pm 1,17	4,82 \pm 1,18	5,18 \pm 1,4	5,3 \pm 1,25	5,49 \pm 0,95
САН3	5,62 \pm 0,83	5,7 \pm 0,81	6,07 \pm 0,73	5,95 \pm 0,93	5,84 \pm 1,06
ZARS	34,86 \pm 8,98	33,39 \pm 9,19	30,97 \pm 8,69	29,77 \pm 7,37	29,39 \pm 8
PT	38,68 \pm 11,7	36,58 \pm 11,67	30,84 \pm 10	32,16 \pm 9,74	31,9 \pm 9,97
ЛТ	40,59 \pm 12,61	38,65 \pm 9,93	35,29 \pm 9,99	35,26 \pm 10	35,61 \pm 10,82

Таблица 4.

Показатели значимости p для сравнения результатов экспериментальной группы до эксперимента ($ЭГ_0$), после эксперимента ($ЭГ_1$), через 2 недели ($ЭГ_2$) и через 3 месяца ($ЭГ_3$), а также контрольной группы (КГ) по шкалам психоэмоционального состояния.

Шкала	$ЭГ_1-ЭГ_0$	$ЭГ_2-ЭГ_0$	$ЭГ_3-ЭГ_0$	$ЭГ_0-КГ$	$ЭГ_1-КГ$	$ЭГ_2-КГ$	$ЭГ_3-КГ$
САН1	0,010	0,005	0,002	0,772	0,091	0,035	0,044
САН2	0,156	0,046	0,001	0,950	0,212	0,128	0,036
САН3	0,002	0,041	0,095	0,731	0,041	0,114	0,161
ZARS	0,037	0,002	0,001	0,569	0,116	0,045	0,020
PT	<0,001	0,022	0,004	0,575	0,014	0,047	0,034
ЛТ	0,021	0,021	0,071	0,766	0,141	0,136	0,159

Примечание: выделены значения с уровнем значимости $p \leq 0,05$

По всем шкалам психоэмоционального состояния статистически значимые различия между группами до начала эксперимента отсутствовали. Таким образом, анализ динамики внутри экспериментальной группы (Таблица 4, колонки $ЭГ_1-ЭГ_0$, $ЭГ_2-ЭГ_0$, $ЭГ_3-ЭГ_0$) является ключевым для оценки эффекта ВМПЧ. После прохождения курса ВМПЧ были выявлены значимые различия как между группами, так и в экспериментальной группе. По всем шкалам САН благополучными считаются значения более 4 баллов, нормальные оценки находятся в диапазоне 5,0-5,5 баллов. После прохождения курса у испытуемых оценки по всем шкалам находятся в нормальной зоне или выше.

Результаты экспресс-диагностики по шкалам САН показали, что в экспериментальной группе наблюдается устойчивое улучшение самочувствия (САН1) на всех временных отрезках. По шкале активности (САН2) наблюдается отсроченное улучшение показателей, по шкале настроения (САН3) улучшение имеет место сразу после прохождения курса и сохраняется как минимум в течение двух недель.

В сравнении с контрольной группой, сразу после окончания курса в экспериментальной группе наблюдаются более высокие значения по шкале настроения. Через две недели были выявлены значимо более высокие значения в экспериментальной группе по шкале самочувствия. Через три месяца были зафиксированы более высокие показатели по шкалам самочувствия и активности. Таким образом, диагностика САН показала позитивный эффект по всем компонентам шкалы САН, но с различной временной динамикой.

По шкале ZARS наблюдаются устойчивые долгосрочные эффекты прохождения курса, выражающиеся в отрицательной динамике в экспериментальной группе на всех временных отрезках и в статистически значимо меньших значениях по сравнению с контрольной группой через 2 недели и 3 месяца. Монотонная отрицательная динамика показателя свидетельствует об устойчи-

вом снижении тревожности.

Тест Спилбергера-Ханина является информативным способом самооценки как уровня тревожности в данный момент (реактивная тревожность как состояние), так и личностной тревожности (как устойчивой характеристики человека). При интерпретации результаты оцениваются следующим образом: до 30 баллов – низкая тревожность; 31-45 – умеренная тревожность, 46 и более баллов – высокая тревожность. В исследуемой группе в целом наблюдалась умеренная тревожность.

По результатам диагностики было выявлено статистически значимое снижение уровня реактивной тревожности при всех замерах в экспериментальной группе после прохождения курса. Наиболее выраженное снижение тревожности было зафиксировано сразу после окончания эксперимента: с 36,6 до 30,8 баллов в среднем по группе. В отношении личностной тревожности замеры после прохождения курса показали улучшение показателей в кратко- и среднесрочной перспективе, но не привели к устойчивому снижению личностных характеристик. В сравнении с экспериментальной группой, наблюдается аналогичный паттерн: выражено меньший уровень реактивной тревожности после прохождения курса, и тенденция к меньшему значению личностной тревожности.

Влияние ВМПЧ на качество сна

Для оценки качества сна использовалось два инструмента. Питтсбургская шкала оценки качества сна (PSQI) позволяет оценить продолжительность сна, его качество, дневные дисфункции, влияние лекарственных препаратов и другие характеристики. Минимальное значение по шкале (0 баллов) характеризует оптимальный ночной сон, максимальный балл (21) – выраженные нарушения сна. При интерпретации результатов сумма баллов меньше 5 свидетельствует об отсутствии проблем со сном (определяет хорошее качество сна), сумма 5 и более баллов – указывает на наличие нарушений сна.

В данной статье приводятся результаты по всей шкале, а также по двум конкретным пунктам шкалы: среднему количеству минут, необходимых, чтобы заснуть, и средней продолжительности сна (в часах) за последний месяц. Шкала Левина оценивает субъективное восприятие качества сна.

В таблице 5 приведены результаты измерения по обоим шкалам в контрольной и экспериментальной группах.

Соответствующие показатели статистической значимости межгруппового сравнения результатов экспериментальной и контрольной групп, а также сравнения результатов экспериментальной группы до и после эксперимента приведены в таблице 6.

Сравнение двух групп до начала эксперимента показало, что между ними изначально имелись статистически значимые различия в качестве сна, измеренном по одному из пунктов шкалы PSQI. Студентки из экспериментальной группы, в среднем, засыпали быстрее, чем студентки из контрольной группы. Вместе с тем в обеих группах наблюдается очень высокая индивидуальная вариативность качества сна.

В целом, нарушения качества сна выявлены в обеих группах. По сводному индексу качества сна PSQI наблюдается выраженное снижение значений при всех трех замерах после прохождения курса ВМПЧ, свидетельствующее об улучшении качества сна. В экспериментальной группе также наблюдается более быстрое засыпание как

до, так и после эксперимента, а прохождение курса сопровождается еще большим уменьшением этого показателя в экспериментальной группе. В отношении продолжительности сна результаты носят неоднозначный характер: при общей более высокой продолжительности сна при замере через 2 недели разница между экспериментальной и контрольной группами не является значимой. Внутри экспериментальной группы динамика по данному показателю также отсутствует. По шкале Левина наблюдается улучшение субъективных оценок качества сна в экспериментальной группе на всех трех этапах диагностики после прохождения курса. Сравнение с контрольной группой также показывает выражено более высокие оценки на всех трех временных отрезках.

Обсуждение

В предыдущих исследованиях с использованием метода ВМПЧ был продемонстрирован положительный эффект в отношении нормализации сердечного ритма, снижения симптомов депрессии и тревожности, улучшения общего психоэмоционального состояния здоровых людей [7; 10]. Настоящее исследование представляет дополнительные свидетельства положительных эффектов ВМПЧ для здоровья человека в отношении трех аспектов: качества жизни, психоэмоционального состояния и качества сна.

Предположение о том, что БАТ способно оказывать положительные эффекты на качество жизни, нельзя отнести к числу тривиальных. В отличие от отдельных проблемных состояний, качество жизни – это наиболее

Таблица 5.
Средние значения и стандартные отклонения ($M \pm SD$) показателей качества сна в экспериментальной (ЭГ) и контрольной (КГ) группах.

Шкала	КГ	ЭГ до	ЭГ после	ЭГ через 2 недели	ЭГ через 3 месяца
PSQI	16,36±4,93	20,26±13,22	11,23±5,26	11,42±7,02	10,58±6,06
PSQI (мин)	31,05±28,9	23,81±42,71	17,52±13,67	14,15±15,1	15,21±13,76
PSQI (час)	6,29±1,63	7,1±1,58	7,05±0,75	6,67±1,65	7,04±1,76
Левин	20,59±3,69	20,71±4,23	23,58±3,98	23,71±4,23	23,77±4,24

Примечание: PSQI (мин) - среднее количество минут, необходимых, чтобы заснуть; PSQI (час) - средняя продолжительность сна в часах за последний месяц.

Таблица 6.
Показатели значимости p для сравнения результатов экспериментальной группы до эксперимента ($ЭГ_0$), после эксперимента ($ЭГ_1$), через 2 недели ($ЭГ_2$) и через 3 месяца ($ЭГ_3$), а также контрольной группы (КГ) по шкалам качества сна.

Шкала	$ЭГ_1 - ЭГ_0$	$ЭГ_2 - ЭГ_0$	$ЭГ_3 - ЭГ_0$	$ЭГ_0 - КГ$	$ЭГ_1 - КГ$	$ЭГ_2 - КГ$	$ЭГ_3 - КГ$
PSQI	0,003	<0,001	<0,001	0,510	0,002	0,001	<0,001
PSQI (мин)	0,750	0,016	0,042	0,050	0,040	0,001	0,010
PSQI (час)	0,728	0,227	0,919	0,092	0,019	0,265	0,027
Левин	0,001	<0,001	<0,001	0,598	0,003	0,002	0,001

Примечание: выделены значения с уровнем значимости $p \leq 0,05$; PSQI (мин) - среднее количество минут, необходимых, чтобы заснуть; PSQI (час) - средняя продолжительность сна в часах за последний месяц.

общая характеристика человеческого благополучия, охватывающая разные стороны жизни. Способность ограниченной во времени программы с использованием виброакустических воздействий влиять на общее состояние жизни человека может показаться очень сильным и спорным утверждением. Тем не менее, в некоторых исследованиях, использующих различные техники терапии и методики измерения, были продемонстрированы возможные позитивные эффекты этого подхода для благополучия и качества жизни [11-13]. В литературе имеются также ограниченные данные об оценке эффекта поющих чаш и тибетской звуковой терапии на качество жизни, измеренное при помощи опросника SF-36, – однако в отношении различных клинических популяций [6, р.6]. В частности, К. Милбери и др., оценивая влияние программы тибетских звуковых медитаций (TSM) на состояние онкологических больных, установили ее позитивный эффект в отношении компонента душевного здоровья (MCS), но не физического (PCS) [14].

Полученные нами результаты с использованием метода ВМПЧ среди здоровых молодых женщин показывают аналогичный паттерн. Важно подчеркнуть, что устойчивое и значимое улучшение было выявлено именно для душевного компонента качества жизни (MCS), в то время как изменения физического компонента (PCS) были менее выраженными и статистически незначимыми на большинстве замеров (Таблица 2). Они демонстрируют, что прохождение курса сопровождается устойчивым улучшением и значимо более высокими – по сравнению с контрольной группой – значениями компонента душевного доверия, преимущественно за счет шкал душевного здоровья и жизненной активности. В отношении аспектов физического здоровья (PCS) результаты оказались **менее выраженными и статистически незначимыми** на большинстве замеров (Таблица 2), **несмотря на наблюдаемое улучшение по отдельным шкалам (физическое функционирование и общее состояние здоровья) в экспериментальной группе**. Это указывает на то, что **основной положительный эффект ВМПЧ у здоровых молодых женщин связан именно с душевным компонентом качества жизни (MCS)**. Полученные данные демонстрируют, что прохождение курса сопровождается устойчивым улучшением и значимо более высокими – по сравнению с контрольной группой – значениями компонента душевного здоровья, преимущественно за счет шкал душевного здоровья и жизненной активности. **Следовательно, в первую очередь, положительный эффект относится к душевному компоненту и может быть связан с улучшением психоэмоционального состояния, что подтверждается и другими результатами данного исследования (см. ниже)**. В то же время некоторый позитивный эффект наблюдается и по отношению к физическому здоровью. В предыдущих исследованиях отмечалась позитивная роль BAT в мышечной релаксации и улучшении сердечного ритма,

что может способствовать улучшению физического здоровья [7; 13]. Однако проверка этой гипотезы требует дальнейших исследований.

Интерпретация результатов требует учета исходных различий между ЭГ и КГ по ряду шкал качества жизни (особенно RE). Хотя внутригрупповой анализ подтверждает эффект ВМПЧ, неэквивалентность групп ограничивает силу межгрупповых сравнений. Следовательно, основным аргументом в пользу эффективности ВМПЧ в данном исследовании служит выявленная значимая положительная динамика показателей в экспериментальной группе по результатам внутригруппового анализа (до-после и долгосрочные замеры), представленная в таблицах 2, 4 и 6.

Полученные результаты подтверждают позитивный эффект виброакустического массажа в отношении психоэмоционального состояния. Полученные результаты относятся к двум аспектам: комплексной оценке психоэмоционального состояния и тревожности. В отношении комплексной оценки нам неизвестны другие исследования, использующие шкалу САН при использовании BAT с поющими чашами. В обзоре Й. Каи и др. делается осторожный вывод о возможном положительном влиянии поющих чаш на настроение, однако данные считаются недостаточными [6, р. 7]. В предыдущем исследовании с использованием метода ВМПЧ было показано, что однократное применение процедуры приводит к улучшению самочувствия и активности, но не настроения [7, р.486]. Исследование Т. Голдсби и др., напротив, показало, что сеансы тибетской звуковой медитации с поющими чашами способствовали снижению напряженности, гнева, усталости и депрессивного настроения, причем этот эффект более выражен для новичков, не имеющих подобного опыта медитаций [15]. Некоторые исследования с использованием других технологий виброакустического массажа также демонстрируют улучшение настроения после прохождения курса [16].

Настоящее исследование подтверждает, что сочетание звуковых и тактильных воздействий поющих чаш может позитивно сказываться на всех компонентах САН, хотя и с разными временными характеристиками. Позитивное влияние курса на настроение носило относительно кратковременный характер, а влияние на активность и самочувствие – долговременный. Это объяснимо, если учесть, что настроение представляет собой контекстуально-специфичное состояние психики и потому может существенно зависеть от условий проведения конкретной терапевтической сессии.

В отношении тревожности накопленные данные носят более обширный характер. Ряд исследований подтверждают, что применение терапии поющими чашами может усиливать обычные терапевтические программы

и снижать тревожность у пожилых пациентов и пациентов с различными проблемами со здоровьем [6, р.4]. Как минимум в одном исследовании было продемонстрировано выраженное позитивное влияние терапии поющими чашами на снижение уровня тревожности здоровых людей [17]. Однако это влияние основывалось только на звуковых эффектах поющих чаш, тогда как в ВМПЧ используется также прямой контакт чаши с телом. В предыдущем исследовании с использованием этого метода было выявлено снижение как реактивной, так и личностной тревожности после одиночной сессии [7]. В настоящем исследовании было подтверждено значимое снижение реактивной тревожности после прохождения курса ВМПЧ. В отношении устойчивой личностной склонности к тревожным реакциям эффект также был обнаружен, однако скорее краткосрочный и не такой выраженный. Тем не менее, в совокупности с подтвержденным снижением субъективной тревожности по шкале ZARS можно предположить, что позитивный эффект ВМПЧ связан прежде всего с улучшением субъективных реакций индивида на потенциальные стрессоры повседневной жизни и стабилизацией психоэмоционального состояния.

Еще одним вопросом исследования стало возможное влияние ВМПЧ на качество сна. Использование двух различных методик в настоящем исследовании показало устойчивое улучшение качества сна после прохождения курса. Общее улучшение по обеим шкалам особенно показательно, если учесть, что улучшение мало затрагивает продолжительность сна – на которую могут оказывать влияние контекстуальные факторы, не контролируемые человеком, такие как учебная или рабочая нагрузка. Имеющиеся данные, касающиеся использования терапии поющими чашами на качество сна являются противоречивыми, в том числе из-за значительных различий в методах и популяциях, однако указывают на ее потенциал как для клинических, так и здоровых популяций [6, р.4-6]. Особенность большинства таких исследований заключается в том, что они проведены преимущественно в Китае и используют, как правило, бесконтактные формы терапии поющими чашами.

Специфика авторского метода ВМПЧ заключается в комбинированном воздействии: акустическом спектре чаш, тактильной вибрации при контакте с телом и сенсорной интеграции. Полученные долгосрочные эффекты влияния на самочувствие, активность и сон могут объясняться этим комплексным воздействием на нейрофизиологическую регуляцию (например, модуляцию автономной нервной системы), что отличает ВМПЧ от бесконтактных методов.

Применение контактного метода (ВМПЧ) позволяет предположить, что дополнительный эффект, связанный с непосредственным вибрационным воздействием,

может способствовать улучшению качества сна за счет комплексного воздействия на психоэмоциональное состояние, работу сердечно-сосудистой и нервной систем. В исследовании Дж. Забреки и др. также использовалось сочетание акустического и вибрационного воздействия с использованием специального кресла среди пациентов с бессонницей [18]. Использование метода функциональной магниторезонансной томографии позволило им связать улучшение состояния с изменениями функциональной связности отдельных областей мозга, регулирующих возбудимость, тем самым открывая путь к объяснению глубинных механизмов воздействия виброакустического массажа.

В совокупности с предыдущими исследованиями, использующими метод ВМПЧ, полученные результаты подтверждают его эффективность в отношении широкого спектра проблемных состояний. Это отражает формирующееся понимание того, что виброакустическое воздействие на человеческое тело задействует целый ряд механизмов, относящихся к работе опорно-двигательного аппарата, сердечно-сосудистой и нервной систем [19].

Заключение

Проведенное исследование подтверждает потенциал виброакустического массажа не только как вспомогательного терапевтического средства при решении различных проблем со здоровьем, но и как самостоятельного метода улучшения психоэмоционального состояния и качества жизни различных категорий здорового населения. Сочетание акустического и тактильного воздействия поющих чаш оказывает широкий спектр позитивных эффектов на благополучие человека. Прежде всего, эти эффекты связаны с нормализацией психоэмоционального состояния. В совокупности с предыдущими результатами, подтверждающими положительное влияние ВМПЧ на работу сердечно-сосудистой системы, они способствуют повышению адаптивности организма к различным стрессорам. Важным результатом стало подтверждение не только кратковременных эффектов, но и долгосрочного улучшения по показателям душевного здоровья, самочувствия, ситуативной тревожности и качества сна.

Метод ВМПЧ подтвердил эффективность в улучшении психоэмоционального состояния, качества сна и душевного благополучия у здоровых женщин молодого возраста.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются: проверка полученных результатов на других популяциях (в частности, мужчин) с целью установления устойчивости выявленных эффектов; сравнение ВМПЧ с плацебо (чаша без звука) и бесконтактным вариантом метода (звук без тактильной составляющей);

анализ связи между различными переменными, характеризующими состояние здоровья испытуемых. Тем не менее, накопленные свидетельства уже сейчас подтверждают значительный потенциал авторского метода ВМПЧ.

Выводы

1. Прохождение курса авторского метода виброакустической терапии молодыми здоровыми женщинами способствует устойчивому, длящемуся как минимум 3 месяца, улучшению психоэмоционального состояния по таким показателям как самочувствие, активность, ситуативная тревожность. Тенденция к улучшению настроения является неустойчивой.

2. Курс ВМПЧ оказывает менее выраженное и менее устойчивое положительное влияние на личностную тревожность по сравнению с реактивной тревожностью.

3. Прохождение курса ВМПЧ достоверно способствует устойчивому (не менее 3 месяцев) улучшению качества сна у молодых здоровых женщин

4. Прохождение курса ВМПЧ оказывает устойчивое положительное влияние преимущественно на аспекты качества жизни, связанные с душевным здоровьем (MCS), что подтверждается значимыми изменениями во внутригрупповом анализе ЭГ и межгрупповых сравнениях на отдаленных сроках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kantor J. et al. Exploring vibroacoustic therapy in adults experiencing pain: a scoping review // BMJ open. – 2022. – Т. 12. – №. 4. – С. e046591. – 9 с.
2. Fooks C., Niebuhr O. Effects of Vibroacoustic Stimulation on Psychological, Physiological, and Cognitive Stress // Sensors. – 2024. – Т. 24. – №. 5924. – 38 с.
3. Wang X., Xie Z., Du G. Research on the Intervention Effect of Vibroacoustic Therapy in the Treatment of Patients with Depression // International Journal of Mental Health Promotion. – 2024. – Т. 26. – №. 2. – С. 149-160.
4. Konkayev A., Bekniyazova A. Vibroacoustic therapy in the treatment of patients with COVID-19 complicated by respiratory failure: a pilot randomized controlled trial // Frontiers in Medicine. – 2023. – Т. 10. – №. 1225384. – 6 p.
5. Shah V.D. A Critique of Vibroacoustic Therapy for Physical and Mental Ailments // The Undergraduate Journal of Psychology. – 2021. – Т. 32. – №1. – С. 128-140.
6. Cai Y. et al. Therapeutic effects of singing bowls: a systematic review of clinical studies // Integrative Medicine Research. – 2025. – Vol. 14. – №. 101144. – 8 с.
7. Oguy V.O., Bykov E., Litvichenko E. Single vibroacoustic impact effect of singing bowls over the psycho-emotional state and cardiovascular system work // Journal of Intellectual Disability – Diagnosis and Treatment. – 2021. – Т. 9. – №. 5. – С. 483-494.
8. Stanhope J., Weinstein P. The human health effects of singing bowls: A systematic review // Complementary therapies in medicine. – 2020. – Vol. 51. – Article 102412. – 7 p.
9. Способ вибрационно-акустического массажа: Пат. 2687006 Рос. Федерация. МПК А61Н23/00 В.О.Огуй; № 2018121741; заявл. 14.06.18; опубл. 06.05.19. – Бюл. № 13. – 29 с.
10. Огуй В.О. Срочные и отложенные эффекты влияния виброакустического массажа на активность уровней нейровегетативной регуляции ритма сердца здоровых женщин молодого возраста // Сетевое издание «Научно-спортивный журнал». – 2025. – №1 – С. 133-146.
11. Bieligmeyer S., Helmert E., Hautzinger M., Vagedes J. Feeling the sound—short-term effect of a vibroacoustic music intervention on well-being and subjectively assessed warmth distribution in cancer patients – A randomized controlled trial // Complementary therapies in medicine. – 2018. – Vol. 40. – P. 171-178.
12. Morrison A., Manresa-Yee C., Knoche H. Vibrotactile and vibroacoustic interventions into health and well-being // Universal Access in the Information Society. – 2018. – Vol. 17. – P.5-20.
13. Vilímek Z., Kantor J., Kořínková J.. The impact of vibroacoustic therapy on subjective perception of university students—mixed design pilot study // Universal Journal of Educational Research. – 2021. – Vol. 9. – P.1409-1420.
14. Milbury K., Chaoul A., Biegler K. et al. Tibetan sound meditation for cognitive dysfunction: results of a randomized controlled pilot trial // Psycho-Oncology. – 2013. – Vol. 22. – No. 10. – P. 2354-2363.
15. Goldsby T.L., Goldsby M.E., McWalters M., Mills P.J. Effects of singing bowl sound meditation on mood, tension, and well-being: an observational study // Journal of evidence-based complementary & alternative medicine. – 2017 – Vol. 22. – No. 3. P. 401-406.
16. Campbell E.A., Hynynen J., Ala-Ruona E. Vibroacoustic treatment for chronic pain and mood disorders in a specialized healthcare setting // Music and Medicine. – 2017. – Vol. 9. – No. 3. – P. 187-197.
17. Rio-Alamos C. et al. Acute relaxation response induced by Tibetan singing bowl sounds: a randomized controlled trial // European Journal of Investigation in Health, Psychology and Education. – 2023. – Т. 13. – №. 2. – С. 317-330.
18. Zabrecky G., Shahrapour S., Whitely C. et al. An fMRI study of the effects of vibroacoustic stimulation on functional connectivity in patients with insomnia // Sleep disorders. – 2020. – No. 1. – Article 7846914. – 9 p.
19. Bartel L., Mosabbir A. Possible mechanisms for the effects of sound vibration on human health // Healthcare. – 2021. – Vol. 9. – Article 597. – 35 p.

© Огуй Виктор Олегович (DoktorNN@yandex.ru), Быков Евгений Витальевич (bev58@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ХРИСТИАНСТВА НА ПРАВО

THE INFLUENCE OF CHRISTIANITY
ON THE LAW

E. Vasilyeva

Summary: This article explores the influence of Christianity on the development and formation of legal principles in various societies throughout history. The article presents an analysis of the foundations of Christian ethics that have influenced the law. Special attention is paid to the concept of Christian law and its role in the formation of moral norms and legal principles. The author explores biblical sources since early Christianity and traces its influence on the laws and the process of law-making over the centuries, including judicial practice, property law, human rights. The author concludes that it is necessary to further study the influence of religious factors on law and the importance of taking into account this historical connection in the modern world.

Keywords: christianity, legal system, religion, law, Christian values.

Васильева Евгения Николаевна

доктор искусствоведения, кандидат юридических наук,
почетный член Российской академии художеств, член
Творческого союза художников России, юрист коллегии
адвокатов «Гриднев, Харитонов и Партнеры», (г. Москва)
catarsis394@gmail.com

Аннотация: Данная статья исследует влияние христианства на развитие и формирование правовых принципов в различных обществах на протяжении истории. В статье представлен анализ основ христианской этики, которые оказали влияние на право. Особое внимание уделено понятию христианского закона и его роли в формировании моральных норм и правовых принципов. Автор исследует библейские источники начиная с раннего христианства и прослеживает его влияние на законы и процесс правотворчества на протяжении веков, в том числе на судебную практику, право собственности, права человека. Автор делает вывод о необходимости дальнейшего исследования влияния религиозных факторов на право и о значимости учета этой исторической связи в современном мире.

Ключевые слова: христианство, правовая система, религия, закон, христианские ценности.

С православной точки зрения, понятие «право» и термины «правда» и «справедливость» имеют одно и то же происхождение. Православные считают, что человек нарушил Божий закон, совершив первородный грех, в результате чего возникло право, как система правовых норм, утвержденных и реализуемых самим человеком.

Православие также считает, что человек совершил первородный грех и нарушил изначальный Божественный закон. Именно вследствие его грехопадения и возник закон как система правовых норм, в том числе и моральных, утверждаемых и реализуемых самим человеком и обязательных для всех членов общества. Такой порядок существует с позволения Бога в силу греховности самого человека. Закон направлен не на установление Царства Божьего на земле, а на предотвращение социального беспорядка, и один из важнейших его принципов – не делать другим того, чего мы не хотели бы, чтобы делали нам.

В светских государствах закон отделен от вероучения Церкви, и его содержание иное. Однако Церковь не всегда была противопоставлена светскому праву. Например, раннее христианство существовало в контексте римского гражданского права, которое со временем стало проникать в христианство и трансформироваться в современную правовую форму.

Однако с позиции православия, церковное право

никогда не заменит гражданское законодательство. Это вызвано тем, что человеческое общество от природы греховно и не способно полностью перенять церковный опыт. Поэтому задача церкви и канонического права скорее заключается в том, чтобы направлять в силу возможности гражданское законодательство, освещать его учением Христа. Таким образом, без воцерковления и победы над грехом церковное право не заменит гражданское, согласно православной точке зрения, это станет возможным только после Второго пришествия.

Однако это не означает, что светское право оказывает негативное влияние на человека. Напротив, зачастую оно способствует развитию человека и человечества в либеральном направлении. Так было и с римским правом, которое легло в основу гражданского права многих христианских стран. Иными словами, христианское мировоззрение стало «закваской» (Мф. 13:31) для преобразования и изменения римского права.

В «Дигестах» Юстиниана право определяется как «искусство доброго и справедливого»¹, и римские юристы, а затем и византийские пытались рассматривать право именно в этом ключе.

В христианском понимании все люди равны перед Богом, но в Древнем Риме перед законом и судом были равны только полноправные граждане. Иными словами, римская имперская система не давала прав таким чле-

1 Дигесты Юстиниана / Избранные фрагменты в перев. и с примеч. И.С. Перетерского. – М.: Наука, 1984.

нам общества, как рабы и иммигранты, а действовала только в отношении части населения империи. В современной юриспруденции, воспринявшей христианское требование равенства, принцип равенства проявляется в том, что все равны перед законом и судом.

Русский православный философ А.Ф. Лосев писал о том, что римляне обычно воспринимали мир только как социальный, когда кто-то по праву приказывает, а другой по обязанности повинуетс².

Такой подход к праву, основанный на власти, проявлялся во многих сферах жизни. Например, римское право понимало свободу как возможность любого человека поступать по своему усмотрению, если это не запрещено силой или законом. Римское право считало, что разумный человек обладает свободой воли, и поэтому может предвидеть последствия своих действий. Поэтому ни раскаяние, ни признание ни в коей мере не могли смягчить ответственность за преступление. Таким образом, римское право придерживалось принципа: «Никто не может улучшить положение, созданное противоправным деянием». Этим оно заметно отличалось от христианской доктрины, которое стремилось к прощению даже провинившихся индивидов. Такое отношение в первую очередь вызвано тем, что христианство видит в каждом человеке образ Бога, пусть и запятанный грехом. А это значит, что каждый человек достоин прощения, что выражается в словах Павла: «Перед своим Господом стоит он, или падает. И будет восстановлен, ибо силен Бог восстановить его» (Рим. 14, 4).

Безусловно, христианская мораль не стремится оправдать любое беззаконие: невозможно помиловать или простить грешника, не совершившего покаяние. На юридическое представление о преступлениях, не имеющих срока давности, повлияло именно христианское учение о смертных грехах. То есть христианство не отменяет принцип неотвратимости наказания, но считается, что финальный вердикт может вынести только Бог, а в силах человека лишь стремиться к праведности и наставлению других: «благословением праведных возвышается город, а устами нечестивых разрушается» (Притч.11.11).

Таким образом, православие говорит о возможности исправления и преображения оступившегося человека, оно утверждает, что каждый может стремиться к очищению от греха, если действительно направит на это свои силы. Из рассмотрения в христианстве греха как болезни, а не как к приговору, вытекает и отношение христиан к преступнику скорее, как к больному, чем к виновному.

Итак, в светское право были введены такие аспекты как смягчающие вину обстоятельства, раскаяние – покаяние, милосердие, прощение (амнистия), помилование, а наказание перестало быть методом устрашения, став инструментом исправления и наставления под влиянием христианского мировоззрения.

Христианский взгляд на природу человека оказал влияние на всевозможные аспекты светского права, в том числе гражданского, во многих государствах современного мира. Христианство призывает быть добросовестным, отказавшись от корыстных намерений. Так, Апостол Павел говорит о том, что желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть, и во многие похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу (1 Тим. 6. 9 – 11), а Церковь напоминает о получении всех земных благ от Бога. Именно христианское отношение к вопросам собственности и гражданских прав стало основой для многих государственных инициатив, поощряющих и побуждающих благотворительные усилия, пресечение злоупотребления правами, укрепление системы социальной защиты.

Взаимодействие церкви и права продиктовано стремлением церкви восстановить человеческое общение с Богом. Влияя на те законы, что регулируют жизнь человека, церковь направляет общество к спасению, это можно отнести и к проблемам защиты прав человека, возможной в своей подлинности только в открытости его своей собственной глубине, в освобождении от власти греха, от пленения вещами и страстями, от частного, затмевающего целое и лишаящего жизнь настоящего смысла³.

Церковь стремится формировать нравственные основы общества, укреплять правосознание и поэтому в Церкви ведется работа по изучению права. Православная трактовка права видит право, как инструмент спасения, а потому актуальным представляются поиски взаимодействия теологии и юриспруденции.

Теология не ограничивается лишь анализом богословских взглядов, а также исследует области знания на стыке с другими гуманитарными науками, включая юриспруденцию. И теология, и право имеют в своей основе авторитетные тексты, которые подвергаются различным толкованиям, исследуются и на их основе выстраиваются различные теории. На практике взаимодействие права и теологии вылилось в институт канонического (Церковного) права, которое активно исследовали в России до революции, отмечая ключевую роль религии в формировании российского права. М.Е. Красножен, отмечал, что значительная часть отраслей российского права развивалась не без влияния церковного законодательства⁴.

2 Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика I – II вв. н.э. – М.: 1979.

3 Мысли русских Патриархов от начала до наших дней. – М.: Сретенский монастырь. Новая книга. Ковчег, 1999.

4 Красножен М.Е. Краткий очерк церковного права. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1900. С. 9.

Поэтому без знания права канонического немыслимо и изучение многих отраслей права. Современные исследователи, в числе которых Владислав Цыпин, опубликовавший большое число монографий и статей по канонике⁵, выражают свое согласие с этим тезисом. Однако актуальным остается вопрос о месте каноники в ряду наук: долгое время ее рассматривали лишь как часть богословского дискурса, но появляется все больше и больше сторонников подхода, утверждающего необходимость рассматривать каноническое право автономно⁶.

Наиболее важным вопросом для исследователей канонического права является вопрос об источниках церковного права. Например, А.А. Дорская считает, что существует три подхода к анализу канонического права: теологический, юридический и нигилистический. Однако даже представители первого подхода, такие как епископ Иоанн (Соколов), зачастую обращаются в своих текстах к опыту светского права. Иоанн рассуждал о трех источниках права: канонических, исторических и практических⁷.

Со временем каноническое право еще больше отделилось от богословия и перешло в поле внимания юридических наук. Решающую роль в этой трансформации сыграла историческая школа права, утвердившая необходимость поиска, сбора и классификации источников канонического права⁸. В XIX веке многие ученые-юристы задавались вопросами о соотношении каноники со светским правом в частности и роли религии в функционировании государства в целом и общества в частности⁹. Наблюдаемые изменения происходили на фоне законодательных реформ, касающихся положения церкви.

Таким образом, каноническая наука к началу XX века стала рассматриваться с упором на юридический аспект, который подтверждал ключевую роль религии в функционировании права в России на протяжении всей ее истории. Важно заметить, что теологический аспект при этом не отвергался, но рассматривался как ключевой источник канонического права.

Подобные подходы к исследованию канонического права возродились в России в 1990-е годы, когда стали появляться работы, посвященные различным отраслям канонического права: семейному, гражданскому, уголовному праву. Однако ключевым вопросом оставался вопрос о путях взаимодействия каноники и светского права. Можно отметить работы Т.Е. Новицкой, Е.В. Белякова и Е.П. Гаранова¹⁰.

Другим немаловажным вопросом, волнующим исследователей, является вопрос о природе и сущности каноники. Существует несколько взглядов на проблему: одни считают каноническое право отдельной отраслью, которую невозможно вписать в рамки выделенных на данным момент правовых семейств, другие рассматривают церковное право, как одну из форм корпоративного права¹¹. Следует отметить, что второй подход не нашел должного развития в России, во многом потому, что российское законодательство определяя корпорации говорит о задачи таких структур извлекать выгоду, в то время как Церковь заявляется некоммерческой организацией. Также поднимается вопрос о поле действия канонического права: действует ли оно только в рамках церковной организации или имеет более широкое влияние в российском обществе.

Современное российское право является, во многом, наследником канонического права, пусть и носит явный светский характер. При этом изучение теологии необходимо для понимания каноники, что в свою очередь говорит об актуальности изучения теологии для понимания вопросов генезиса и развития права в России. А.А. Вишневский писал, что изучение каноники должно начинаться с источника, то есть христианства¹². Следует уточнить, что члены российского общества в дореволюционный период должны были соблюдать нормы канонического права, даже если принадлежали к другой религии, так как нормы каноники заключались в правовой системе государства¹³.

С принятием христианства в X веке Русь приняла

5 Цыпин В., свящ. Церковное право. Учебное пособие. Клин: Христианская жизнь, 2002. С. 8 – 9.

6 Дорская А.А. Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII - начала XX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. М.: Российский государственный социальный университет, 2008. С. 5.

7 Иоанн (Соколов), еп. Опыт курса церковного законоведения. СПб.: Типография Фишера, 1851. С. 23.

8 Заозерский Н.А. Историческое обозрение источников права Православной Церкви. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1891.

9 Бердников И.С. Открытия в области церковного права, сделанные современным так называемым обновленческим движением. Вып. 1. Казань: Центральная типография, 1908.

10 Новицкая Т.Е. Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII века. М.: Зерцало-М, 2005 Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М: Культурный центр «Духовная библиотека», 2004; Гаранова Е.П. Церковное право в правовой системе российского общества (общетеоретический и исторический аспекты). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2004.

11 Варьяс М.Ю. Церковное право в романо- германской правовой системе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М.: Московская государственная юридическая академия, 1997. С. 18 – 24.

12 Вишневский А.А. О системе канонического права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 4. С. 47–59.

13 Петюкова О.Н. Проблемные аспекты определения места церковного права в современной системе права // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 3. С. 147.

византийскую правовую систему, которая представляла из себя синтез гражданского и канонического права. Таким образом, российское право развивалось под влиянием христианской доктрины и восприняло

христианский призыв к равенству и любви. Это воплотилось в формировании моральных норм и правовых принципов, которые лежат в основе современного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белякова, Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни / Е.В. Белякова. — М: Культурный центр «Духовная библиотека», 2004. — 664 с.
2. Бердников, И.С. Открытия в области церковного права, сделанные современным так называемым обновленческим движением. Вып. 1. / И.С. Бердников. — Казань: Центральная типография, 1908. — 67 с.
3. Варьяс М.Ю. Церковное право в романо-германской правовой системе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М.: Московская государственная юридическая академия, 1997. — 25 с.
4. Вишневский, А.А. О системе канонического права / А.А. Вишневский // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2010. — № 4. — С. 47–59.
5. Гаранова, Е.П. Церковное право в правовой системе российского общества (общетеоретический и исторический аспекты): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2004. — 32 с.
6. Дигесты Юстиниана / Избранные фрагменты в перев. и с примеч. И.С. Перетерского. — М.: Наука, 1984. — 456 с.
7. Дорская, А.А. Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII — начала XX вв.: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — М.: Российский государственный социальный университет, 2008. — 40 с.
8. Заозерский, Н.А. Историческое обозрение источников права Православной Церкви / Н.А. Заозерский. — М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1891. — 275 с.
9. Иоанн (Соколов), еп. Опыт курса церковного законоведения. — СПб.: Типография Фишера, 1851. — 514 с.
10. Красножен, М.Е. Краткий очерк церковного права / М.Е. Красножен. — Юрьев: Типография К. Маттисена, 1900. — 160 с.
11. Лосев, А.Ф. Эллинистически-римская эстетика I — II вв. н.э. / А.Ф. Лосев. — М.: Изд-во МГУ, 1979. — 416 с.
12. Мысли русских Патриархов от начала до наших дней. — М.: Сретенский монастырь. Новая книга. Ковчег, 1999. — 558 с.
13. Новицкая, Т.Е. Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII века. — М.: Зерцало-М, 2005. — 568 с.
14. Петюкова, О.Н. Проблемные аспекты определения места церковного права в современной системе права / О.Н. Петюкова // Вестник Московского университета МВД России. — 2010. — № 3. — С. 358–364.
15. Святитель Василий Великий. Письма // Творения. — Сергиев Посад, 1892. — С. 39–50.
16. Цыпин В., свящ. Церковное право: учебное пособие / В. Цыпин. — Клин: Христианская жизнь, 2002. — 703 с.

© Васильева Евгения Николаевна (catarsis394@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ В УСЛОВИЯХ ПОСТПРАВДЫ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

THE PROBLEM OF TRUTH IN THE POST-TRUTH ERA: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE TRANSFORMATION OF EPISTEMOLOGY

**E. Ivanova
L. Shubin
E. Levchenko
O. Filippova
S. Usov**

Summary: The article examines the problem of truth in the context of the post-truth era, characterized by the blurring of boundaries between knowledge, opinion, and manipulation. It analyzes the philosophical transformation of the concept of truth as epistemology moves from classical and non-classical models toward a post-nonclassical understanding, in which truth is conceived as a dynamic, communicative, and contextual category. Particular attention is given to the impact of digital media and network communication on the formation of new cognitive practices and criteria of credibility. The study demonstrates that post-truth does not abolish truth but transforms its ontological and epistemological foundations, turning it into a form of interaction and interpretation. The conclusion substantiates the need for a philosophical reconstruction of truth based on the principles of hermeneutics, communication, and critical rationality, which opens up new perspectives for the development of contemporary epistemology in the context of information culture.

Keywords: truth, post-truth, epistemology, rationality, communication, simulacrum, media, cognitive transformations, hermeneutics, philosophy of knowledge.

Иванова Евгения Владимировна

Доктор философских наук, профессор, Уральский
федеральный университет имени первого Президента
России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
ieviev@mail.ru

Шубин Леонид Борисович

Кандидат медицинских наук, доцент, Ярославский
государственный медицинский университет
LBSH@yandex.ru

Левченко Елена Вадимовна

Кандидат медицинских наук, доцент, Курский
государственный медицинский университет
levchenkoev@kursksmu.net

Филиппова Ольга Владимировна

Преподаватель, Санкт-Петербургский государственный
аграрный университет
olgaphilippova@yandex.ru

Усов Сергей Сергеевич

Старший преподаватель, Российская академия
народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ (г. Москва)
ussr-usov@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема истины в контексте эпохи постправды, характеризующейся размыванием границ между знанием, мнением и манипуляцией. Анализируется философская трансформация категории истины в переходе от классической и неклассической эпистемологии к постнеклассической, в которой истина понимается как динамическая, коммуникативная и контекстуальная категория. Особое внимание уделено влиянию цифровых медиа и сетевых коммуникаций на формирование новых когнитивных практик и критериев достоверности. Показано, что постправда не устраняет истину, а трансформирует её онтологические и гносеологические основания, превращая истину в форму взаимодействия и интерпретации. В заключении обосновывается необходимость философской реконструкции истины на принципах герменевтики, коммуникации и критической рациональности, что открывает перспективы для обновления современной эпистемологии в условиях информационной культуры.

Ключевые слова: истина, постправда, эпистемология, рациональность, коммуникация, симулякр, медиа, когнитивные трансформации, герменевтика, философия знания.

Современная социокультурная ситуация характеризуется феноменом, получившим название «Эпоха постправды», в которой границы между истиной и ложью, фактами и интерпретациями, знанием и верой оказываются размытыми. Информационное пространство, формируемое цифровыми технологиями, социальными сетями и медиа, создает новые формы символической реальности, где воздействие эмоциональных и манипулятивных стратегий нередко превалирует над

рационально-аргументированным дискурсом. В этих условиях традиционные эпистемологические модели — прежде всего классические представления о критериях истины и методах её постижения — подвергаются глубокому пересмотру.

Актуальность исследования определяется необходимостью философского анализа трансформации категории истины в контексте постправды, когда знание утрачивает

статус универсального и объективного критерия ориентации в мире. Постправда не просто обозначает искажение информации, но фиксирует сдвиг в самой структуре познания и коммуникации, где истинностное измерение уступает место прагматическому и риторическому.

В условиях постправды эпистемология сталкивается с новыми вызовами: кризисом доверия к научному знанию, релятивизацией истины, смещением когнитивного и аффективного компонентов восприятия. Такие процессы требуют философского осмысления как проявления более глубокой антропологической и культурной трансформации, связанной с изменением самого субъекта познания.

Цель настоящего исследования — осуществить философский анализ проблемы истины в условиях постправды, выявить основные направления трансформации современной эпистемологии и определить онтологические и гносеологические основания этих изменений.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи:

- Рассмотреть генезис и содержание понятия «постправда» в философском и культурологическом контексте.
- Проанализировать трансформацию классических представлений об истине в неклассической и постнеклассической философии.
- Исследовать влияние постправды на эпистемологические критерии достоверности и обоснованности знания.
- Определить перспективы реконструкции категории истины в условиях современной информационной культуры.

Методологическую основу исследования составляют принципы герменевтического, феноменологического и критико-аналитического подходов, позволяющих раскрыть соотношение истины, интерпретации и коммуникации в изменяющемся эпистемологическом ландшафте.

Научная новизна работы заключается в выявлении философских механизмов трансформации понятия истины в эпоху постправды и в попытке концептуализировать эпистемологические основания новой модели познания, формирующейся в условиях цифровой медийной среды.

Проблема истины является одной из центральных тем философского знания, развивающейся от античности до современной постнеклассической мысли. Её понимание исторически варьировалось в зависимости от онтологических и гносеологических предпосылок эпохи. Уже в античной философии истина рассматривалась как соответствие мысли бытию (Платон, Аристотель), что заложило основу классической корреспондентной концепции истины [1]. Средневековая схоластика усилила теологи-

ческий аспект понимания истины как откровения и проявления божественного порядка (Фома Аквинский) [25].

В Новое время, с формированием научного рационализма, истина стала мыслиться как результат субъективно-объективного взаимодействия познающего разума и мира (Декарт, Спиноза, Локк, Кант) [7; 12]. Немецкая классическая философия, особенно в концепции Гегеля, развила идею истины как процесса самораскрытия «Абсолютного духа», что предвосхитило понимание истины как динамической и диалектической категории [4].

В неклассической философии XIX–XX веков происходит пересмотр онтологических и эпистемологических оснований понятия истины. Ф. Ницше в своих работах («О пользе и вреде истории для жизни», «По ту сторону добра и зла») указывал на условность и интерпретативность истины, рассматривая её как метафору, служащую воле к власти [17; 18]. М. Хайдеггер в трактовке истины как *aletheia* («непотаянность») возвращает онтологический смысл категории, связывая её с открытостью бытия [28]. Герменевтическая традиция (Г.-Г. Гадамер, П. Рикёр) рассматривает истину в горизонте понимания, где она всегда контекстуальна и соотносена с исторической ситуацией интерпретации [3; 21].

Особое влияние на современную эпистемологию оказали аналитическая и прагматическая традиции. У. Джеймс и Дж. Дьюи развили прагматическую концепцию истины как «того, что работает» в опыте [9; 11], а Р. Рорти в рамках неопрагматизма предложил отказаться от понятия истины как соответствия реальности, заменив его идеей «солидарности» и дискурсивного согласия [22].

В конце XX – начале XXI века проблема истины актуализировалась в контексте развития постмодернистской мысли (Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр, М. Фуко). Их подходы акцентировали кризис метанарративов, множественность интерпретаций и производство «симулякров» реальности, где различие между истиной и фикцией становится неустойчивым [13; 26].

Феномен постправды, вошедший в научный и общественный оборот в начале XXI века, обозначил новое состояние культуры, в котором эмоциональное восприятие и субъективные убеждения оказываются значимее фактических данных. Термин был популяризирован Р. Киесом (R. Keyes) [29] и получил философское осмысление у Л. МакИнтайра (L. McIntyre), который определил постправду как «культурное состояние, в котором объективные факты менее влиятельны в формировании общественного мнения, чем обращения к эмоциям и личным убеждениям» [15].

В отечественной философской традиции проблема постправды и трансформации понятия истины рассма-

тривается в работах В.С. Стёпина, В.Г. Федотовой, М.А. Масловой, Д.И. Дубровского [10; 16; 23; 24], а также в исследованиях, посвящённых влиянию цифровой медийной среды на сознание и когнитивные практики (А.В. Павлов, М.Н. Липовецкий и др.) [15; 20]. Авторы подчеркивают, что постправда — не просто социокультурное явление, но симптом перехода к новой когнитивной парадигме, в которой традиционные представления об истине, рациональности и субъекте познания утрачивают устойчивость.

Таким образом, современное философское исследование проблемы истины в условиях постправды опирается на богатую теоретическую традицию, включающую классические и постклассические концепции, однако требует дальнейшего анализа с учётом специфики цифровой эпохи и новых форм медиа-коммуникации. Именно в этом направлении открываются возможности для реконструкции эпистемологических оснований истины как динамической, интерсубъективной и контекстуальной категории.

Понятие постправды (post-truth) впервые получило широкое распространение в начале XXI века и стало одной из центральных категорий для описания современного состояния общественного сознания. В 2016 году слово post-truth было признано «словом года» Оксфордским словарём, что символически зафиксировало культурный сдвиг, в рамках которого истина утрачивает прежний статус универсального критерия познания и коммуникации. Однако феномен постправды имеет гораздо более глубокие философские корни, восходящие к постмодернистскому сомнению в возможности объективного знания и к критике метанарративов.

С философской точки зрения постправда может рассматриваться как симптом перехода от классической эпистемологической парадигмы, основанной на идеале объективности, к множественной, релятивистской и медиатизированной картине мира. В основе этого перехода лежит трансформация механизмов производства и легитимации знания. Если в классической науке и философии истина мыслилась как результат рационального познания, проверяемого и верифицируемого, то в эпоху постправды критерием «истинности» становится воздействие на массовое сознание и соответствие информации определённым эмоциональным и идеологическим ожиданиям аудитории.

Медиафилософские исследования (Ж. Бодрийяр, Н. Постман, Б. Гроис) показывают, что постправда связана с феноменом симуляции, в рамках которой исчезает различие между реальностью и её представлением [2; 5; 20]. В условиях тотальной медиатизации реальность перестаёт быть «данной», превращаясь в поток знаков, образов и интерпретаций, конкурирующих за внимание

субъекта. Как отмечает Бодрийяр, современный человек живёт не в мире вещей, а в мире их «гиперреальных» изображений [2].

Социокультурный аспект постправды выражается в изменении природы публичного дискурса. Информационные технологии создают среду, где традиционные институты знания — наука, образование, СМИ — теряют монополию на производство истины. В сетевой коммуникации каждый субъект становится не только потребителем, но и производителем информации, что приводит к феномену «распределённой истины». При этом критерии достоверности замещаются показателями популярности, эмоциональной привлекательности или алгоритмической видимости.

Эпистемологический смысл постправды проявляется в подмене когнитивной функции истины её прагматической функцией. Истинность утверждения оказывается не столько вопросом соответствия фактам, сколько вопросом социальной эффективности высказывания, что означает переход от истины как соответствия (*adaequatio rei et intellectus*) к истине как инструменту воздействия — своеобразной «риторической истине». Таким образом, постправда представляет собой не просто кризис познания, а изменение самой структуры эпистемологического опыта, в котором знание утрачивает автономность и становится элементом социального и политического конструирования.

Культурно-антропологическое измерение феномена постправды связано с изменением типа субъективности. Современный субъект познания — это субъект сетевой культуры, формирующий свои представления о мире на основе фрагментарных и часто противоречивых потоков информации. Его когнитивная позиция становится нелинейной, эмоционально окрашенной и контекстуальной. Тем самым постправда выражает не столько разрушение истины, сколько её переход в новую, «плюральную» форму существования, в которой истина становится функцией дискурса и коммуникативных практик.

Таким образом, феномен постправды отражает глубокие изменения в когнитивных и культурных структурах современности. Он демонстрирует, что истина перестаёт быть универсальной категорией и превращается в социально-символическую конструкцию, зависящую от технологий коммуникации, культурных кодов и политических контекстов.

Традиционное философское понимание истины в рамках классической рациональности основывалось на представлении о мире как упорядоченной, познаваемой и объективной реальности. Классическая эпистемология исходила из принципа совпадения истины и бытия, из возможности достижения достоверного знания на

основе разума и логики. Однако уже в XIX–XX веках это представление подверглось критическому пересмотру. Неклассическая философия обозначила переход от истины как абсолютной категории к истине как относительной, контекстуальной и зависящей от познающего субъекта.

Фундаментом этого перехода стал кризис классической рациональности, выразившийся в осознании ограниченности научного метода и невозможности полного совпадения знания с реальностью. Ф. Ницше в своих работах утверждал, что истина есть «множество метафор, ставших привычными», тем самым указывая на её условность и зависимость от человеческих интерпретаций. Для него истина не открывается, а создаётся — как результат воли к власти и стремления упорядочить хаос бытия [17; 18].

Вышеописанная идея получила развитие в феноменологии Э. Гуссерля, где истина трактуется как конституируемая в сознании. Гуссерль показал, что познание не является отражением внешнего мира, а представляет собой акт интенциональности, направленный на смыслообразование [6]. Таким образом, истина приобретает характер корреляции субъекта и объекта, а не их независимого существования.

М. Хайдеггер ещё глубже радикализировал эту линию, предложив онтологическую интерпретацию истины как *aletheia* — раскрытости бытия. В его понимании истина — не результат соответствия суждения действительности, а способ присутствия мира в горизонте человеческого существования [28]. Такое понимание разрушает классическую эпистемологическую дихотомию «субъект–объект» и открывает путь к постнеклассическому осмыслению истины как события бытия.

Постнеклассическая философия XX века усилила тенденцию к релятивизации истины. Постструктурализм (М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Лакан) показал, что истина не является универсальной, а всегда встроена в систему власти, языка и дискурса [8; 26]. Фуко утверждал, что каждая историческая эпоха формирует собственный «режим истины», определяющий, какие формы знания признаются легитимными. Тем самым истина становится функцией социального порядка, а не его отражением [26].

Ж. Деррида, развивая идею деконструкции, показал, что любое высказывание о истине уже содержит след интерпретации, то есть отклонение от прозрачности смысла. Истина, по Дерриде, не присутствует, а всегда откладывается в цепочке различий (*différance*) [8]. Таким образом, она становится процессуальной и никогда не достижимой в окончательном виде.

Неопрагматизм Р. Рорти в свою очередь предложил

отказаться от понятия истины как соответствия реальности, заменив его концептом интерсубъективного согласия. Для Рорти истина — это то, что принимается сообществом в рамках определённого дискурса, и не существует вне человеческой практики [22]. Данное понимание фактически подготавливает почву для современного феномена постправды, где критерии истинности подменяются коммуникативной эффективностью и солидарностью мнений.

В постнеклассической эпистемологии происходит переход от онтологического и когнитивного понимания истины к коммуникативному. Ю. Хабермас, развивая теорию коммуникативного действия, рассматривал истину как идеальный результат рационального диалога, где согласие достигается в условиях отсутствия внешнего давления и симметрии аргументов [27]. Однако в эпоху постправды этот идеал оказывается под угрозой: коммуникация становится стратегической, а не рациональной; язык используется не для постижения истины, а для управления вниманием и формированием установок.

Подводя итоги, можно сказать, что постнеклассическая философия подготовила условия для современного кризиса истины, в котором её статус становится зависимым от коммуникативных и технологических практик. Истина больше не мыслится как универсальная норма, а превращается в множественное и динамическое образование, зависящее от контекста, языка и культурных установок.

Переход к цифровому обществу и формирование глобального информационного пространства радикально изменили условия производства, циркуляции и восприятия знания. В эпоху постправды эпистемология сталкивается с новыми вызовами, которые ставят под сомнение её классические принципы — рациональность, верифицируемость и универсальность. Такие изменения нельзя рассматривать лишь как технологический феномен: они затрагивают фундаментальные основания человеческого мышления, коммуникации и социального взаимодействия.

Современные цифровые медиа становятся не просто каналом передачи информации, но активным посредником, формирующим когнитивную реальность. Алгоритмы социальных сетей и поисковых систем создают индивидуализированные информационные потоки, которые не отражают объективную реальность, а конструируют её в зависимости от предпочтений пользователя. Истина в эпоху постправды приобретает медиатизированный характер — она существует не как соответствие действительности, а как продукт алгоритмической фильтрации и сетевой репрезентации.

Ж. Бодрийяр описывал подобную ситуацию как го-

сподство симулякров, когда знаки и образы теряют связь с реальностью и начинают заменять её [2]. В этой логике истина становится не столько познавательной, сколько эстетико-перформативной категорией — важным оказывается не то, что истинно, а то, как представлено и воспринято. В результате знание утрачивает онтологическую устойчивость и превращается в поток временных и контекстуальных смыслов.

В традиционной эпистемологии критериями истины выступали соответствие, когерентность и прагматическая эффективность. Однако в постправдовой культуре эти критерии замещаются показателями вовлечённости, эмоциональной резонансности и репрезентативности в медиaprостранстве.

Социальные сети формируют новую форму «аффективного знания», где информация оценивается не по степени обоснованности, а по степени вызываемого эмоционального отклика, что приводит к тому, что знание становится инструментом идентичности, а истина — функцией коллективных эмоций. Как отмечает Л. МакИнтайр, постправда — это не просто ложь, а «отказ от самой идеи объективных стандартов знания» [15].

Такая ситуация порождает парадокс: чем больше человечество располагает доступом к информации, тем труднее становится установить, что истинно. В условиях цифровой избыточности знание перестаёт выполнять свою ориентирующую функцию и превращается в символический капитал, используемый для утверждения власти, убеждения или самопрезентации.

Феномен постправды сопровождается изменением когнитивной позиции субъекта. Если классическая философия исходила из автономного, рационального субъекта познания, то современная эпоха формирует распределённого, сетевого субъекта, чьё знание складывается из множества фрагментов, получаемых из различных цифровых источников.

Такой субъект не является независимым наблюдателем мира — он включён в медиатизированные процессы производства смыслов. Его когнитивная деятельность становится гибридной, сочетающей рациональные, эмоциональные и визуальные формы восприятия. Постправда тем самым выражает не разрушение рациональности, а её мутацию: переход от логического рассуждения к сетевой, образной и эмоциональной логике восприятия.

Эпистемология постправды характеризуется переходом от линейного к гипертекстуальному типу знания. Цифровые технологии создают новые формы когнитивной навигации, где истина перестаёт быть конечным результатом познания и превращается в процесс пост-

янного пересмотра и интерпретации. В таких условиях знание становится интерсубъективным — результатом взаимодействия множества субъектов, коллективных когнитивных практик и сетевых сообществ.

Таким образом, можно говорить о формировании новой эпистемологической парадигмы, в которой истина мыслится не как устойчивое свойство высказывания, а как динамическая характеристика коммуникации. Эпистемология эпохи постправды оказывается не столько наукой о знании, сколько философией медиатизированного познания, стремящейся понять, каким образом истина выживает в условиях множественности, симуляции и эмоциональной турбулентности.

Анализ феномена постправды в контексте философской эпистемологии показывает, что современная культура переживает не столько «конец истины», сколько глубокую трансформацию её онтологических и гносеологических оснований. Истина перестаёт быть универсальной и абсолютной категорией, утрачивает статус внеисторического критерия познания и всё более приобретает характер коммуникативного, дискурсивного и контекстуального феномена.

Постправда выявляет пределы классической рациональности и демонстрирует, что знание всегда опосредовано культурой, языком и технологией. В условиях медиатизированного общества истина становится функцией сетевого взаимодействия и коллективного конструирования реальности. Однако это не означает исчезновение самой идеи истины, а указывает на необходимость её философской реконструкции.

Реконструкция истины в постправдовой культуре требует выхода за рамки дихотомии «объективное — субъективное». Современная эпистемология должна учитывать множественность когнитивных режимов, в которых истина проявляется как процесс коммуникации, согласования и взаимопонимания. В этом контексте особое значение приобретает коммуникативная и герменевтическая модель истины, в которой смысл формируется во взаимодействии субъектов, а не навязывается извне.

Философская задача сегодня состоит не в возвращении к классическим идеалам верифицируемой истины, а в выработке новых критериев достоверности, адекватных условиям цифровой и сетевой культуры. Такие критерии могут основываться на прозрачности коммуникации, критичности мышления и способности к рефлексии, а не на простом воспроизводстве фактов.

В общем и целом, эпоха постправды ставит перед философией вызов: сохранить ценность истины, не отрицая её исторической и коммуникативной природы. Истина в XXI веке может быть понята не как статическая

данность, а как процесс непрерывного самокорректирующегося диалога между знанием, культурой и обществом. В этом диалоге проявляется не столько кризис,

сколько возможность нового этапа в развитии эпистемологии — этапа, на котором истина становится пространством встречи, понимания и ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Метафизика / Пер. с древнегреч. — М.: Мысль, 1975. — 512 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Пер. с фр. — М.: Добросвет, 2013. — 240 с.
3. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / Пер. с нем. — М.: Прогресс, 1988. — 704 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Пер. с нем. — СПб.: Наука, 2000. — 495 с.
5. Гроис Б. Медиа и власть / Пер. с нем. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. — 224 с.
6. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Пер. с нем. — М.: Академический проект, 2009. — 560 с.
7. Декарт Р. Рассуждение о методе / Пер. с фр. — М.: Наука, 1994. — 220 с.
8. Деррида Ж. О грамматологии / Пер. с фр. — М.: Ad Marginem, 2000. — 512 с.
9. Джеймс У. Прагматизм / Пер. с англ. — М.: Республика, 1993. — 256 с.
10. Дубровский Д.И. Сознание, информация, реальность. — М.: Канон+, 2013. — 368 с.
11. Дьюи Дж. Как мы мыслим / Пер. с англ. — М.: Педагогика, 1997. — 320 с.
12. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. — М.: Наука, 1998. — 735 с.
13. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. — М.: ИНИОН РАН, 1998. — 160 с.
14. Липовецкий М.Н. Постмодернизм в русской культуре. — Екатеринбург: У-Фактория, 2000. — 384 с.
15. МакИнтайр Л. Post-Truth. — Cambridge, MA: MIT Press, 2018. — 240 p.
16. Маслова М.А. Философия постправды и кризис современной рациональности // Вопросы философии. — 2020. — № 9. — С. 34–45.
17. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни / Пер. с нем. — М.: АСТ, 2007. — 254 с.
18. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / Пер. с нем. — М.: Республика, 1997. — 320 с.
19. Павлов А. В. Постправда и политизация истины в цифровую эпоху // Логос. — 2021. — Т. 31, № 4. — С. 67–84.
20. Постман Н. Развлекаясь до смерти: общественный дискурс в эпоху шоу-бизнеса / Пер. с англ. — М.: Эксмо, 2019. — 352 с.
21. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике / Пер. с фр. — М.: Академический проект, 2008. — 624 с.
22. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность / Пер. с англ. — М.: Русское феноменологическое общество, 1996. — 304 с.
23. Стёпин В. С. Теоретическое знание. — М.: Прогресс-Традиция, 2003. — 744 с.
24. Федотова В.Г. Рациональность и культура. — М.: Прогресс-Традиция, 2008. — 480 с.
25. Фома Аквинский. Сумма теологии / Пер. с лат. — М.: Изд-во Францисканцев, 2006. — 640 с.
26. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. — М.: Академический проект, 2004. — 416 с.
27. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. — СПб.: Наука, 2000. — 320 с.
28. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. — М.: Ad Marginem, 1997. — 505 с.
29. Keyes R. The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life. — New York: St. Martin's Press, 2004. — 240 p.

© Иванова Евгения Владимировна (ieviev@mail.ru), Шубин Леонид Борисович (LBSH@yandex.ru),
Левченко Елена Вадимовна (levchenkoev@kursksmu.net), Филиппова Ольга Владимировна (olgaphilippova@yandex.ru),
Усов Сергей Сергеевич (ussr-usov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Калинин Дмитрий Николаевич

Аспирант, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный
университет» (г. Чита)
DmitriyKalinin1998@yandex.ru

SOCIO-CULTURAL FACTORS OF THE FORMATION OF ETHNOSOCIAL IDENTITY IN MODERN RUSSIA: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

D. Kalinin

Summary: The article provides a socio-philosophical analysis of the system of socio-cultural factors of the formation of ethnosocial identity in modern Russia. The author, relying on constructivist and systemic approaches, explores the dialectical interaction of traditional (language, religion, family) and modern (digital environment, media, migration processes) identification factors. Based on theoretical analysis and empirical research data, the hypothesis of the formation of a «complex identity» in Russian society is proved, which is characterized by the complementarity of stable citizenship and a pronounced ethno-cultural component. The hierarchy and dynamics of socio-cultural factors at the micro, meso, and macro levels are revealed. The practical significance of the work is related to the development of recommendations for state social and cultural policy aimed at strengthening civil solidarity while preserving ethnic and cultural diversity.

Keywords: ethnosocial identity, sociocultural factors, constructivist approach, complex identity, civic identity, digitalization, traditional values, globalization, cultural code.

Аннотация: В статье проводится социально-философский анализ системы социокультурных факторов формирования этносоциальной идентичности в современной России. Автор, опираясь на конструктивистский и системный подходы, исследует диалектическое взаимодействие традиционных (язык, религия, семья) и современных (цифровая среда, СМИ, миграционные процессы) факторов идентификации. На основе теоретического анализа и данных эмпирических исследований доказывается гипотеза о формировании в российском обществе «сложной идентичности», для которой характерно взаимодополнение устойчивой гражданской принадлежности и выраженной этнокультурной составляющей. Выявлена иерархия и динамика социокультурных факторов на микро-, мезо- и макроуровнях. Практическая значимость работы связана с выработкой рекомендаций для государственной социальной и культурной политики, направленных на укрепление гражданской солидарности при сохранении этнокультурного многообразия.

Ключевые слова: этносоциальная идентичность, социокультурные факторы, конструктивистский подход, сложная идентичность, гражданская идентичность, цифровизация, традиционные ценности, глобализация, культурный код.

В условиях усиления глобализационных процессов, характеризующихся одновременно стандартизацией культурных моделей и активизацией поисков уникальности, феномен этносоциальной идентичности приобретает особую теоретическую и практическую значимость. С одной стороны, наблюдаются процессы культурной стандартизации и формирования глобального информационного пространства, с другой – обострение этнического и религиозного самосознания, рост значения локальных идентичностей. Глобализация стирает культурные границы, создавая угрозу утраты уникальных этнокультурных черт. В ответ на это происходит активный поиск и подчеркивание своей уникальности, что делает вопросы идентичности особенно острыми. Эта диалектика «глобального» и «локального» создает сложную систему взаимодействий, где этносоциальная идентичность становится ключевым элементом самоопределения личности и групп. Кроме этого, стоит отметить интенсивные миграционные потоки, которые приводят к увеличению этнокультурного разнообразия

сообществ. Это ставит вопросы о социальной интеграции, адаптации мигрантов и предотвращении конфликтов на почве ксенофобии и этнофобии.

Особую актуальность проблема приобретает в контексте современной российской действительности, для которой характерно сложное переплетение разнообразных этнокультурных традиций. Для таких многонациональных стран, как Россия, ключевой задачей является формирование прочной общероссийской гражданской идентичности, которая не отрицала бы, а гармонично сочетала в себе этнокультурное разнообразие. Понимание механизмов формирования этносоциальной идентичности является основой для выработки эффективной национальной политики. Цифровизация общественной жизни, трансформация традиционных институтов социализации, интенсивные миграционные процессы – все эти социокультурные факторы существенно преобразуют механизмы формирования и воспроизводства этносоциальной идентичности. Понимание этих процессов не-

обходимо для выработки эффективных стратегий укрепления общегражданской солидарности при сохранении культурного многообразия, что составляет одну из важнейших задач современной социальной политики.

Таким образом, актуальность изучения этносоциальной идентичности в современном мире обусловлена комплексом взаимосвязанных социокультурных факторов, которые создают новые вызовы и одновременно повышают значимость этой проблемы.

Проблема идентичности имеет глубокие корни в философской традиции. Историко-философский анализ, представленный в работах А. Ю. Хамнаевой, демонстрирует эволюцию концепта от античного понимания тождества через картезианскую концепцию субъективности к современным реляционным моделям [13]. Теоретико-методологические основания исследования этнической идентичности заложены в трудах Р.Р. Асылгузина, где проведен сравнительный анализ примордиалистского и конструктивистского подходов [1].

Значительный вклад в разработку проблемы внесли исследования, фокусирующиеся на социокультурных аспектах идентичности. Исследователь И.А. Зверева раскрывает механизмы трансформации идентичности в условиях информационного общества [6], тогда как Э.Р. Гатиатуллина обосновывает статус идентичности как фундаментальной категории социальной философии [5]. Эмпирические аспекты формирования этносоциальной идентичности в региональном контексте исследованы в диссертациях Е. В. Благовской (на примере Республики Алтай) и А.А. Балыковой (на примере Бурятии) [4, 2].

Эмпирические исследования, проведенные в российских регионах, существенно обогатили понимание специфики формирования идентичности. Так, работа Е.В. Благовской на примере Республики Алтай демонстрирует, как в условиях полиэтнического региона происходит формирование «многоуровневой идентичности», где этническая лояльность не противоречит, а дополняет общероссийскую гражданскую принадлежность [4]. Аналогично, исследование А.А. Балыковой в Бурятии выявляет ключевую роль современных медиа в актуализации традиционных культурных символов для молодого поколения, что создает гибридные формы этносоциальной самоидентификации [2].

Международный контекст проблемы представлен в работах Дж. Берри, исследующих стратегии аккультурации и формирования идентичности в мультикультурных обществах [12]. Однако, несмотря на значительный объем исследований, недостаточно изученными остаются вопросы, связанные с трансформацией структурных компонентов этносоциальной идентичности под влиянием цифровых технологий, а также особенности взаи-

модействия различных социокультурных факторов в современных российских условиях.

Целью исследования является социально-философский анализ системы социокультурных факторов формирования этносоциальной идентичности в современной России.

Для достижения данной цели предполагается решение следующих задач:

1. Выявить и систематизировать основные теоретические подходы к исследованию этносоциальной идентичности в социально-философском дискурсе.
2. Проанализировать структуру и содержание социокультурных факторов формирования этносоциальной идентичности.
3. Исследовать особенности взаимодействия традиционных и современных факторов идентификации в условиях цифровой трансформации общества.
4. Раскрыть специфику соотношения этнического и гражданского компонентов в структуре современной российской идентичности.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Определены содержательные аспекты этносоциальной идентичности посредством совмещения конструктивистской парадигмы с системным осмыслением комплекса социокультурных факторов.
2. Выявлены особенности трансформации механизмов формирования этносоциальной идентичности в условиях цифровизации общественной жизни.
3. Выявлена специфика «сложной идентичности» современного российского общества, характеризующейся совмещением сильной гражданской идентичности с выраженной этнокультурной составляющей.
4. Обоснована иерархическая структура социокультурных факторов формирования идентичности с учетом их динамики в современных условиях.

Практическая значимость исследования связана с возможностью использования его результатов для разработки стратегий укрепления гражданского единства и формирования общероссийской идентичности при сохранении этнокультурного многообразия.

Методологической основой исследования выступает конструктивистский подход, позволяющий анализировать этносоциальную идентичность как динамический социальный конструкт, формирующийся в процессе социокультурного взаимодействия. В рамках данного подхода идентичность понимается не как имманентная или примордиальная данность, а как результат сложных процессов идентификации, осуществляющихся через систему социальных представлений, культурных символов и дискурсивных практик.

Как показано в работах И.А. Зверевой, в современ-

ных условиях процессы конструирования идентичности существенно трансформируются под влиянием медиасреды и цифровых технологий. Социальные сети и интернет-пространство становятся ключевыми площадками для формирования «гибридных» форм идентичности, где традиционные этнокультурные элементы сочетаются с глобальными влияниями. Конструктивистский подход позволяет анализировать, как в этих условиях происходит переосмысление традиционных маркеров идентичности: языка, религии, исторической памяти [6].

Цифровая среда не просто становится новой площадкой для презентации идентичности, но и активно «перекодирует» ее традиционные маркеры. Язык, история, религия начинают функционировать как «цифровые ресурсы», которые индивид произвольно использует для конструирования своего виртуального «Я». Этот процесс ведет к возникновению «гибкой идентичности», характеризующейся ситуативностью и фрагментарностью, что особенно заметно в социальных сетях [6].

Важным аспектом конструктивистского подхода является понимание идентичности как процесса постоянного диалога между индивидуальным и коллективным уровнями. В контексте современных трансформационных процессов российского общества это находит выражение в формировании «стабилизационного сознания» - стремления к сохранению смысловых опор в условиях нестабильности [9]. Идентичность формируется в пространстве взаимодействия между личным опытом и социальными структурами, между микросоциальными практиками и макросоциальными дискурсами.

Системный подход позволяет рассматривать социокультурные факторы формирования этносоциальной идентичности как целостную динамическую систему, где изменение одного элемента влечет трансформацию всей системы. В соответствии с исследованиями Е.В. Благославской и А.А. Балыковой, можно выделить следующие уровни системы факторов:

Микроуровень включает семейные традиции, этнические и религиозные ценности, непосредственное социальное окружение. Как отмечают С.П. Татарова, С.А. Харитонов, Н. Затева, передача этнокультурных особенностей происходит преимущественно в семье и ближайшем окружении через повседневное общение [11]. Эмпирические данные подтверждают устойчивость семейных ценностей – 84% россиян выступают за их сохранение [7].

Мезоуровень охватывает образовательные учреждения, культурные и досуговые организации, местные сообщества. Эти институты выступают важными каналами трансляции культурных образцов и формирования коллективной памяти. Исследования показывают значительную роль отечественной литературы (63%) и народного творчества (36%) в культурном объединении россиян [7].

Макроуровень включает государственную культур-

ную и образовательную политику, СМИ, глобальные информационные потоки. На этом уровне формируются доминирующие дискурсы идентичности и задаются общие рамки для процессов идентификации. Особое значение приобретает фактор цифровизации, создающий «электронную культуру» с особым типом взаимодействия и ценностным рядом [10].

Системный анализ позволяет выявить не только структуру, но и иерархию факторов, которая может варьироваться в зависимости от конкретного социокультурного контекста и исторического периода. В современной России наблюдается сложное взаимодействие традиционных ориентаций и новаторских тенденций, где социокультурные факторы становятся одновременно опорой и источником инноваций.

Сравнительный анализ концепций идентичности, представленный в работах А.Ю. Хамнаевой и Р.Р. Асылгузина, демонстрирует существенную эволюцию в понимании этого феномена. Традиционные подходы, восходящие к классической философской традиции, рассматривали идентичность как субстанциональное единство, неизменную основу личности. В рамках этого подхода этническая идентичность понималась как объективная данность, определяемая происхождением и культурной традицией [13, 1].

Современные концепции, напротив, акцентируют процессуальный, ситуативный и множественный характер идентичности. Как показывает Э.Р. Гатиатуллина, в современной социальной философии идентичность понимается как сложная, многомерная категория, отражающая диалектику постоянства и изменения, единства и множественности [5]. В условиях цифровой трансформации происходит слияние реального и виртуального, что существенно изменяет природу участников современной реальности. [3].

Особое значение приобретает концепция «сложной идентичности», позволяющая анализировать современные формы идентификации, в которых сочетаются различные, иногда противоречивые компоненты. Эта концепция особенно продуктивна для понимания российской действительности, где традиционно сильны как этнические, так и гражданские компоненты идентичности. Эмпирические данные подтверждают эту сложность: 64% россиян считают российскую культуру полностью самобытной, при этом 85% из них чувствуют гордость от принадлежности к России [7].

Сравнительный анализ позволяет выявить, что современные концепции идентичности не отменяют полностью традиционные подходы, но предлагают более сложные и адекватные вызовам современности теоретические модели, способные описать динамику и многомерность процессов идентификации в глобализирующемся мире. В

российском контексте это выражается в диалектическом взаимодействии традиционных устоев, представляющих элемент стабильности, и инноваций, порождающих новые формы выражения культурных и духовных ценностей.

Язык как носитель культурного кода занимает центральное место в системе традиционных факторов формирования этносоциальной идентичности. Как убедительно показано в исследовании А.А. Балыковой, язык выполняет не только коммуникативную функцию, но и служит важнейшим средством трансляции культурных ценностей, исторического опыта и мировоззренческих установок этнической группы [2]. В условиях современной России сохранение родных языков становится существенным ресурсом поддержания этнокультурного разнообразия. Однако, как отмечает И.А. Зверева, в эпоху глобализации происходит сложное взаимодействие между языком как маркером этнической идентичности и доминирующей ролью русского языка как средства общегражданской коммуникации [6].

Религия и система ценностей образуют нормативно-аксиологическое ядро этносоциальной идентичности. Религиозные практики и верования, как демонстрирует исследование Р.Р. Асылгузина, способствуют укреплению внутригрупповых связей и формированию чувства принадлежности к определенной религиозной общности [1]. В российском контексте, отличающемся поликонфессиональностью, религия часто выступает важным дифференцирующим признаком этнической идентичности. При этом, как отмечает Н. Р. Хачатурян, одна и та же этническая группа в разных социально-политических условиях может демонстрировать различное религиозное поведение [15].

Р.Р. Асылгужин, проводя сравнительный анализ примордиалистского и конструктивистского подходов, отмечает, что в современной России религия зачастую функционирует не как система догматов, а как культурный маркер и символ, используемый для проведения границ между «своими» и «чужими». При этом религиозная идентичность может актуализироваться или, напротив, отходить на второй план в зависимости от социально-политического контекста, что подтверждает ее конструируемую природу [1].

Семейные традиции и механизмы трансляции представляют собой основной канал передачи этнокультурного опыта. Согласно исследованиям С.П. Татаровой, С.А. Харитоновой, Н. Затеевой, именно в семье и ближайшем окружении происходит первичная социализация и усвоение базовых элементов этнической культуры - от кулинарных предпочтений до моделей социального поведения [11]. Семейные нарративы и истории выполняют важную функцию формирования исторической памяти и чувства преемственности поколений. Эмпирические данные подтверждают устойчивую значимость семейных

ценностей: согласно исследованию ВЦИОМ за 2024 год, 84% россиян выступают за сохранение традиционных семейных ценностей, что подтверждает роль родственных уз в формировании моральных ориентиров [7].

Цифровая среда и социальные сети кардинальным образом трансформируют процессы формирования идентичности в современном мире. Как показано в работе И.А. Зверевой, интернет-пространство создает новые возможности для конструирования и презентации идентичности, позволяя индивиду одновременно принадлежать к различным виртуальным сообществам [6]. Социальные сети, с одной стороны, могут способствовать укреплению этнической идентичности через создание тематических групп и сообществ, с другой - стимулируют формирование гибридных, транснациональных форм идентичности. Эмпирические данные демонстрируют стремительную трансформацию информационных предпочтений: если в 2012 году только 47% респондентов доверяли интернет-форумам, то в 2022 году российские интернет-источники стали основным каналом информации для 57% граждан, причем среди молодежи 18-35 лет Telegram-каналам доверяют 60% [7]. Эти процессы ведут к «виртуализации сознания» и созданию «электронной культуры» с особым типом взаимодействия [3, с. 110].

Образовательные системы и СМИ выступают важными институтами целенаправленного формирования идентичности. Государственная образовательная политика, как демонстрирует исследование Е.В. Благовской, играет ключевую роль в нахождении баланса между этнокультурным многообразием и общегражданским единством [4]. Средства массовой информации, в свою очередь, не только транслируют определенные образы и стереотипы, но и задают рамки публичного дискурса о проблемах идентичности. В условиях цифровизации происходит стирание границ между традиционными СМИ и пользовательским контентом, что усложняет процессы идентификации.

Миграционные процессы и межкультурные коммуникации в современном глобализирующемся мире создают новые вызовы и возможности для формирования этносоциальной идентичности. Как показано в исследовании Дж. Берри, мигранты вырабатывают различные стратегии аккультурации - от ассимиляции до сепарации. В принимающих обществах, в свою очередь, усиливаются процессы этнической консолидации [12]. Межкультурные контакты, как отмечают М. Бобовик, В. Бенет-Мартинес, Л. Репке, при условии их гармоничного характера способствуют формированию более сложных, многомерных форм идентичности [14].

Особое значение в современных условиях приобретает фактор национальной гордости, который, согласно исследованию ВЦИОМ, является значимым для 92% граждан. Этот психосоциальный конструкт отражает

самовосприятие нации через призму исторических и культурных достижений и функционирует на уровне коллективной памяти [7]. Параллельно культурный код, понимаемый как «ключ к пониманию уникальных культурных особенностей, доставшихся народу от предков» [8, с. 105], продолжает определять внутреннюю логику поведения индивидов, хотя, согласно исследованию НАФИ, 67% россиян никогда не слышали этого термина. При этом содержательно культурный код ассоциируется с отечественной литературой (63%), народным творчеством (36%) и музыкой (30%) [7].

Взаимодействие традиционных и современных факторов образует сложную динамическую систему, определяющую специфику формирования этносоциальной идентичности в современной России. Традиционные факторы сохраняют свое значение как основа культурной преемственности, тогда как современные создают новые возможности и вызовы для процессов идентификации. Как показывают исследования, национальная гордость и семейные устои являются взаимообусловленными компонентами культурного кода, что позволяет интегрировать индивидуальные амбиции с коллективными идеалами. При этом технологические достижения, наряду с положительными эффектами, несут трансформирующие последствия для природы человека и традиционных ценностей, создавая рисковую составляющую для сохранения этносоциальной идентичности.

В современном российском обществе наблюдается сложная динамика взаимодействия этнического и гражданского компонентов идентичности. С одной стороны, сохраняется устойчивая этническая самоидентификация, основанная на культурных традициях, языке и исторической памяти. С другой стороны, усиливается процесс формирования общероссийской гражданской идентичности, что подтверждается эмпирическими данными: 68% граждан выражают веру в будущее страны, а 86% связывают успех с упорным трудом и постоянным обучением в контексте национального развития [7].

Этот баланс приобретает характер «сложной идентичности», где этнические и гражданские компоненты не противостоят друг другу, а образуют взаимодополняющую систему. Особенностью российского контекста является способность этнических групп сохранять культурную специфику при одновременной интеграции в общегражданское пространство. Как показывают исследования, 64% россиян считают российскую культуру полностью самобытной, при этом 85% из них чувствуют гордость от принадлежности к России [7].

Государственная культурная политика играет ключевую роль в регулировании процессов идентификации. Через систему образования, медиа и культурные институты государство способствует формированию

интегрирующего типа идентичности, сочетающего этнокультурное многообразие с гражданским единством. Важным инструментом этой политики становится акцент на традиционных ценностях, которые, согласно исследованиям, поддерживаются 84% россиян в отношении семейных ценностей и 92% - в отношении национальной гордости [7].

Особое значение приобретает концепция «культурного кода», который понимается как единое культурное наследие страны (36% респондентов), нормы поведения и воспитание (11%), традиции (10%), менталитет (9%). Государственная политика направлена на актуализацию этого кода через поддержку отечественной литературы (63%), народного творчества (36%) и музыкального наследия [7].

Региональная дифференциация существенно влияет на особенности формирования этносоциальной идентичности. Наибольшая степень восприятия российской культуры как самобытной наблюдается в Южном (66%) и Центральном (66%) федеральных округах, что свидетельствует о различной интенсивности процессов идентификации в регионах [7].

В регионах с полиэтническим составом населения, таких как Республика Алтай (исследование Благовской Е.В.) и Бурятия (исследование Балыковой А.А.), процессы идентификации имеют особую специфику, выражающуюся в поиске баланса между этнической, региональной и общегражданской идентичностью [4, 2]. Цифровизация и развитие медиапространства несколько нивелируют региональные различия, создавая единое информационное поле, однако культурные особенности продолжают играть важную роль в формировании идентичности.

Взаимодействие традиционных и современных социокультурных факторов в региональном контексте формирует специфические механизмы идентификации, в которых глобальные тенденции цифровизации сочетаются с локальными культурными практиками. Данный синтез создает основу для становления многомерной идентичности, обладающей способностью к адаптации в условиях современных вызовов при одновременном сохранении культурной преемственности.

На основании проведенного социально-философского анализа можно сформулировать следующие выводы, которые полностью соответствуют поставленным задачам и раскрывают научную новизну исследования.

Систематизированы теоретические подходы к изучению идентичности, где конструктивистская парадигма, дополненная системным анализом, доказала свою эвристическую ценность для понимания динамичности и многомерности данного феномена. Выявлена иерархи-

ческая структура социокультурных факторов, действующих на микро- (семья, ближайшее окружение), мезо- (образование, локальные сообщества) и макроуровнях (госполитика, СМИ, цифровая среда), и проанализировано их содержательное наполнение. Установлены особенности трансформации идентичности в условиях цифровизации, которая, с одной стороны, способствует фрагментации и гибкости идентификации, а с другой – создает новые ресурсы для актуализации традиционных маркеров (язык, религия, история) в виртуальном пространстве. Раскрыта специфика «сложной идентичности» в российском контексте, для которой характерно не противоречие, а взаимодополнение устойчивой общероссийской гражданской идентичности и выраженной этнокультурной составляющей. Это подтверждается эмпирическими данными, демонстрирующими высокий уровень национальной гордости при сохранении значимости этнических и семейных ценностей [7].

Научная новизна работы заключается в интеграции конструктивистского и системного подходов для анали-

за идентичности, выявлении механизмов ее трансформации под влиянием цифровых технологий, обосновании концепта «сложной идентичности» применительно к современной России и построении иерархической модели социокультурных факторов с учетом их динамики.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее выводы и предложенная модель представляют научно обоснованный инструментарий для совершенствования государственной социальной и культурной политики. Развитие «сложной идентичности» является оптимальным путем для укрепления гражданского единства и солидарности при одновременном сохранении и поддержке этнокультурного многообразия России. Рекомендации могут быть направлены на гармонизацию взаимодействия традиционных институтов (семья, образование) с цифровой средой, а также на поддержку тех публичных дискурсов в СМИ и образовании, которые способствуют интеграции, а не противопоставлению гражданского и этнического компонентов идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асылгужин Р.Р. Этническая идентичность как социально-философская проблема: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Асылгужин Рафиль Рифатович. – Уфа, 2005. – 175 с.
2. Балыкова А.А. Этнокультурная идентичность как социально-философская проблема: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Балыкова Арюна Анатольевна. – Улан-Удэ, 2001. – 163 с.
3. Баева Л.В. Социокультурные изменения в условиях развития высоких технологий / Л.В. Баева // Инноватика и экспертиза. – 2012. – № 2(9). – С. 110–118.
4. Благовская Е.В. Этническая идентичность как основа формирования институтов этнической идентификации в Республике Алтай: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Благовская Евгения Васильевна. – Горно-Алтайск, 2013. – 182 с.
5. Гатиатуллина Э.Р. Идентичность как категория социальной философии: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Гатиатуллина Эльвира Ринатовна. – Нальчик, 2012. – 156 с.
6. Зверева И.А. Идентичность как философская проблема (социокультурные основания): диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Зверева Ирина Александровна. – Москва, 2010. – 189 с.
7. Каропова С.Г. Социокультурные факторы в трансформационных процессах современного российского общества и их воздействие на сознание и традиционные ценности социума / С. Г. Каропова // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 5. – С. 49–54.
8. Паршукова Г.Б. Формирование профессиональной и общекультурной компетенции обучающихся как становления культурного кода / Г.Б. Паршукова // Сибирский педагогический журнал. – 2015. – № 6. – С. 105–108.
9. Савин С.Д. Стабилизационное сознание в изменяющемся российском обществе / С.Д. Савин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 770–786.
10. Таракстина А.Г. Медиакультура как современный социальный феномен / А.Г. Таракстина // Молодой ученый. – 2024. – № 9(508). – С. 331–332.
11. Татарова С.П. Технологии и факторы формирования этнокультурной идентичности молодежи / С.П. Татарова, С.А. Харитонов, Н.А. Затева // Педагогический ИМИДЖ. – 2023. – Т. 17, № 3. – С. 304–316.
12. Федотова В.А. Социокультурные факторы формирования гражданской и этнической идентичности россиян: к постановке проблемы / В.А. Федотова, Е. В. Черкасова // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 11. – С. 138–143.
13. Хамнаева А. Ю. Идентичность как социально-философская проблема: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Хамнаева Анна Юрьевна. – Улан-Удэ, 2007. – 148 с.
14. Bobowik M. Ethnocultural diversity of immigrants' personal social networks, bicultural identity integration and global identification / M. Bobowik, V. Benet-Martínez, L. Repke // International Journal of Psychology. – 2022. – Vol. 57, Issue 4. – P. 491–500. – DOI: 10.1002/ijop.12814.
15. Khachaturian N.R. Approaching Ethno-Religious Identity / N. R. Khachaturian // History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. – 2024. – Vol. 20, N. 1. – P. 183–190.

© Калинин Дмитрий Николаевич (DmitriyKalinin1998@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ И ПРОБЛЕМА РЕФЕРЕНЦИИ: ОТ ФРЕГЕ ДО СОВРЕМЕННЫХ ТЕОРИЙ ЗНАЧЕНИЯ

Красников Сергей Павлович

кандидат философских наук, Российский университет
кооперации
istoric1000@yandex.ru

THE LINGUISTIC TURN AND THE PROBLEM OF REFERENCE: FROM FREGE TO CONTEMPORARY THEORIES OF MEANING

S. Krasnikov

Summary: This article explores the developmental trajectory of the philosophical problem of reference, from the Fregean distinction between sense and meaning to contemporary contextual approaches within the linguistic turn. The aim is to analyze the conceptual incompatibility of classical theories of reference and identify the reasons for the impossibility of constructing a unified universal model of the connection between language and reality. Methods of historical and philosophical reconstruction, comparative analysis of theoretical models, and conceptual critique are applied. The results demonstrate that Frege's distinction between intralinguistic meaning and extralinguistic reference generates a tension that Russell's theory of descriptions amplifies through the opposition of names and descriptions, whereas Kripke's conception of rigid designators and causal chains does not eliminate the descriptive component but rather reveals its ineradicability in naming practice. An analysis of indexical expressions through Kaplan's distinction between character and content reveals the fragility of universal semantic rules when confronted with the contextual variability of actual use. A comparison of the analytical tradition with the phenomenological approach, drawing parallels between Frege and Husserl, reveals fundamental differences in the interpretation of meaning and the impossibility of a linguistic turn for phenomenology. Wittgenstein's contextual theory of meaning blurs the boundaries between semantics and pragmatics, effectively eliminating the possibility of a unified theory of reference by dissolving the problem into a diversity of language games. The study concludes that the evolution of reference theories reflects not progress in solving the original problem, but a shift from the search for universal mechanisms to the description of local practices. This indicates the constitutive incompleteness of the philosophy of language project itself and the artifactual nature of the problem of reference as a product of a particular philosophical orientation.

Keywords: reference, descriptivism, causal theory, rigid designators, indexicals, sense and meaning, linguistic turn, contextual dependence, philosophy of language, semantics.

Аннотация: Статья исследует траекторию развития философской проблемы референции от фрегеанского различия смысла и значения до современных контекстуальных подходов в рамках лингвистического поворота. Целью выступает анализ концептуальной несовместимости классических теорий референции и выявление причин невозможности построения единой универсальной модели связи языка с реальностью. Применяются методы историко-философской реконструкции, сравнительного анализа теоретических моделей и концептуальной критики. Результаты демонстрируют, что фрегеанское разделение интралингвистического смысла и экстралингвистической референции порождает напряжение, которое расселовская теория дескрипций усиливает через противопоставление имен и описаний, тогда как крипкеанская концепция жестких десигнаторов и каузальных цепей не устраняет дескриптивный компонент, а обнажает его неустранимость в практике именования. Анализ индексикальных выражений через каплановское разграничение характера и содержания выявляет хрупкость универсальных семантических правил при столкновении с контекстуальной вариативностью реального употребления. Сопоставление аналитической традиции с феноменологическим подходом через параллель между Фреге и Гуссерлем показывает принципиальные расхождения в трактовке смысла и невозможность лингвистического поворота для феноменологии. Витгенштейновская контекстуальная теория значения размывает границы между семантикой и прагматикой, фактически отменяя возможность единой теории референции через растворение проблемы в многообразии языковых игр. Исследование приходит к выводу, что эволюция теорий референции отражает не прогресс в решении исходной проблемы, а смещение от поиска универсальных механизмов к описанию локальных практик, что указывает на конститутивную неполноту самого проекта философии языка и артефактность проблемы референции как продукта определенной философской установки.

Ключевые слова: референция, дескриптивизм, каузальная теория, жесткие десигнаторы, индексикалы, смысл и значение, лингвистический поворот, контекстуальная зависимость, философия языка, семантика.

Проблема референции обнажает тот разрыв между словом и миром, который философия языка пыталась либо ликвидировать, либо концептуализировать на протяжении всего двадцатого столетия. К.П. Чилингарян справедливо усматривает в работах Г. Фреге и Б. Рассела точку отсчета для систематической теории

референции, однако эта точка отсчета не представляет собой чистого начала [5]. Фрегеанское различие *Sinn* и *Bedeutung* возникает из попытки разрешить парадокс тождества, когда два выражения указывают на один объект, но познавательная ценность высказываний с этими выражениями радикально различна. В.Н. Isaacs, I.U. Gwunireama и

Т.В. Оган демонстрируют, что у Г. Фреге смысл оказывается интралингвистическим образованием, тогда как референция выводит за пределы языка к физическим объектам экстралингвистического мира. Такое размежевание порождает напряжение, которое впоследствии определит траекторию всех дебатов о референции [6].

Расселовская теория дескрипций радикализирует это размежевание через введение различия между именами и описаниями. В.А. Васильев отмечает конвенциональный характер языка у Б. Рассела, но конвенциональность здесь не отменяет того факта, что только имена предполагают существование обозначаемых объектов, тогда как описания функционируют как неполные символы [1]. А.С. Колесников вскрывает логический порок этого противопоставления, поскольку имя и описание взаимно дополняют друг друга в реальной языковой практике. Проблема пустых классов у Б. Рассела обнаруживает фундаментальную трещину в референциальной схеме, когда выражения вроде «современный король Франции» оказываются бессмысленными при утверждении их существования, но при этом успешно функционируют в языке [3].

С. Крипке наносит удар по дескриптивизму через концепцию жестких десигнаторов и каузально-историческую теорию референции. S. Datta показывает, что крипкеанская критика двух версий дескриптивных теорий обнаруживает невозможность редуцировать референцию имени к набору ассоциированных описаний [7]. Жесткий десигнатор указывает на один и тот же объект во всех возможных мирах, и эта жесткость не может быть схвачена через описание свойств объекта, поскольку свойства варьируются от мира к миру. Каузальная цепь передачи референции от остенсивного крещения до текущего употребления имени заменяет фрегеанский смысл историческим механизмом. Однако С. Крипке не предлагает развернутой теории значения имен, ограничиваясь утверждением, что их единственная семантическая функция состоит в референции.

Е.И. Спешилова демонстрирует неожиданную комплементарность дескриптивного и каузального подходов [4]. Каузальные элементы обнаруживаются в дескриптивизме через передачу смыслов по коммуникативным цепочкам от поколения к поколению, тогда как дескриптивные характеристики остаются значимыми в теории прямой референции на этапе именования или передачи информации об объекте. Сильная версия дескриптивизма у Г. Фреге и Б. Рассела трактует имя как сокращенную дескрипцию, слабая версия у Дж. Сёрла допускает ассоциацию имени с комплексной дизъюнкцией дескрипций. К. Доннелан и С. Крипке, с другой стороны, рассматривают имена как ярлыки, прикрепленные к объектам через историческое объяснение взаимосвязи. Эти подходы не исключают друг друга, но отражают различные аспекты практики употребления имен в живом языке.

Индексикальные выражения обостряют проблему референции через введение контекстуальной зависимости. О.А. Козырева анализирует каплановское разграничение характера и содержания индексикалов, где характер представляет собой неизменное правило употребления, а содержание варьируется в зависимости от контекста высказывания. Парадокс автоответчика А. Сиделля обнажает несостоятельность каплановской семантики в определенных коммуникативных ситуациях, когда индексикальные высказывания успешно передают информацию вопреки нарушению стандартных правил определения контекста [2]. Интенциональный подход К. Ромден-Ромлук предлагает определять семантически релевантный контекст через интенции говорящего и коммуникативные конвенции участников, что размывает границу между семантикой и прагматикой.

М. Sidiropoulos вводит витгенштейновскую перспективу контекстуальной теории значения, согласно которой философские проблемы коренятся в недопонимании, возникающем при абстрагировании слов от контекста их употребления в обычном языке [9]. Контекст придает различные значения одним и тем же словам, и эта гибкость была упущена в ранней аналитической философии. Р. Карнап предложил изучать философские вопросы в искусственных языках, управляемых правилами логики, чтобы избежать двусмысленностей обычного языка. Однако витгенштейновский подход указывает на то, что грамматические правила часто принимаются за материальные пропозиции, что порождает философскую путаницу.

А.А. Мёдова ставит вопрос о возможности лингвистического поворота в феноменологии через сравнение референциальных схем Г. Фреге и Э. Гуссерля [8]. Оба философа исходят из первичности смысла над языком и признают априорные логические отношения в основе высказываний. Смысл рассматривается как объективный, передаваемый и универсальный феномен, независимый от носителя и не являющийся по сути лингвистическим. У Э. Гуссерля смысл имеет интенциональную природу, у Фреге логическую неразложимость понятий делает смысл логическим феноменом. Фундаментальные различия между феноменологией и аналитической философией в вопросах языка и значения определяют невозможность лингвистического поворота для феноменологии в том виде, в каком он был осуществлен в аналитической традиции.

Эволюция теорий референции от Фреге до современных контекстуально-ориентированных подходов обнаруживает движение от попыток зафиксировать жесткую связь между словом и объектом к признанию множественности механизмов референции в зависимости от типа выражений и коммуникативной ситуации. Проблема референции сопротивляется теоретическому закрытию с упрямством, которое заставляет подозревать в ней не технический изъян отдельных концепций, а что-то вроде конститутивной неполноты самого предприятия.

Фрегеанские смыслы и крипкеанские каузальные цепи выглядят не столько конкурирующими объяснениями одного феномена, сколько попытками ухватить разные грани того, что не схватывается единой моделью. Каждая теория натывается на свои аномалии — пустые имена взрывают каузализм изнутри, индексикалы на автоответчиках издеваются над каплановской элегантностью, передача референции через поколения работает при катастрофической потере дескриптивного содержания.

Асимметрия между именами и предикатами почти не тематизируется в спорах, хотя именно здесь обнаруживается молчаливое признание поражения универсалистских амбиций. Если механизмы референции принципиально различны для разных типов выражений, то само понятие референции распадается на семейство не вполне совместимых операций. Контекстуалисты радикализируют этот распад через размывание границ между семантикой и прагматикой, но их победа оборачивается исчезновением объекта исследования в бесконечности ситуативных употреблений.

Витгенштейновское растворение проблемы в языковых играх честнее половинчатых гибридизаций, пытающихся склеить дескриптивизм с каузализмом через компромиссные конструкции. Возможно, лингвистический поворот обнажил не столько структуру референции, сколько иллюзорность надежды на ее единую структуру. Что остается — это набор частных механизмов без метатеоретического фундамента, который их объединяет.

Заключение

Проблема референции не разрешается последо-

вательным применением какой-либо одной теоретической стратегии, а скорее распадается на семейство локальных вопросов о механизмах связи различных типов выражений с фрагментами реальности. Фреге запустил движение через разделение смысла и значения, Рассел усложнил картину противопоставлением имен и дескрипций, Крипке попытался радикально упростить через жесткую десигнацию и каузальные цепи. Ни одна из этих схем не покрывает всего многообразия референциальных практик в живом языке.

Индексикалы обнажили хрупкость любых универсальных семантических правил при столкновении с контекстуальной вариативностью реального употребления. Витгенштейновский поворот к языковым играм фактически отменяет саму возможность единой теории референции, размывая ее в бесконечном многообразии ситуативных практик. Феноменологическая альтернатива через интенциональность не снимает напряжения между смыслом и референцией, а переводит его в иную плоскость трансцендентального анализа сознания.

Эволюция от классических схем к контекстуально-ориентированным подходам отражает не столько прогресс в решении проблемы, сколько смещение фокуса с поиска универсальных механизмов к описанию локальных практик референцирования. Возможно, сама проблема референции была с самого начала артефактом определенной философской установки, стремившейся зафиксировать жесткую связь между словом и миром там, где реально существует подвижное и исторически изменчивое множество способов координации языка и реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев, В.А. Лингвистический поворот в философии / В.А. Васильев // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2017. — № 1 (768). — С. 172-181.
2. Козырева, О.А. Проблема референции индексикалов: возможные подходы / О.А. Козырева // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2022. — № 67. — С. 269-281. — DOI 10.17223/1998863X/67/23. — EDN EDQKVE.
3. Колесников, А.С. Философия Бертрانا Рассела - современные дискурсы / А.С. Колесников // Вестник РХГА. — 2020. — № 3. — С. 87-112.
4. Спешилова, Е.И. Проблема референции имен собственных: дескриптивный и каузальный подходы / Е.И. Спешилова // Идеи и идеалы. — 2022. — Т. 14, № 4-2. — С. 416-430. — DOI 10.17212/2075-0862-2022-14.4.2-416-430. — EDN RYXOIT.
5. Чилингарян, К.П. Проблематика теории референции знаков в современной лингвистике / К.П. Чилингарян // Litera. — 2024. — № 6. — С. 199-216. — DOI 10.25136/2409-8698.2024.6.71111. — EDN HCKBAY.
6. Baridisi Hope Isaac. Gottlob Frege on Sense and Reference: Perspective in Philosophy of Language / Baridisi Hope Isaac, Ishmael Ukie Gwunireama, Tamunosiki Victor Ogan // International Journal of Capacity Building in Education and Management (UCBEM). — 2020. — Vol. 4, No 1. — P. 58-62.
7. Datta, S. Saul Kripke: Reference of a name is not determined by its sense / S. Datta // SCIREA Journal of Sociology. — 2023. — Vol. 7, Issue 4. — P. 200-221. — DOI 10.54647/sociology841105.
8. Medova, A. Why phenomenology could not commit the linguistic turn? / A. Medova // HORIZON. Феноменологические исследования. — 2022. — № 2. — С. 558-583.
9. Sidiropoulos, M. The Linguistic Turn / M. Sidiropoulos // ResearchGate. — 2021. — DOI 10.13140/RG.2.2.10382.08004.

© Красников Сергей Павлович (istoric1000@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Лян Чуньюй

Аспирант, Забайкальский государственный университет

(г. Чита);

Преподаватель, Шэньянский технологический

институт, КНР

1986354138@qq.com

PHILOSOPHICAL AND CULTURAL ANALYSIS OF THE TRANSFORMATION OF CHINA'S EDUCATIONAL STRATEGY IN THE CONTEXT OF THE GLOBAL DISTRIBUTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Liang Chunyu

Summary: This study explores the fundamental contradiction between technocratic determinism, which proposes an algorithmic, personalized model of language education through artificial intelligence (AI), and the need to preserve cultural and civilizational identity in the context of globalization. The author postulates that China's language education policy finds itself at the epicenter of a key civilizational challenge, in which the technological imperative demands the integration of AI to enhance soft power and global competitiveness. At the same time, there is a threat of instrumentalization of language, its reduction to a set of communicative competencies, which negates its role as a «repository of being» (Heidegger) and a bearer of cultural codes. The aim of this study is to prove the thesis that the transformation of educational strategy must go beyond technological adaptation, which presupposes a synthesis of effective digital tools with a human-centered educational model aimed at fostering intercultural dialogue, critical thinking, and strengthening national identity through a conscious acceptance of global challenges. The theoretical basis of the study is a synthesis of critical technology theory and the philosophy of education. The study's novelty lies in its analysis of China's language policy as an example of the search for a balance between modernization and tradition in a context where AI is becoming an active player in shaping educational spaces and cultural perceptions.

Keywords: China, international language education, state approach to language education, digitalization, artificial intelligence, cultural identity, Confucianism, Taoism, Marxism.

Аннотация: Предметом данного исследования является фундаментальное противоречие между технократическим детерминизмом, предлагающим алгоритмизированную, персонализированную модель языкового образования через искусственный интеллект (ИИ), и необходимостью сохранения культурно-цивилизационной идентичности в условиях глобализации. Автор постулирует, что политика Китая в сфере языкового образования оказывается на эпицентре ключевого цивилизационного вызова, в рамках которого технологический императив требует интеграции ИИ для усиления мягкой силы и глобальной конкурентоспособности. В то же время, возникает угроза инструментализации языка, его редукции до набора коммуникативных компетенций, что нивелирует его роль как «хранилища бытия» (М. Хайдеггер) и носителя культурных кодов. Целью работы является доказательство тезиса о том, что трансформация образовательной стратегии должна выйти за рамки технологической адаптации, что предполагает синтез эффективных цифровых инструментов с антропоцентричной моделью образования, направленной на формирование межкультурного диалога, критического мышления и укрепление национальной идентичности через осознанное принятие глобальных вызовов. Теоретической основой исследования выступает синтез критической теории технологий и философии образования. Новизной исследования является анализ языковой политики Китая как примера поиска баланса между модернизацией и традицией в условиях, когда ИИ становится активным субъектом конструирования образовательного пространства и культурного восприятия.

Ключевые слова: Китай, международное языковое образование, государственный подход к языковому образованию, цифровизация, искусственный интеллект, культурная идентичность, конфуцианство, даосизм, марксизм.

Введение.

Актуальность исследований трансформации образовательной стратегии Китая в сфере международного языкового образования в эпоху цифровизации заключается в том, что интенсивное развитие Китая, как пишет Чжао Вэньвэнь [22], на мировой арене во многом зависит от того, как оно развивает программы, направленные на обучение иностранным языкам.

На основе философско-культурологического анализа можно выделить две основные проблемы, связанные с применением искусственного интеллекта в аспекте международного языкового образования в Китае. Во-первых, как доказывают Дун Хунцзе, Чжан Дунсяо, современные технологии остаются вне контроля со стороны государства и оказываются не способными решить такие задачи, как обеспечение равного доступа к международному языковому образованию для всех групп населения, а также сохранение и развитие традиционной китайской

идентичности [9, с. 127]. Подобная мысль высказывается учеными Ван Ди, Цзо Ци, которые отмечают, что в разных регионах Китая объективно сохраняются условия, благодаря которым граждане имеют неравный доступ к технологиям, в частности, это противоречие особенно ощутимо между городскими и сельскими районами [4, с. 50]. Во-вторых, искусственный интеллект в формате межкультурного языкового образования в Китае, по мнению Чжан Цзысюань, может привести к изменению акцента с традиционных ценностей и культурных особенностей Китая на идеалы глобализации [21, с. 256].

Таким образом, проблематика внедрения ИИ в образовательный процесс заключается в актуализации поиска баланса между использованием передовых технологий, доступных для всех обучающихся независимо от их социального или регионального положения, что является условием развития их личности и уважения к культурным традициям, представляющим основание стабильного развития общества. На наш взгляд, это требует, как государственных усилий, так и инициатив со стороны образовательных учреждений для создания образовательного пространства, где можно было бы интегрировать инновации, не теряя при этом культурные традиции.

Поэтому с учётом глобальных тенденций, таких как необходимость овладения иностранными языками в условиях активной миграции и межкультурного общения, Китай, как отмечает Цзинь Мэйин, должен адаптировать свой подход к формированию образовательных стратегий под современные требования. Таким образом, исследование трансформаций государственного подхода к образовательной стратегии Китая в контексте межкультурного языкового образования в эпоху цифровизации и ИИ имеет большое значение, как для науки, так и для практики культурного развития, а также для понимания глобальных тенденций в образовании [18, с. 160].

Трансформации государственного подхода в Китае к формированию образовательной стратегии в контексте межкультурного языкового образования в условиях цифровизации и искусственного интеллекта, затрагивается различными авторами и коллективами научных учреждений, которые обсуждают нововведения, связанные с внедрением ИИ и цифровых технологий в сфере обучения языкам. Однако, несмотря на значительное наличие научных теорий и концепций, свидетельствующего об интенсивности внедрения ИИ в образовательную практику в языковой сфере, вопрос, связанный с обоснованием необходимости трансформации государственного подхода к стратегии межкультурного образования в Китае остаётся практически не исследованным.

В основе исследования лежит предположение о том, что философско-культурологический подход позволяет

провести анализ технологий ИИ в современном Китае, которые активно используются для повышения интенсификации в обучении языкам в аспекте стремления государства к гибридизации стратегий, направленных на достижение гармоничного сочетания персонализированных адаптированных решений и культурных традиций, синтез которых способствует формированию благоприятной образовательной среды. Данный подход позволяет провести анализ языковой политики Китая как примера поиска баланса между модернизацией и традицией в условиях, когда ИИ становится активным субъектом конструирования образовательного ландшафта и культурного восприятия. В частности, теоретическая база исследования искусственного интеллекта (ИИ) и цифровых технологий в обучении языкам в Китае основана на теории персонализированного обучения К. Кроуфорда, которая описывает использование алгоритмов машинного обучения для анализа прогресса учащихся и адаптации учебных материалов под их индивидуальные потребности и уровень владения языком [1]. В исследовании применяется теория смешанного обучения (Blended Learning), которая, как пишет Ен Чи Лок, объединяет традиционные методы обучения с цифровыми средствами [2].

Результаты

В последние десятилетия Китай проводит активную политику развития международного языкового образования посредством внедрения передовых технологий искусственного интеллекта, придавая особое значение принципам персонализации и интерактивности учебного процесса. Используемая в данной стратегии философия кросс-культурного и коллаборативного подхода предполагает создание условий для активного взаимодействия студентов с представителями иных лингвокультурных сообществ, что обогащает коммуникативные способности обучающихся и развивает их способность эффективно функционировать в поликультурной среде.

Государственное внедрение инновационных технологий направлено на формирование новых моделей образовательной среды, позволяющих учитывать индивидуальные особенности восприятия учащихся и обеспечивать доступность качественного языкового образования широким слоям населения. Государственная политика основана на сохранении преемственности поколений и уважения национальных культурных особенностей. Образовательное пространство должно сочетать современные цифровые инструменты с традиционным культурным наследием, обеспечивая глубокое погружение в изучение языка и культуры страны происхождения изучаемого языка. Это создает условия для формирования целостного представления о мире, воспитания патриотизма и толерантности среди молодежи, укрепления национальной культурной самобытности и

готовности интегрироваться в глобальное пространство на основании глубоких исторических корней и культурно-национальных ценностей китайского народа.

Обсуждение результатов

В эпоху распространения искусственного интеллекта в Китае становится ощутимой необходимость смены стратегического подхода государства к международному языковому образованию, которая сопровождается выходом за рамки традиционных методов [5, с. 1]. Обосновывая эту идею, Сунь Юйсюань анализирует применение ИИ в преподавании английского языка в высших учебных заведениях Китая, рассматривая, как искусственный интеллект может интегрировать изучение английского языка в повседневную жизнь студентов, эффективно реализуя объединение культуры и повседневной жизни [15, с. 88]. При этом подход, связанный с переходом к современным методам обучения языкам, поддерживаемым искусственным интеллектом, как отмечают Ван Ди и Цзо Ци, уже активно реализуется на протяжении нескольких лет [4, с. 50]. В частности, П. Б. Каменова, утверждает, что китайское правительство активно продвигает стратегию развития искусственного интеллекта под названием «План 101», которая нацелена на превращение страны в мировой центр инноваций в этой сфере к 2030 г. [11]. Это означает, что эффективность современных методов образования заключается в том, что цифровые платформы могут адаптироваться к потребностям учащегося в реальном времени, в контексте развития цифровой культуры [17, с. 83].

Философско-культурологический анализ позволяет проанализировать участие государства в процессе внедрения современных технологий служат для интеграции культурных аспектов, что позволяет сохранять и развивать традиционные ценности [19, с. 140]. Внедрение искусственного интеллекта и современных технологий в китайское языковое образование описывают Оу Жоусянь и О.П. Осипова, которые изучают опыт, особенности и влияние правительства Китая в сфере образования в условиях цифровизации, интерпретируя международную версию Национальной платформы государственных услуг «умного образования» [10, с. 152]. Актуальным аспектом языкового образования с этой точки зрения, которая поддерживается Сунь Юйсюань становится развитие межкультурной компетенции, которая помогает не только овладеть языком, но и лучше понимать культуру и традиции стран, где этот язык используется [15, с. 176]. В этом контексте, который был определен Сунь Мяньтао, акцент делается на формировании таких качеств, как критическое мышление, креативность, межкультурная коммуникация и глобальная гражданственность [14]. Таким образом, целью современного международного языкового образования в Китае, которое ставит перед ним государство, является формирование личности, способной адаптиро-

ваться к глобальным вызовам, сохраняя традиционные китайские культурные ценности и идентичность.

Указанные аспекты создают экосистему, в которой искусственный интеллект и современные технологии становятся неотъемлемой частью образовательного процесса, что в свою очередь способствует формированию нового подхода к международному языковому образованию в Китае, основанному, как полагает Чжао Вэнь-вэнь, на принципах гибридизации [22, с. 152]. На основе разрабатываемых программ ИИ, в современном Китае активно развиваются гибридные модели обучения, объединяющие в себе традиционные и инновационные методы [13, с. 124]. Как отмечает Юе Гао, гибридный подход к разработке стратегии международного языкового образования в Китае способствует формированию более глубокого понимания не только языка, но и культурных контекстов, что делает обучаемого более адаптивным и восприимчивым к различным мировоззрениям. В конечном счёте, это может привести к воспитанию более глобально мыслящей и социально ответственной личности, готовой к сотрудничеству и взаимодействию в многонациональной среде [7, с. 950]. Например, как указывают В. Чжан и Н. Ли, в Китае набирают популярность игровые приложения в которых сочетаются образовательные элементы с культурным контекстом, в котором интегрированы элементы традиционных религий, философии и культуры [20, с. 49].

Еще одним аспектом стратегий современного языкового образования, на которые обращает внимание Чжан Цзысюань, является учет традиционного культурного контекста [21, с. 260]. В частности, конфуцианские идеи об образовании могут стимулировать изучение языка как способ личностного роста и социальной ответственности. Все более актуальным, как доказывают Чжао Маомао и Н. А. Дворянкина, становится использование элементов традиционной китайской культуры, мировоззрения и философии в современных методах обучения иностранным языкам на фоне цифровизации и появления искусственного интеллекта [23, с. 445]. Например, согласно Ч. Фань, наиболее значимым источником успеха современных образовательных программ в данной сфере является обращение к принципам конфуцианского учения о морали и этике [16, с. 66]. Особенно эффективным, по мнению Ван Юй, является обращение к традиционным для Китая практикам ритуала, которые по-новому преподносят игровые и творческие методы использования аспектов традиционной китайской культуры в практике преподавания языков в эпоху цифровизации [6]. При этом, как показывает Гэн Бяо, совместное использование даосских методов медитации и конфуцианских ритуалов позволяет интегрировать элементы формирования мировоззрения, что в свою очередь способствует более глубокому пониманию иностранных языков и культур [8].

В контексте марксистской методологии, на значимость которой указывается в трудах А.В. Ломанова, разработка современных подходов к развитию международного языкового образования приобретает социально-значимую практическую ориентацию, связанную с поиском наиболее эффективных стратегий межкультурного взаимодействия в современном мире. Марксизм, воспринимающий образование как путь, предлагает критически осмысливать язык как социальный конструкт [12, с. 6]. Это мнение находит подтверждение в научных работах Бао Синькай, по мнению которого развитие китайского марксизма шло от понимания абстрактного народа и классов к теории конкретной личности в ее гармоничных отношениях с государством и обществом [3, с. 15].

Выводы

Таким образом, философско-культурологический подход позволил вывить основные проблемы, связанные с применением искусственного интеллекта в аспекте международного языкового образования в Китае: современные технологии остаются вне контроля со стороны государства и оказываются не способными решить такие задачи, как обеспечение равного доступа к международному языковому образованию для всех групп населения, а также сохранение и развитие традиционной китайской идентичности; искусственный интеллект в аспекте международного языкового образования в Китае может привести к изменению акцента с традиционных ценностей и культурных особенностей Китая на идеалы глобализации.

Так же на основе философско-культурологического подхода, выявлено, что современная парадигма международного языкового образования в Китае отражает стремление государства воспитывать поколение профессионалов нового типа – мобильно мыслящих, интеллектуально развитых и морально устойчивых субъек-

тов современности, способствующих распространению китайских культурных кодов и духовных ориентиров в глобальном пространстве. Ориентация на технологическое развитие и искусственно-интеллектуальные решения представляет собой новый этап эволюции системы подготовки кадров, призванной сформировать агентов, свободно осуществляющих коммуникацию в мультикультурной реальности, глубоко осознавая собственную принадлежность к цивилизационной матрице Китая. Эволюционные процессы внутри образовательного пространства свидетельствуют о эффективности соединения цифровых инструментов с антропоцентричной моделью образования, направленной на формирование межкультурного диалога.

Китай выступает примером поиска баланса между модернизацией и традицией в условиях, когда ИИ становится активным субъектом конструирования образовательного пространства и культурного восприятия. Новая концепция формирования специалиста включает элементы, заимствованные из древнекитайских учений, таких как даосизм и конфуцианство, воплощающих идею внутренней гармонии и саморегуляции сознания. Методики медитации, этико-эмоционального самоконтроля и философско-рефлексивного осмысления действительности становятся неотъемлемой частью современного языкового образования.

Таким образом, китайский опыт синтеза исторического опыта и технологического прогресса могут стать образцом для разработки аналогичных концепций в странах, находящихся на этапе модернизации своего образовательного пространства. Создание гибридных образовательных моделей, соединяющих «восточную мудрость» и «западную эффективность», является важным условием успешного функционирования Китая в современном миропорядке, характеризующемся интенсивностью социальных взаимодействий и ростом значимости человеческого капитала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Crawford K. Atlas of AI: Power, Politics, and the Planetary Costs of Artificial Intelligence. Yale University Press, 2022. 336 p.
2. Yuen Chi Lok. Andrew Effectiveness of a Blended Learning Model for economics and finance courses in MBA Programs // International Journal of Education and Research. 2023. №. Pp. 93–106.
3. Бао Синькай. Соотношение идей марксизма и традиционной культуры в китайском обществе // Социология. 2023. № 2. С. 11–15.
4. Ван Ди, Цзо Ци. Онлайн-образование в современном Китае // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 5. С. 50–56. <https://elibrary.ru/item.asp?id=48558428&ysclid=m9jjh10ce1125731597>
5. Ван Т. Китайский язык как инструмент культурной дипломатии КНР // Международные отношения. 2024. № 1. С. 1–10.
6. Ван Юй. Анализ введения культуры при обучении языку // Вестник Цициньского института образования. 2020. № 1. С.141–144. = 王羽. 语言教学中的文化导入分析 // 吉林省教育学院学报. 2020. № 1. 141–144页.
7. Гао Юе. Соизучение языка и культуры в российской и китайской методиках преподавания иностранных языков (русский язык как иностранный; китайский язык как иностранный) // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2021. Том 6. Выпуск 6. С. 949–955.
8. Гэн Б. Конфуцианство и межкультурная интеграция в контексте глобализации // Человек и культура. 2020. № 5. С. 35–44.
9. Дун Хунцзе, Чжан Дунсяо. Образование на иностранном языке в эпоху искусственного интеллекта: вызовы, возможности и стратегическое реформиро-

- вание // Journal of Linguistic Governance. 2024. № 1. С. 127–138.
10. Жоусянь Оу, Осипова О.П. Национальные образовательные платформы Китая как эффективный ресурс международного сотрудничества // Наука и школа. 2024. № 2. С. 151–159.
 11. Каменнов П.Б. Развитие искусственного интеллекта – важнейшее направление инновационной политики КНР // Экономика КНР в годы 13-й пятилетки (2016–2020): Сборник статей / Составитель П.Б. Каменнов, отв. редактор А.В. Островский. Москва: ФГБУН Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2020. С. 141–156.
 12. Ломанов А.В. Идеология КПК после XVIII съезда и «сердцевинные ценностные воззрения» // Материалы ежегодной научной конференции «XVIII съезд КПК: новые задачи и перспективы развития» (г. Москва, 20 марта 2013 г.). М.: ИДВ РАН, 2013. С. 6.
 13. Сунь Ли. Исследование смешанной модели обучения на курсах перевода в условиях новой гуманитарной образовательной программы // Китайский журнал образования. 2021. № 9. С. 124. = 孙丽 新文科背景下外语专业笔译类课程混合教学模式探索, 中国教育学刊, 2021年第9期, 124页。
 14. 1Сунь Мянътао «The Concept of Tizhi (System) in Chinese Education» («Концепция тичжи (системы) в китайском образовании»). Shenyang, 2005. P. 339. = 孙锦涛, 中国教育体制论, 沈阳, 2005年, 339页。
 15. Сунь Юйсянь. Исследование применения искусственного интеллекта в преподавании английского языка в университете Китая // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2023. № 12. С. 88–103.
 16. Фань Чушу. Ценности конфуцианства в современной системе образования Китая // Современное педагогическое образование. 2022. № 4. С. 63–67.
 17. Хэ Янъян. Исследования и размышления о преподавании основ русского языка с использованием генеративного искусственного интеллекта // Образование в провинции Хэйлунцзян (теория и практика). 2024. № 08. С. 83–85. = 何洋洋 生成式人工智能工具介入的“基础俄语”课程教学探索与反思, 黑龙江教育 (理论与实践), 2024年第8期, 83–85页。
 18. Цзинь Мэйин. Образование на иностранном языке в эпоху искусственного интеллекта: роль и вызовы преподавателей // Журнал открытого профессионального колледжа Хубэй. 2024. Том 37. Выпуск 18. С. 160–163. = 金美英. AI时代的外语教育:教师的角色与挑战, 湖北开放职业学院学报-2024年, 18期, 160–163页。
 19. Цзян Хунсинь. Искусственный интеллект открывает новые возможности для развития обучения иностранным языкам // Guangming Daily, 2019.03.16(12). = 蒋洪新. 人工智能给外语教育发展带来新机遇, 《光明日报》 (2019年03月16日 12版).
 20. Чжан В., Ли Н. Исследование применения интеллектуальной системы обучения китайскому языку на основе искусственного интеллекта // Исследования по преподаванию китайского языка как иностранного. 2022. № 34(2). С. 45–56.
 21. Чжан Цзысюань. Применение ИИ в преподавании китайского языка как иностранного: инновационные подходы и методологии // Обучение языкам в эпоху интеллектуальных технологий: вызовы и перспективы. 2024. Р. 256–260.
 22. Чжао Вэньвэнь. Развитие образовательных экосистем в контексте цифровизации в Китае // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 5А. С. 145–152.
 23. Чжао Маомао, Дворядкина Н.А. Влияние технологии искусственного интеллекта на формирование иероглифической компетенции студентов, изучающих китайский язык // Kant. Общество с ограниченной ответственностью Издательство Ставролит. 2024. Р. 441–447.
 24. Чжэн Юнхэ, Лю Шиюй, Ван Иянь. Основы цифровизации образования в Китае, реальные трудности и направления реформ // Дистанционное образование в Китае. 2024. №6. С. 3–12. = 郑永和, 刘士玉, 王一岩, 中国教育数字化的基础、实然困境与改革方向, 中国远程教育, 2024年第6期, 03–12页。

© Лян Чуньюй (1986354138@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИДЕЙНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ РУССКИХ ФИЛОСОФОВ XIX-НАЧАЛА XX ВЕКА ОБ ИНСТИТУТЕ СЕМЬИ И БРАКА

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии
естествознания, Алтайский государственный
педагогический университет, (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

IDEOLOGICAL VIEWS OF RUSSIAN PHILOSOPHERS OF THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES ON THE INSTITUTION OF FAMILY AND MARRIAGE

V. Skopa

Summary: Russian philosophical thought has always paid special attention to family issues, viewing it as the foundation of the social and spiritual life of society. In the Russian philosophical tradition, the family is not simply a social institution, but a sacred space of education, love, and mutual responsibility. Prominent Russian philosophers viewed marriage as a sacred union based on deep spiritual intimacy. They emphasized that family is not a contract, but an internally consecrated unity of two souls called to shared spiritual development. The Russian Orthodox philosophical tradition interprets the family as a small church, where each person has unique spiritual value. Marriage is understood as a path to mutual salvation and personal development. Nikolai Berdyaev viewed the family as a microcosm of culture, a space for the transmission of spiritual and moral values between generations. He saw the family not only as a biological but, above all, as a cultural unit.

Keywords: Russian philosophy, institution of marriage and family, spirituality, Slavophiles, religious philosophy.

Аннотация: Русская философская мысль всегда уделяла особое внимание вопросам семьи, рассматривая её как основу социальной и духовной жизни общества. Семья в российской философской традиции предстаёт не просто социальным институтом, но и сакральным пространством воспитания, любви и взаимной ответственности. Выдающиеся русские философы рассматривали брак как священный союз, основанный на глубокой духовной близости. Они подчеркивали, что семья – это не договор, а внутренне освященное единство двух душ, призванных к совместному духовному развитию. Русская православная философская традиция трактует семью как малую церковь, где каждый имеет уникальную духовную ценность. Брак понимается как путь взаимного спасения и совершенствования личностей. Николай Бердяев рассматривал семью как микрокосм культуры, пространство передачи духовных и нравственных ценностей между поколениями. Семья виделась им не только биологической, но прежде всего культурной единицей.

Ключевые слова: русская философия, институт брака и семьи, духовность, славянофилы, религиозная философия.

Природа семейных отношений на протяжении столетий привлекала внимание мыслителей различных областей знаний: философов, психологов и историков. Первоначально семейная общность выступала своеобразным зеркалом социальных взаимодействий, отражая культурные паттерны и ценностные установки конкретной исторической эпохи. Глубокое исследование проблематики демонстрирует, что брачный институт постоянно эволюционировал, претерпевая кардинальные изменения в онтологическом, социокультурном и аксиологическом измерениях [5, 7]. Данный феномен становился предметом пристального изучения как зарубежных, так и российских ученых, которые стремились комплексно осмыслить трансформационные процессы семейной структуры [6, 7, 14].

Российские мыслители издавна уделяли пристальное внимание осмыслению сущности семейных отношений и брачного союза. Они рассматривали семью как фундаментальный социальный институт, который является основой духовного и нравственного развития общества. Отечественные философы подчеркивали, что брак – это не просто формальный договор, а глубокий эмоциональ-

ный и духовный союз между мужчиной и женщиной. Они видели в браке не только способ продолжения рода, но и возможность личностного роста, взаимного совершенствования и духовной близости. Особое внимание уделялось нравственным аспектам семейных отношений. Считалось, что истинный брак должен строиться на взаимном уважении, любви, готовности к самопожертвованию и совместному преодолению жизненных трудностей.

Русская философская мысль рассматривала семью как малую церковь, микрокосм, где формируются базовые человеческие ценности и где происходит передача духовного опыта между поколениями. Мыслители подчеркивали важность сохранения традиционных семейных устоев, видя в них гарантию социальной стабильности и нравственного здоровья общества [6, 7].

Особый научный интерес представляет русская философская мысль XIX-начала XX веков, которая уделяла пристальное внимание духовным аспектам семейных отношений. В центре научных размышлений находилась любовь как фундаментальная нравственная основа брачного союза. В указанный период институт семьи

испытывал масштабные структурные трансформации, существенно меняя свой традиционный уклад. Динамика социальных действий стремительно видоизменяла брачно-семейные модели, провоцируя активные дискуссии в научных и публичных кругах. Трансформационные явления затрагивали разные сферы: от личностных отношений до государственной политики, что делало заявленную проблематику весьма актуальной. Социокультурные изменения побуждали исследователей к глубокому переосмыслению классических представлений о браке, семейных ценностях и отношениях между супругами, что принципиально обновляло методологию изучения данного социального института.

В творчестве русских философов XIX - начала XX веков прослеживается глубокий интерес к аксиологическим измерениям семейных отношений. Выдающиеся мыслители, такие как И. Киреевский, К. Аксаков, Вл. Соловьев, В. Розанов, Н. Бердяев, П. Флоренский, И. Ильин рассматривали проблематику семьи в широком контексте экзистенциальных вопросов [2, 3, 8, 9, 13]. Их научные труды были посвящены фундаментальным аспектам человеческого бытия: философии любви, природе эмоциональных переживаний, сущности половых отношений и нравственным устоям общественной жизни. Исследователи стремились постичь глубинные механизмы формирования семейных отношений, раскрыть их духовный потенциал и социокультурное значение. Уникальность подхода этих мыслителей заключалась в комплексном видении семьи как сложной системы, объединяющей индивидуальные и коллективные измерения человеческого существования, выходя далеко за пределы традиционной социологической трактовки.

Славянофилы – особое интеллектуальное течение русской общественной мысли середины XIX века, которое уделяло колоссальное внимание традиционным семейным ценностям. Мыслителями этого направления семья рассматривалась как фундаментальный социальный институт, хранящий духовные основы национальной культуры. Славянофилы (А. Хомяков, И. Киреевский, К. Аксаков) рассматривали брак как священный союз, освященный православной традицией; пожизненное добровольное партнерство; основу нравственного воспитания детей и малую церковь как базовую ячейку общественной системы. Ключевыми характеристиками идеальной семьи они считали патриархальный уклад, взаимное уважение супругов, многодетность, приоритет духовной близости над формальными отношениями и воцерковленность семейной жизни [7]. Славянофилы критиковали европейскую модель брака как формальный договор.

В концепции славянофилов женщина – хранительница домашнего очага, воспитательница детей, духовный центр семьи. Её миссия создание гармоничной ат-

мосферы и передача традиционных ценностей новым поколениям. Семья рассматривалась как первичное пространство нравственного воспитания, где дети получают религиозное образование, трудовые навыки, понимание ценностей, уважение к старшим и чувство национальной идентичности. Для славянофилов семья была не просто социальный институт, а живой организм, который транслировал духовные и культурные коды нации. Брак понимался как высокое призвание, предполагающее взаимное служение, любовь и ответственность.

Федоров Н.Ф. рассматривает брачный союз сквозь призму уникальной концепции воскрешения, которую трактует как высшее проявление истинной любви [12]. Мыслитель вводит новое понятие «долг воскрешения», возникающее из глубокого экзистенциального переживания человеком собственной смертности и внутренней несовершенности. Принципиальная позиция философа заключается в том, что матримониальные узы носят сакральный характер и не прерываются даже после физической смерти супругов. Федоров утверждает, что брачный союз – это не просто социальный институт, а метафизическая связь, которая трансцендентна земным ограничениям [12]. Ключевой целью семьи ученый провозглашает преодоление смертности через репродуктивную функцию – рождение потомства как способ продолжения рода и утверждения бессмертия человеческого начала. Деторождение, с его точки зрения, является не только биологическим актом, но и глубоким онтологическим процессом перманентного обновления жизни.

Философская мысль рассматриваемого периода концентрировалась на глубоком осмыслении духовной природы брака и семейных отношений. В центре исследований В.С. Соловьева находился поиск идеальной модели любви, которая выходит за рамки физиологических потребностей [11]. Мыслитель настаивал, что интимность между мужчиной и женщиной обретает подлинный смысл только в контексте моральных и социальных норм, что не утратило актуальности и в современном мире. Наиболее значимым для философа был процесс трансформации человеческой сущности – движение от греховного состояния к духовному преображению. Соловьев видел в семейных отношениях механизм раскрытия божественного начала в личности, где любовь выступает инструментом духовного очищения и возвышения. Для В.С. Соловьева половая любовь представляла собой глубокий духовный феномен, способный возвысить и трансформировать человеческую природу. Мыслитель рассматривал деторождение как своеобразный акт искупления, где биологический процесс становится каналом духовного преображения. Философ усматривал в интимных отношениях между мужчиной и женщиной проявление божественного начала, где сексуальность выступает не только физиологическим, но и метафизическим актом [11]. Соловьев полагал, что истинная любовь

способна создать целостную личность, гармонично сочетающую мужские и женские архетипические характеристики. Принципиальным для него было объединение морального и эмоционального аспектов любви. Только через синтез нравственного измерения и интимного влечения, по его мнению, возможно достичь одухотворенности межличностных отношений и личностной трансформации.

В работе «Смысл любви» В. С. Соловьев развивает концепцию брака как пространства личностной целостности и самореализации [11]. Философ утверждает, что подлинное предназначение любви – восстановление внутренней гармонии человека, которая достижима исключительно в контексте семейных отношений [11, С. 52]. Соловьев полагает, что идеальная женственность находит свое конкретное воплощение в индивидуальной женщине. Любовь при этом фокусируется на физической оболочке, однако мыслитель критически относится к биологическому аспекту размножения, рассматривая его как проявление примитивного, животного начала в человеке. Деторождение для философа – не благословение, а потенциальный источник греховности. Он считает, что дети наследуют несовершенства родителей, и единственный путь к духовному спасению – преодоление биологических инстинктов через трансцендентную любовь, которая выходит за рамки физиологических потребностей.

Выдающийся мыслитель В.В. Розанов значительную часть своих философских изысканий посвятил глубокому анализу социальной сущности семьи и ее роли в общественной структуре [9, 10]. Одним из первых он актуализировал идею необходимости государственной поддержки семейных институтов, подчеркивая прямую корреляцию между семейным благополучием и нравственным здоровьем социума. Философ рассматривал брак как уникальную систему, где мужское и женское начала не просто сосуществуют, а создают принципиально новое качество [10]. Для Розанова семейный союз – это не механическое объединение двух индивидуумов, а органическое слияние противоположностей, рождающее целостность, превосходящее сумму отдельных составляющих [10]. Розанов видел в браке не только социальный институт, но и особую метафизическую реальность, где мужчина и женщина взаимодополняют друг друга, создавая гармоничное единство, выходящее за пределы биологических и социальных ограничений.

Продолжая линию В.В. Розанова, Н.А. Бердяев подвергает резкой критике лицемерие религиозных воззрений и социальных норм в контексте интимных отношений [1, 2]. В своём фундаментальном труде «Смысл творчества» мыслитель аргументированно доказывает, что брачный союз является не свободным волеизъявлением индивида, а навязанным социальным конструктом [3, С. 214]. Философ подчеркивает, что общественное

восприятие семьи сводится исключительно к репродуктивной функции, механизму продолжения человеческого рода [3]. Бердяев Н. радикально переосмысливает традиционный уклад семейных отношений, рассматривая их как формальный институт общественного устройства, который не имеет глубинной эмоциональной связи и подлинной любви. Брак, по его мнению, превращается в социальный механизм, лишенный духовной интимности и подлинного экзистенциального смысла.

Флоренский П.А. внес значительный вклад в понимание брака и семьи с православной точки зрения. Его воззрения на семейные отношения отличались глубиной богословской мысли и антропологического подхода [13]. Флоренский рассматривал брак как священное таинство, а не просто социальный институт. Для него брак – это прежде всего духовный союз двух личностей, который имеет онтологическое значение.

Ключевыми принципиальными пониманиями брака у Флоренского были:

1. Взаимодополнение супругов, где мужчина и женщина в браке не просто партнеры, а две половинки единого целого. Их различия – не препятствие, а возможность для глубокой взаимной любви и духовного роста.
2. Аскетическое понимание брака. Брак – не только средство продолжения рода, но путь духовного совершенствования. Супруги призваны помогать друг другу в стремлении к высшим ценностям.
3. Семья как малая церковь. Флоренский считал семью микрокосмосом церковной общины, где реализуются христианские добродетели: любовь, терпение, жертвенность.
4. Сакральность деторождения. Рождение детей – это не только биологический, но духовный акт продолжения человеческого рода, миссия супружеской общности [13].

В целом, взгляды Флоренского на брак и семью глубоко укоренены в православной традиции, но при этом отличаются оригинальностью философского осмысления. Он рассматривал семью как пространство личностного и духовного роста, где любовь становится подлинным богословским делом. Во многом его идеи актуальны и сегодня, предлагая альтернативу утилитарному пониманию брачных отношений и подчеркивая их высокий сакральный смысл.

В свою очередь И.А. Ильин разрабатывает концепцию органической взаимосвязи домашнего и государственного устройства, подчеркивая глубинную зависимость общественных институтов [4]. В своем труде «Путь духовного обновления» мыслитель подробно анализирует семью как фундаментальную социальную ячейку, чувствительную к идеологическим трансформациям. Философ

выдвигает принципиальный тезис, что брачный союз изначально формируется под влиянием объективных обстоятельств, но устанавливается исключительно духовными константами – любовью, верой и внутренней свободой партнеров. Более того, Ильин рассматривает семейные взаимоотношения как первичный плацдарм при формировании патриотического самосознания личности. Ключевая идея мыслителя состоит в том, что здоровое государство вырастает из крепких семейных связей, где взаимная поддержка и эмоциональная близость трансформируются в широкий спектр гражданских добродетелей – любовь к отечеству, готовность к самопожертвованию и солидарности.

Философская мысль рубежа XIX–XX веков демонстрирует беспрецедентную глубину и интенсивность рефлексии над духовными основаниями межличностных отношений. Для русской философской традиции семья представлялась сакральным пространством, где концентрируются фундаментальные экзистенциальные смыслы – продолжение рода, духовная солидарность,

глубинная эмоциональная связь.

Таким образом, отечественная философская парадигма рассматривала семью как микрокосм, где разворачиваются универсальные духовные практики – любовь, жертвенность, преемственность поколений. Семейный уклад трактовался не просто как социальный институт, но как живой организм, где реализуется высший антропологический потенциал человечества. Семья рассматривается как сложный, многогранный организм, где любовь, взаимное уважение и духовная общность превалируют над формальными отношениями. Брак понимается не как социальный контракт, а как глубокое экзистенциальное событие двух личностей, направленное на взаимное духовное возрастание и служение. Современное общество во многом утратило эти глубокие философские воззрения, однако их актуальность и потенциал остаются чрезвычайно значимыми для сохранения культурной и нравственной преемственности. Русская философская мысль уделяла особое внимание институту семьи, рассматривая его как фундамент социальной и духовной жизни общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека (опыт персоналистической философии). Париж, 1939. – 224 с.
2. Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993. – 382 с.
3. Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.; Харьков, 2004. – 400 с.
4. Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. – 431 с.
5. Липич Т.И., Дмитрийчук А.Ю. Семья в философско-культурологическом осмыслении // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Право. №10 (259). Вып. 40. 2017. – С. 146–150.
6. Марьясова Е.А., Липич Т.И. Философско-антропологический анализ трансформации образов женщины в российской культуре. Белгород: Эпицентр, 2017. – 90 с.
7. Пурынычева Г.М. История русской философии (XI–XX вв.). Йошкар-Ола, 1999. – 264 с.
8. Розанов В.В. Семья как религия // Русский Эрос, или Философия любви в России. М., 1991. – С. 120–139.
9. Розанов В.В. В мире неясного и нерешенного. М., 1995. – 461 с.
10. Розанов В.В. Уединенное. М., 2013. – 190 с.
11. Соловьев В.С. Смысл любви. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1988. – 100 с.
12. Федоров Н.Ф. Философия общего дела: в 2 т. Т. 1. М., 2003. – 699 с.
13. Флоренский П., священник. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). Т. 1. М., 2017. – 684 с.
14. Фромм Э. Иметь или быть? М., 1986. – 238 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Arkhimandritova Iu. – Independent Researcher

Bobyleva T. – postgraduate student, K.L. Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz

Burikova I. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, North-West Institute of Management RANEPa (St. Petersburg)

Bykov E. – Doctor of Medical Sciences, Professor, Ural State University of Physical Culture, Chelyabinsk, Russia

Dokhoyan A. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Armavir State Pedagogical University"

Filippova O. – Lecturer, Saint Petersburg State Agrarian University

Gafarova O. – Psychologist–psychotherapist; General manager, LLC "Integration Resource Center" (Tambov)

Ivanova E. – Doctor of Philosophy, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Izbachkov I. – Applicant, D.S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage

Kalinin D. – Postgraduate student of Transbaikal State University (Chita)

Kalinin V. – graduate student, Chernyshevsky Saratov State University (SGU)

Karmatskaya G. – Applicant, OOO Online Institute of Psychology Smart

Krasnikov S. – Candidate of Philosophy Associate, Russian University of Cooperation

Kuznetsov A. – Postgraduate Student, Moscow City Pedagogical University

Levchenko E. – M.D., Ph.D., Associate Professor, Kursk State Medical University

Our authors

Liang Chunyu – Graduate student, Transbaikal State University (Chita); Russian language teacher, Shenyang Institute of Technology, China

Makarochkina N. – Postgraduate Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa HSHGU), Moscow

Maslova I. – Senior Lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Armavir State Pedagogical University"

Oguy V. – postgraduate student, Ural State University of Physical Culture. Chelyabinsk, Russia

Potapchuk E. – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Pacific National University, Khabarovsk

Potapchuk V. – Postgraduate student, Pacific National University, Khabarovsk

Saratovskii S. – candidate of Pedagogical Sciences, Saratov Chernyshevsky State University (SGU)

Shubin L. – M.D., Ph.D., Associate Professor, Yaroslavl State Medical University

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Usov S. – Senior Lecturer, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

Vasilyeva E. – Doctor of Art History, PhD in Law, Honorary Member of the Russian Academy of Arts, Member of the Creative Union of Artists of Russia, Lawyer of the Bar Association «Gridnev, Kharitonov and Partners», Moscow, Russia

Zaborovskaya V. – St. Petersburg State University

Zemlyansky D. – graduate student, Saratov Chernyshevsky State University (SGU)

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ♦ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ♦ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ♦ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ♦ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ♦ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ♦ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ♦ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ♦ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ♦ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ♦ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ♦ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ♦ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ♦ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).